

ШАНС НА ВЫБОР

НЕКОТОРЫЕ ОШИБКИ НЕЛЬЗЯ ПРОЩАТЬ. **ЭЙДЕН**
ОДНА МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ЖИЗНЬ. **ЭММА**

ДЖУЛИ ДЕЙС

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Джули Дейс

Шанс на выбор

Серия «Мечты сбываются», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64286281

SelfPub; 2023

Аннотация

Эйден Картер расставил жизнь по полочкам. Он знает, чего хочет и добивается поставленных целей. Лишь одна случайность способна пошатнуть ранее выставленные приоритеты и перевернуть прежний мир вспять. Эмма Фишер – девушка, ради которой устои и принципы начнут рушиться, а совесть бороться с желанием. В этой войне нет победителя. Есть только выбор, к которому необходимо прийти, ступив на тропу неизвестности, где можно приобрести или потерять.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	50
Глава 4	60
Глава 5	77
Глава 6	99
Глава 7	115
Глава 8	130
Глава 9	153
Глава 10	176
Глава 11	190
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Джули Дейс

Шанс на выбор

*Там, где закрывается одна дверь,
Открывается другая.*

Глава 1

Эйден

– Возможно, тут ты встретишь свою любовь, – говорит Рэн, открывая дверь.

– Можно, я хотя бы кину сумку на кровать, прежде чем её встречу? – с долей иронии, интересуюсь я.

– Ладно.

Товарищ заходит первым, за ним следую я. Не успеваю даже оглядеться, потому что Рэн начинает брэнчать ключами, подбрасывая их в воздухе и завоёвывая всё внимание к своей персоне.

– Поверить не могу, что согласился на квартиру, а не на братство, – парирует парень.

– Как будто кто-то запрещает тебе быть там каждые выходные.

Наигранное оскорбление отражается в его карих, почти чёрных глазах, и он сразу решает оправдаться:

– Там много девчонок.

– Не слышал о смешанных домах. Весь отряд тянется туда на выходных. Как только учуешь запах алкоголя – свисти.

В следующую секунду, усмешка тянет уголки его губ вверх.

– И ты не пойдёшь.

– И ты тоже.

– Пойду, – улыбается он.

– Да, когда отполируешь форму.

– Нужно как-то развлекаться. Из нас двоих, серьёзней настроен ты.

– По причине того, что хочу связать с этим будущее.

– Ты мог бы пойти по...

– Да-да, давай не будем? – устало прошу я. Вопрос, который всегда будет ходить за мной по пятам.

Рэн корчит лицо, но это происходит каждый раз, когда мы достигаем данной темы с любым человеком, и я отрезаю её на корню. Каждый считает своим долгом спросить, почему я не пошёл по стопам отца, и каждый раз все слышат, что это не их дело. Никто не обязывает меня заниматься боксом и питаться к нему неземной любовью. Это удел и прерогатива отца и Мэйсона, но не моя. Меня не принуждают. Я свободен в выборе. И мой выбор – это хоккей. Я доволен, чем занимаюсь и, тем, чего достиг. Мне доводилось пробовать разные спортивные секции, но именно на хоккее задержался и, кажется, остановился. Несмотря на это, периодически я всё равно могу прийти в зал и поколотить грушу, но в исключительном случае. Вся наша семья, а точнее мужская линия, соткана из любви к спорту. Отец, Мэйсон, я, дядя, его сын и мой брат Трэй. Ни один из нас не пошёл по тропинке искусства и не достиг великого духовного дзен. Мы тонем в спорте, который является второй жизнью. Это отдельная сторона

каждого из нас.

Темный дизайн квартиры явно готовился под мужскую за-
калку, светлый только ламинат на полу. Кирпичные стены
уходят в пепельный оттенок, кажутся практически чёрными.
Гостиная и кухня не разделены. По правую руку во всю сте-
ну растянулась чёрная матовая кухня, достигающая потолка,
центр занимает барная стойка с четырьмя стульями, над ко-
торой нависают лампочки. По левую руку – угловой диван и
телевизор напротив, за спинкой первого расположилось гро-
моздкое окно, половину которого закрывают шторы. Протя-
нутый коридор между кухней и барной стойкой, за которым
удаётся разглядеть несколько дверей напротив друг друга.

– У тебя есть время, пока не прикатил Картер.

– Отпадно, – киваю я, закидывая сумку на плечо.

– Нам будет очень весело втроём, – устало выдыхает Рэн. –

Я могу загадывать желание.

– Узнай все условия, возможно ли сделать это между име-
нем и фамилией.

– Я занял первую. По левой стороне ванная и туалет.

Открываю вторую дверь и следом за ней сразу третью.
Они абсолютно идентичны друг другу.

– Отличная шутка, – говорю я.

– В последней больше окон, – довольный собой, улыбается

Рэн.

– Беру третью, чтобы видеть вас как можно реже.

– Или быть ближе к ванной.

– Двойной плюс, – усмехаюсь я, закрывая дверь посередине.

Щелкаю по выключателю и бросаю сумку у ножки кровати.

Кровать, шкаф и парочка тумбочек, что ещё нужно? Ничего. Тот же темный оттенок стен гостиной словно переместился в комнату, но это даже хорошо. Интерьер в одном стиле всегда смотрится намного лучше резких контрастов. Единственное, что я делаю дальше – падаю на постель и вытаскиваю из кармана телефон. На экране несколько сообщений, и первое, на которое отвечаю – мама. За ней следует Мэйсон, который спрашивает, как я переживаю стресс. Вряд ли полуторачасовой перелёт из Нью-Йорка в Торонто можно назвать стрессом. Но как только прочитываю первое, следом прилетает второе, где он язвительно имеет в виду продажу машины, а не перелёт. Открываю камеру и делаю снимок с каменным выражением лица и средним пальцем рядом.

Отказаться от машины было довольно затруднительными решением, но ещё сложнее сделать на неё документы, чтобы спокойно перекатить в Канаду и не сталкиваться с дальнейшими палками в колёсах. В итоге, чувак, купивший её, остался более, чем доволен, судя по выражению лица. Она была идеальной, не требуя особых трат три года. Оставлять её не было дальнейшего смысла, разве что ржаветь в гараже. Кроме того, это был подарок родителей. Теперь каждое утро я буду пешеходом или человеком, пользующимся всеми бла-

гами общественного транспорта. Я забыл, что это такое, но вспомню и привыкну в ближайшее время. Ничего не остаётся, разве что купить новую на деньги, которые остались. Не знаю, нужна ли она тут.

Мэйсон отвечает собственным фото, где улыбка озаряет его самодовольное лицо. Следом приходит следующее: «Развлекайся, пока не вляпался». Вляпаться – на его языке означает обзавестись девушкой и не познать остальных. Не хочу даже предполагать хотя бы приблизительное число, скольких *познал* он. Я не совсем стремлюсь пойти по стопам брата. У меня нет острой нужды запихать в кого-то свой член и, таким образом, доказать что-то себе или кому-то. Либо же забыться. Не могу сказать, что являюсь священником, который стремится познать что-то духовное, но и не являюсь тем, кто яро ищет новые приключения. Между мной и Мэйсоном непреодолимая разница. Возможно, я не могу его судить и не имею на это никакого права, потому что не испытывал пустоту внутри, которая была у него, но и что бы не произошло, не буду устраивать трагедию. Его мучает отрицание, я же сразу прихожу к принятию. Он не особо охотно делится личной жизнью и тем, что произошло, если только с отцом. Но и это вряд ли, потому что я видел на лице папы озадаченное выражение, когда он смотрел на Мэйсона или вытягивал его из заварушек. Они всегда были близки, даже чересчур сильно, но и я никогда не ревновал и не метил примкнуть между ними. Я получал достаточное количество внимания

отца и не являлся забытым ребёнком. Я всегда был ближе к маме. Не настолько, конечно, чтобы трепаться о девочках, но и не так отдалённо. В отличие от Мэйсона, я мог часами сидеть с ней, неважно, чем мы были заняты: она занималась документами, а я домашкой; она готовила, а я ковырялся в телефоне, периодически помогая ей; она пила чай или кофе, а я уплетал бутерброды. Главным было то, что она рядом, буквально в шаге от меня.

– Перекус? – интересуется Рэн, появляясь в пороге моей новой комнаты.

– Если это чипсы, то иди нахрен, – улыбаюсь я.

– За углом неплохое кафе.

– Ты выяснил это за пару дней?

– А ты думал, что я ходил голодный или зубрил рецепты? Усмехаюсь, приподнимаясь на локти.

– Не исключено.

– Если вы выбрали лучшие комнаты, то сваливаем отсюда, – заявляет голос Картера, а следом раздаются глухие шаги.

Проведя пятернёй по чёрной копне волос, он ставит локоть на плечо Рэна, и сверкает блестящими голубыми глазами.

– Они одинаковые, тебе повезло, – сообщаю я. – Надеюсь, ты не страдаешь картографическим кретинизмом.

Подняв насмешливо уголок губ, его взгляд обращается к Рэну.

– Ты забрал форму?

– Да.

– Тогда какого хрена она ещё не на мне?

– Ты только приехал, идиот, – закатывает глаза Рэн. – Может, погладить тебе трусы?

– А их нужно гладить? – язвит Картер.

Рэн закатывает глаза, всем видом показывая, что мирная жизнь будет частенько обходить нас стороной. Помимо того, что в одной квартире живут два Картера, с нами живёт тот, кто любит притащить кого-нибудь с собой. И не факт, что это не команда, а за ней не отряд безумных фанаток. Обычно, случается именно так.

Словно читая мои мысли, Рэн на начале выдвигает условия:

– Никаких девочек на диване.

– Не будь занудой, – фыркает Картер, когда я откидываю голову назад и начинаю смеяться.

– Я видел твою голую задницу больше, чем свою.

– И что?

– Развлекайся в комнате.

Переглядываюсь с Рэном, и в унисон с ним добавляю:

– В своей.

Я предпочитаю послушать дальнейшие наставления, и Рэн продолжает ту же тему.

– Надеюсь, ты понимаешь, что твоя посередине? Эта та, которая находится между двух дверей. Она вторая. Не пер-

вая.

– И не третья, – говорю я.

Взгляд Рэн встречается с моим, и его лицо превращается в мину из печали и вынужденных страданий.

– Какого черта ты не выбрал вторую? – спрашивает он, обращаясь ко мне.

– Я не собираюсь мучиться один.

– Спасибо, теперь мы будем делать это вместе. Ты мог бы спать на матрасе, если сильно нужно. Теперь мы оба обречены.

– Ты всё ещё против дивана? – гогочет Картер, больше обращаясь к Рэну, чем ко мне.

– Да, – фыркает он. – В комнате я хотя бы могу воспользоваться наушниками и не видеть твой зад.

– Не твой, поэтому и бесишься.

Смеюсь, а Картер отклоняется к своей комнате.

– И я тоже голодный. Накормите меня, парни.

– Постоянно удивляюсь, почему ты не засох на трусах отца, – вздохнув, говорит Рэн, вновь заостряя внимание на мне: – Как мы будем выживать несколько лет с ним?

– С трудом, – смеюсь я, поднимаясь с кровати.

– Мне понадобятся сильные успокоительные. Много успокоительных. Я должен видеть его на учёбе, тренировках и тут. За что? Объясни.

– Забей.

– Жизнь превращается в ад.

– Надеюсь, ты тоже запомнил, какая дверь твоя, – констатирую я. – Ни один из вас не должен быть в моей кровати. Особенно голый и не один.

– Принимается, – кивает Рэн.

Наша тройка плетётся к кафе, которое успел проверить Рэн. За эти несколько минут, я успеваю практически выплюнуть гланды и лёгкие, потому что Картер решил нести всякую чушь и рассказать, как добрался на автобусе со всеми тонкостями. Со сменой пассажира, которые занимали соседнее кресло от него, а таких было трое, его сопровождала новая история. Первый оставил следы слюней так, что можно было решить, будто он обмочился в пути. Второй трепался о том, как ищет своё пристанище, спасаясь от ревнивой жены, готовой сделать из его головы летающую тарелку. Третий морочил голову о том, как ему добраться до тех городов, о которых Картер даже не слышал. Из всей этой поездки он сделал только один вывод: притворяться мёртвым в любой непонятной ситуации. В конце концов, его история завершается тогда, когда к нам подходит девушка, чтобы принять заказ.

Карамельные волосы собраны в пучок на макушке, лёгкие завитки на кончиках играючи качаются из стороны в сторону, когда она перечисляет заказ, смотря на каждого из нас. Всё это время, нас сопровождает приглушённый смех за её спиной, намекающий и даже требующий внимание к себе. Словно привыкшая к подобной атмосфере, наша официант-

ка не сбивается. Благодаря розовому оттенку платья, которое является формой заведения, её щеки кажутся такими же румяными. Губы в форме сердечка едва приоткрыты, когда она поднимает голову и окидывает нас быстрым взглядом. Приятный голос, в котором нет толики смущения и кокетства. Чаще всего, я сталкивался с тем, что девушки волшебным образом меняли голос на какой-то конфетно-писклявый, начинали краснеть и переминается с ноги на ногу, в чём не было нужды. Это глупо.

– Пятнадцать минут, – сообщает она.

– Хорошо, – говорит Рэн, и она уходит, оставляя после себя приятный аромат духов.

Не спешу смотреть ей вслед, убираю меню в сторону и чувствую пристальное внимание, словно являюсь предметом для слежки. Предполагая, что это именно тот взгляд, который принадлежит девушке, принявшей заказ, я ошибаюсь. Краем глаза замечаю, что она вовсе отсутствует в зале. Дело в другом. Девчонки за соседним столиком смотрят в нашу сторону довольно недвусмысленно. И, конечно, улыбка моментально расцветает на лице Картера.

– О, да ладно? Уже? – страдальчески тянет Рэн. – Дай хотя бы день жизни.

– Вы могли бы прогуляться, – довольно улыбается он. – Посмотрите город, все дела.

– Может, лучше прогуляешься ты?

– Я обеспечен на три дня.

– Меня это мало заботит.

– Я мог бы поделиться, – предлагает парень, играя бровями. – Их трое, нас трое. Совпадение?

– Вали к ним.

Склонившись над столиком, Картер не скрывает озорства и того удовольствия, с которым издевается над Рэном каждый раз. Мне остаётся быть связующим звеном между ними, но вряд ли горжусь подобным положением. Меня он выводит ещё больше. Я привык к слишком пылкому желанию, которое льётся через край у Картера. Но, честно признаться, первый день тоже хотелось бы выспаться в тишине. Тем более завтрашняя тренировка назначена на шесть утра, а в пять я уже должен быть на ногах.

– Помните, что я предлагал, – говорит Картер, поднимаясь на ноги.

– Свали, – морщится Рэн.

Падаю на спинку диванчика и качаю головой. Не приходится даже поворачивать голову, чтобы понять причину глупого смеха за соседним столиком, к которому унесли ноги одного из нас.

– Почему они выбрали нас? – спрашивает Рэн.

– Кто именно? Девчонки?

– Приёмная и тренер. Почему с нами, к примеру, не Дик или Йен?

– Ты сам знаешь, почему.

– Почему они такие кривоногие?

Смеюсь, вспоминая бывших товарищей по команде. На самом деле, если поставить Картера, Йена и Дика в одну полосу, первый всегда будет выделяться. Не трудно признать и увидеть его превосходство. Он, кажется, родился на льду. И благодаря своей сладкой внешности, где чёрные волосы сочетаются с небесно-голубыми глазами, завоёвывает внимание женского пола в два счёта, кстати, мужское тоже. Между нами небольшая разница в росте, и она не особо заметна, отличаясь лишь несколькими дюймами. Плюсом ко внешнему фантику и телосложению, чем, безусловно, гордится Картер, восхваляясь мышцами и позволяя всем потрогать себя.

– У тебя хотя бы был выбор, – устало выдыхает Рэн.

– У тебя он тоже был.

– Нет, отец с детства решил, что я должен реализовать его мечты и стать хоккеистом. Ему повезло, что мне понравилось.

– Возможно, в планах отца я тоже должен был стать боксёром.

– Вряд ли, ты сейчас тут, а не на ринге.

– Какая уже разница? – говорю я. – В любом случае, мы тут. Нас выбрали из двадцати человек. Это говорит о том, что мы ценнее и перспективнее.

Рэн проводит рукой по русым волосам, словно находится в некоем отчаянье.

– Я оставил Лору.

– К этому всё шло, начиная с середины года.

– И в итоге дошло только к концу года. Я всё ещё думаю, что всё могло быть иначе, оставшись я в Миннесоте. Она поехала туда из-за меня. Мы даже не успели толком закончить первый курс. Это какой-то бред: не взять на первом, а вытягивать и переводить на втором. Я мог быть с ней.

– Цепляясь за мертвое?

– Она понимала, что всё грядёт к концу.

– Может, по другим причинам? – предполагаю я. – За год у неё поменялись интересы, как вариант.

– Я являюсь интересом? – выгнув бровь, хмурится Рэн.

– По-моему, и такое бывает. Вы повзрослели. Мы давно не в десятом классе и не на первом курсе.

– Только перешли на второй, – констатирует он. – Прошла всего лишь пара месяцев.

– И что?

– И я всё равно скучаю.

– Это привычка и привязанность. Ты просто привык.

– Время покажет, – кивает Рэн, дав понять, что хочет завершить этот разговор.

На самом деле, я мог бы сказать другое, но предпочитаю в таких ситуациях молчать. Я знаю, что она уже начала его забыть, об этом говорят последние фотографии. Я не отношусь к числу тех, кто скажет, и тех, кто промолчит. Я предпочитаю не знать, так проще. Это не моё дело, я ненавижу хранить чужие тайны, хотя могу. Это словно обязанность, к которой тебя добровольно принудительно склоняют. Эти си-

туации спорны, напоминают палку двух концов. Скажешь – можешь остаться виноватым; не скажешь – тоже останешься виноватым. Именно по этим двум причинам, я закрываю глаза и не сую нос в чужие отношения. Всё вылезет боком.

Девушка слабо, но вежливо улыбается нам, когда приносит тарелки с заказами. И когда она хочет поставить на стол третью, Рэн указывает на Картера и его мини фан-клуб.

– Можете отнести туда.

– Эм, – с долей замешательства, она оглядывается за спиной, после чего согласно кивает. – Хорошо.

Но Рэн не позволяет ей уйти слишком быстро, задержав новой просьбой:

– И попросите его не возвращаться в квартиру, либо же сделать это в одиночестве.

– Простите, но я не могу.

– Я дам двойные чаевые.

– Я всё равно не могу.

Её обеспокоенные карие глаза встречаются с моими.

– Он шутит, – говорю я.

Несколько секунд помедлив, она кивает и шагает к соседнему столику, а я заворачиваю голову, смотря ей вслед. Она достаточно высокая, но всё равно не выше меня, возможно, по подбородок. Взгляд спускается к талии, которую огибает пояс платья, повязанный в бабочку. И я вновь поднимаюсь выше, а именно к густым волосам. Под ярким светом, они, теперь уже, кажутся медовым оттенком.

– Даже не думай об этом, – парирует Рэн.

– Что? – смеюсь я, поворачиваясь к нему.

– К тебе это тоже относится, завтра будет худший день, если нам достался кто-то вроде майора Пэйна.

– Успокойся, я просто убедился.

– Да, я вижу.

– Не будь занудой, – улыбаюсь, отрезая кусочек стейка. – Как бы ты не перенял повадки Картера.

– Мне должна прилететь шайба и клюшка в лоб одновременно.

Жму плечами и принимаюсь за ужин.

Сразу ощущаю изменения, волна некого дисбаланса накачивается в ту же секунду, как только глаза находят циферблат на запястье. Обычно, в такое время я ужинал с семьей в её полном составе благодаря воскресенью, которое мама давно зарекомендовала, как семейный день. Скорей всего, за столом сейчас есть все, кроме меня. Это нагнетает тоску и загоняет в клетку с мыслями. Я прекрасно понимал, что означает не просто расстояние, а другая страна, но не мог ничего изменить. Добиваться и желать чего-то, чтобы отказаться в последний момент – не в моём характере.

Дёргаюсь, когда телефон вибрирует в кармане. Всего лишь сообщение от Мэйсона, но, когда открываю его содержимое, застываю с вилкой у рта. Отправив фото стола, который трещит по швам из-за наполнения, брат успешно копает дыру в душе, которую не засыпать ничем другим. Я не знал,

что так привязан к семье. Вполне привычно идти туда, где тебя ждут ежедневно, и вдруг, все резко меняется. Переворачивается. Делает резкий поворот. Я не на тренировке или с парнями, чтобы так просто взять и поехать домой. Как обычно случается, понимаешь что-то только тогда, когда это уходит из твоей жизни. Формально, у меня есть семья, но они в тысячах миль от того места, где я сейчас. Невозможно щёлкнуть пальцами и телепортироваться к ним. В какой-то степени, я даже начинаю скучать по идиотским шуткам Мэйсона. Всего несколько часов назад я обнимал маму в аэропорту, а сейчас понимаю, что могу только посмотреть фотографии и набрать её номер. Единственным остаётся доказать себе и семье, что такое спешное решение было не зря. У меня был вариант остаться в Миннесоте, но я согласился на этот.

– Эй, – зовёт Рэн, слегка стукнув по плечу.

Фокусирую на нём взгляд.

– Ты готов?

– К чему? – хмурю брови, не до конца понимая вопрос.

– К завтрашнему дню. А ты?

– Не бери в голову, – выдыхаю я, обессилено падая на спинку дивана.

Тру ладонями лицо и качаю головой, пока Рэн пристально наблюдает за мной.

– Всё в норме?

– Да, – кивком подтверждаю слова и снова беру вилку.

– Да ладно, я же вижу.

– Непривычно быть далеко от семьи.

– Хреново, – соглашается он. – Скоро у тебя не будет времени об этом думать. Ты уже год провёл в другом штате.

– Наверно, но это не другой штат.

Читаю второе сообщение, где Мэйсон добавляет: «Замороженной пицце нужно десять минут. Если поставишь на одиннадцать, она сгорит». Издаю смешок, потому что он выработал профессионализм в данной области кулинарии, сотканной из полуфабрикатов. В ответ отправляю то, что он немного опоздал, ведь я умею готовить. Спасибо маме, либо тому, что я часто заседал на кухне, пока она готовит. Мне удалось запомнить многое из того, что она делала и не оставить себя голодным в будущем.

– Хватит пялиться на ту официантку, – просит Рэн, но не скрывает улыбки. – Ты задрал.

– Она симпатичная, – смеюсь, говоря в своё оправдание первое, что приходит в голову.

– Она симпатичная, но не заглянет сегодня к нам.

– Я не планировал.

– Отлично, а теперь ужинаем и валим. Завтра будет либо ад, либо мы приняли предложение напрямую из рая.

– Надеюсь на второе.

– Судя по требованиям, можешь готовить задницу.

Морщусь, посмеиваясь над озадаченностью Рэна.

– Нахрена ты говоришь это?

– Чтобы не расслаблялись, мы больше не в школе. В моих

планах основной состав, а не запасной. Это же гребаная Канада, а не Флорида и даже не Миннесота. Я не буду в числе аутсайдеров.

– Давай хотя бы поедим без шила в заднице? – улыбаясь, предлагаю я.

– Если ты не будешь пялиться на ту официантку.

– Ты ревнуешь меня или её?

– Ха-ха, – закатывает глаза Рэн. – Я хочу вечер без презиков на полу.

– Без проблем, – соглашаюсь я.

Глава 2

Эйден

Не помню, когда последний раз был выжат так, как сегодня. Не помню, чтобы гонял по льду так, как сегодня. Не помню, чтобы не чувствовал рук и ног так, как сегодня. Не помню, чтобы хоть когда-нибудь говорил о том, что хочу пустить себе пулю в лоб.

Это не тренировка. Это был самый настоящий круг ада, по которому я пробежал не меньше миллиона раз. Говорят, что их семь или девять, но как по мне, то их гораздо больше. Это было понятно по сегодняшней тренировке. Когда мужчина потребовал обращаться к себе, как к тренеру Кинг, по стадиону разлетелись смешки и шутки. И это было зря. Каждый смешок и шутка – были подсчитаны и умножены на сто. Итогом за веселье обернулся самый настоящий полёт с обрыва вниз головой. В нашем случае, нескончаемое повторение, на которое он без всякого энтузиазма заявлял:

– Ещё раз.

В конце концов, по пустому комплексу слышались гневные слова каждого. Всё и всем было понятно сразу: мы в полной заднице. Длинная шеренга, которая вытянулась из большого количества претендентов, уменьшалась на глазах, в ответ на исключения, парни бросали бесконечные вопро-

сы: «Почему?». И лишь на первое *почему*, мужчина ответил:

– Я не даю второй шанс и не повторяю дважды.

Последующие *почему*, не достаивались ответа. Они получали игнор, в итоге, надежды тлели в глазах каждого, даже тех, кто оставался, потому что каждый чувствовал подвох, говорящий о том, что тренер может вернуться и исключить его. Больше не было смешков, шуток, смеха, улыбок. Ничего. Так он дошёл до нашей тройки. Я чувствовал напряжение парней, которые были с двух сторон от меня.

Серые глаза тренера обратились к Рэну, который после разрыва, решил нырнуть в хоккей с головой. Вероятно, это ему удаётся лучше всего. Товарищ получил кивок, после ответа на вопрос имени и фамилии, обуславливающий то, что он остаётся. Следом его взгляд заострился на мне. И я отвечаю на тот же вопрос, что и Рэн. Получаю тот же кивок, но не получаю облегчения. Хотелось бы радостно завопить, но это не тот случай, когда стоит верещать и салютовать всем пять. Когда внимание тренера обращается к Картеру, его бровь дёргается, а глаза ненароком метаются в мою сторону. Это не гребаная шутка, если он думает об этом. Я ношу данную фамилию, а Картер – имя. Ирония судьбы.

– Будешь вторым, – заявляет мужчина.

Самодовольное эго Картера не выдерживает. Он не сдерживается и недовольно бросает:

– Почему я должен быть вторым?

– Потому что ты представился после него. Два Картера,

для меня будет первый и второй. Ясно?

Мысленно умоляю его заткнуться и больше не спорить. И, к благословиению вселенной, Картер только фыркает. Но тут же получает:

– Я не потерплю команду из кучки самовосхваляющихся идиотов, максимальные способности которых – подтереть задницу. Если тебе не понятна причина, по которой я разделил вас, то ты не поймёшь, где находятся ворота твоей команды.

Напрягаюсь ещё больше. Не знаю, что лучше: двинуть Картеру прежде, чем откроется рот, или позволить ему потопить собственный корабль. Так или иначе, я всей душой желаю, чтобы он просто заткнулся и засунул гордость в задницу, иначе её можно упаковать в чемодан и отправлять в Миннесоту, готовясь к триумфальному возвращению. Кроме того, этот идиот может зацепить меня, а я не настроен терять предоставленную возможность. Если до него туго доходит элементарное, а именно то, что я всего лишь первым назвал свою фамилию, а он – вторым, но имя, то я откручу его башку, как только перешагну порог здания. Краем глаза замечаю Рэна, который напряжен не меньше меня. И какого же наше облегчение, когда Картер решает молчать. Он тоже получает хоть и медленный, но кивок.

Расслабляться не стоит. Когда тренер доходит до последнего и прощается с ним, из семидесяти парней остаётся сорок. И это не всё. Я знаю, что не всё, не первый день в хоккее.

Убеждаюсь в правоте, когда мужчина окидывает нас быстрым взглядом и говорит:

– Мне требуются двадцать человек. Начинаем по новой.

Сжимаю челюсть, не издав и звука. Если надо, я буду наворачивать круги бесконечное количество раз. Даже если это доведёт до смерти, возможно, оно того стоит. Ничто не достаётся легко. Я не там, где не нужно шевелить и пальцем. Тут необходимо работать, и сейчас, нет ни единого права на ошибку. Она перечеркнёт всё, что ставилось на кон.

Всё повторяется снова, но каждый понимает, что на этот раз борьба ожесточённей. Нас сорок, а должна остаться ровно половина. Каждый неверный бросок приведёт лишь к тому, что кивок тренера обойдёт его стороной. Я не желаю оказываться в данном списке.

Выходя на лёд, я не вижу ничего вокруг. Всё начинается с игры, ею же заканчивается. Чувство твёрдой поверхности под ногами, звук коньков и разлетающегося льда, когда они режут его при затормаживании, свежий морозный воздух мешается с ревом толпы и жаром в теле. Ты ловишь каждую секунду и каждое движение всех, кто окружает. Но всё основное внимание всегда приковано к шайбе, которая обязана влететь в ворота соперников, чтобы добыть очки. Я живу этим местом. Возможно, нельзя отдаваться чему-то так, как я отдаюсь хоккееу, но и не могу иначе.

Мужчина делит нас на команды, Рэн и Картер остаются за бортом. Мы больше не в одной лодке. Стараюсь запомнить

всех, кто есть в моей. Форма каждого разная, потому что привезена из дома. Приходится приложить максимальную сосредоточенность, чтобы запомнить товарищей. Мне предстоит пасовать кому-то из них, и не хочется сделать это сопернику. В стенах комплекса раздаются лишь удары клюшки и резьба коньков. Ни одного торжественного возгласа, когда шайба влетает в ворота. Этот, казалось бы, радостный момент, должны сопровождать счастливые крики. Но не сегодня и не в нашем случае. Запутанная шайба в воротах не несёт за собой ничего. Выигрывавшая команда не останется в полном составе, как и проигравшая. Тренер следит за техникой и скоростью, ему плевать на чью-то победу, это всего-то проверка на прочность и точность.

Новая шеренга сразу бросается в глаза. Она намного короче той, что была. Оглушающая тишина вокруг, когда тренер склоняется на ограждение вокруг катка. Если из-за усталости не начинают мучать галлюцинации, то я смело могу сказать, что вижу тень довольной улыбки мужчины. Его серые глаза скользят по нам, как рентген по грудной клетке. Если бы мог, я бы выдохнул, но дыхание сбилось или легкие перестали насыщать кислородом тело. Я ничего не хотел так, как получить гребаный кивок.

Нас вновь становится меньше. Из сорока, остаётся тридцать. Никто не сдвигается с мест, чтобы сузить полосу из претендентов. Прекрасно понимаю, что мы давно опоздали на первую лекцию, а возможно, и вовсе её пропустили. Я

сбился со счёта во времени. В горле пересыхает, когда палец тренера указывает на пятерых человек, после чего, он прощается с ними. Есть ещё одна пятёрка, в которой я не желаю числиться. Взгляд серых глаз останавливается на Картере. Он нажил себе врага за несколько секунд. И, к его сожалению, этот враг – тренер команды. Новая исключённая пятёрка, в которой нет нас троих. Клянусь, он был на грани, потому что ни на ком тренер не заострял сильное внимание.

– Завтра в шесть, – звучат последние слова, как приговор.

Наша двадцатка беззвучно отправляется к выходу.

Такой же гробовой тишиной наполнена раздевалка. Никто не знает, что ожидать дальше. Никто не спешит веселиться и праздновать зачисление. Никто не издаёт даже выдоха. Как будто никому из нас больше не требуется воздух, чтобы жить. Форма мокрая. На ней нет и дюйма сухого места. Можно выжать и напоить целый сад растений или же наполнить тазик. Все прекрасно понимают, что это не конец. Это всего лишь двадцатка, которая вскоре разделится на основной и запасной состав. На лёд выходит шесть человек, а не двадцать.

– Это было охренеть, как дерьмово, – говорит Картер.

Переглядываюсь с Рэном, никто из нас не торопится поддерживать диалог. Я не знаю, по причине отсутствия сил или это просто нежелание, но мы оба молча стягиваем одежду.

– Самый отстойный тренер, который мне встречался, – добавляет парень.

Закидываю полотенце на плечо, чтобы смыть с себя весь пот, которым обливался часами, и отклоняюсь в сторону душевых. Но каким-то чудом вырывается:

– Он нормальный.

– Что? – ахает Картер, и мне приходится остановиться, но я вовсе не тороплюсь оборачиваться.

– Ты слышал.

– Хочешь сказать, что он прав?

– Да.

Присвистнув, он издаёт смешок. Это выбивает и одновременно зарождает во мне последнюю каплю сил, сотканную из гнева. Резко разворачиваюсь и за несколько шагов сокращаю расстояние.

Тыкнув в его грудь, чётко произношу каждое слово.

– Он прав. Мы не в школе. Это не тот тренер, который будет подтирать твой зад и говорить, что у тебя, малыш, всё получится. Забудь про школу. Ты больше не в ней.

– Ты просто метишь в капитаны, – фыркает Картер.

На его губах продолжает играть тень улыбки, которую стирают мои последние слова:

– Какая, нахрен, разница, куда я мечу? На данный момент, я мечу не вылететь из команды.

Убираю руку и отступаю назад.

– Чего не сказать о тебе. Либо работай, либо проваливай. Тут никому не смешно, кроме тебя.

– Мне не смешно, – говорит он, пока капли в душевых

отбивают глухой ритм, а все остальные застыли на местах, завернув головы в нашу сторону.

– Мы все устали, Картер, и если ты решил, что один можешь вопить о том, как тебе тяжело, то оглянись вокруг. Мы в гребаной заднице. И это только начало.

Разворачиваюсь и шагаю к душевым. Я редко срываюсь, но сегодня выжат до конца физически и морально. Я не любитель размахивать кулаками, решать вопросы в негативной форме, и Картер получил то, чего добивался.

– С каких пор ты стал таким? – спрашивает он.

– Я серьезно отношусь к тому, с чем хочу связать будущее. Если ты намерен дальше идиотничать на льду, то лучше ва-ли. Не занимай место того, кому это нужно так же, как мне.

Холодный душ не помогает. Бодрости во мне ровно столько же, сколько жизни в кирпиче. И это только начало дня. Первого дня. Я должен жить так ещё несколько лет. Надеюсь, что скоро войду в колею и привыкну, а пока это кажется адом, который я готов проходить и в котором готов крутиться, как белка в колесе.

Несмотря на перепалку в раздевалке, как только мы выходим на улицу – Картер становится собой. Он потирает ладони и отслеживает каждую девчонку, находящуюся в миле от нас. Ему однозначно везёт, потому что неплохое количество отзывается на внимание в свою сторону. Они оборачиваются, улыбаются и глупо хихикают. Если у этого парня не торпеда в заднице, то у меня нет другого объяснения тому,

как его голубые глаза с блеском обращаются к нам.

– Кажется, у кого-то намечается вечеринка с первокурсницами.

– Ты всего лишь второкурсник, мы прилетели вчера, можно сказать, как на первый курс, придурок, – парирует Рэн, поудобней устраиваясь в кресле. – И завтра тренировка.

– Я не буду отказываться от девчонок из-за сраной тренировки.

– Тогда снимай отдельную квартиру.

Взгляд, наполненный энтузиазмом и недержанием, обращается ко мне.

– Хотя бы ты не будь занудой.

– Мне плевать, – сообщаю я. – Я планирую лечь и не вставать до завтрашнего утра.

– Когда увидишь мой выбор, быстро передумаешь.

Не стараюсь выдавить улыбку, закатить глаза или фыркнуть, лишь подставляю кулак под голову, налитую свинцом, и пытаюсь уловить хоть что-то из лекции.

Ещё недавно я наивно полагал, что моя студенческая жизнь будет подобна той, что была у Мэйсона. Я ошибался. Всё веселье, беспечность, тусовки и девочки скорей всего пройдут мимо нас благодаря тренеру. Спать два часа, а после встать на тренировку – не кажется такой прикольной идеей, как в школе. Если моя весёлая жизнь осталась в Нью-Йорке и половина в Миннесоте, то я не совсем понимаю, радоваться или загоняться. Да, конечно, утверждать, что всегда мож-

но наверстать, но кто вернёт возраст? Невозможно отмотать время назад и вернуться в юность. Машину времени никто не изобрёл. За всем этим бесконечным круговоротом из тренировок, я боюсь только упустить что-то важное.

Вокруг слишком много девчонок, их заинтересованности, а в нас критически мало сил, чтобы дать то, чего они желают. Так или иначе, где-то удаётся выдавить улыбку. Я не могу превратить свою жизнь в серые однотипные будни. Возможно, за это нам воздастся, но никто не обязывает меня упиваться в стельку перед завтрашним днём.

– Ладно, согласен, – сообщаю я, когда мы занимаем свободный стол в кафетерии и убиваемся кофеином.

Брови Рэна не знают, хмурится или подниматься, в итоге, на его лице то ли замешательство, то ли недовольство. Чего не сказать о Картере. Парень с грохотом ставит стаканчик с кофе на стол, и всё его внимание сосредотачивается только на мне.

– Согласен?

– Да, зови, но я не буду уделываться, чтобы не услышать будильник.

– Ты серьёзно? – недовольно фыркает Рэн.

Вздохнув, обращаю к нему взгляд, и говорю то, что является истиной.

– Мы не можем отказываться от студенческой жизни. Потом пожалеет, если так поступим.

– Я не хочу в Миннесоту, – говорит он. – Если вылетим,

путь только обратно. Это позор.

– Никто не заставляет пить до потери сознания. Хотя бы расслабимся. Черт, я вообще не помню, чтобы мы от чего-то отказывались в школе или в Миннесоте. Даже если приходилось ложиться в шесть и вставать в восемь.

– Недавно ты говорил, что мы уже не в школе.

– Я имел в виду другое.

Рэн молчит несколько минут. Кажется, он ведёт борьбу с самим собой, и мне известна причина, хоть мы не являемся лучшими друзьями навеки так же, как и с Картером.

– Плевать, – вздохнув, бросает он. – Я как все.

Тот блеск, который моментально вспыхивает в глазах Картера, одно из национальных достояний, не меньше. Парень тут же вскакивает со стула, отодвигая его с визгом назад.

– Не будем терять время.

С этими словами, он теряется в толпе студентов, а взгляд Рэна находит мой.

– Если он не встанет утром, то это только его проблемы. Лучше бы он так рвался на тренировку.

– Это уже не твоя забота.

– Ты прав, – кивает он. – Чувствую себя нянькой.

– Ты не нянька, и не твоя обязанность тормозить его. Он уже взрослый мальчик.

– Сейчас ты скажешь, что мы не в школе.

– Нет, но он должен нести ответственность за то, что делает.

– Картер не знает, что это такое.

Жму плечами, делая новый глоток кофе, и откидываюсь на спинку стула.

– Ты можешь быть его нянькой, если хочешь, – предлагаю я.

– Я дал слово тренеру, что не дам ему всё испортить.

– Испортить что? Его жизнь?

– Не знаю, мы не обуславливались чем-то конкретным. Наверно, он имел в виду то, что Картер загубит возможности.

– И поэтому мы должны портить свои возможности, потому что должны порхать над ним, как пчёлки?

– Да, согласие было дерьмовой идеей.

Киваю, когда к столу подходит парочка знакомых лиц. Сегодня они были в моей команде. Форма одного была со вставками оранжевого, а второго с красными. И они оба получили кивок, как и мы.

– Не против, парни? – спрашивает один.

– Валяйте, – согласно киваю, лениво махнув в сторону свободных стульев.

– Джон, – говорит тот, что с каштановыми волосами и зелёными глазами.

– Ной, – следом за ним, представляется второй. Парень проводит по русой копне волос и его карие глаза обращаются ко мне: – У вас реально одинаковое имя и фамилия?

– Да, – подтверждаю всю смехотворность ситуации.

Словно по волшебству, за их спинами возникает предвестник сегодняшнего бардака, который придётся убирать нам.

– Я почти у цели, – сообщает Картер, широко улыбаясь.

Его внимание падает на новых знакомых, тем же вниманием одаряют его. Картер кладёт ладони на их плечи и, переключаясь с одного на второго, говорит:

– Вы тоже приглашены.

– Куда? – интересуется тот, что с именем Джон.

– У нас сегодня мини тусовка. Никаких плюс один и так далее. Вы двое.

– Лады, – кивает Ной. – Где?

– Парни скажут адрес, я на поиски.

Он вновь исчезает с глаз, оставляя после себя лишь лёгкое удивление на лицах Ноя и Джона.

– Я бы не стал пить с Картером, – предупреждает Рэн. –

Он не знает, что такое похмелье.

– Уже что-то, – пожимает плечами Ной. – Мы уже решили, что откинемся на тренировках.

– Так и будет.

Обвожу взглядом просторное помещение, на котором раскинулось огромное количество столиков. Взгляд не цепляется ни к одному лицу. Зато замечаю внимание, которым награждают нас. Знаю, стоит только улыбнуться, и их стулья плавно передвинутся к нам, а руки повиснут на шее. Не знаю, хочу ли этого. С одной стороны, перед началом сезона, хо-

чется покоя, который вскоре исчезнет, а с другой – не терять времени, как говорил Мэйсон. Смешанные чувства всегда раздражают, поэтому стараюсь выкинуть их из головы.

Рэн разговорился с парнями, в итоге, поднимаемся из-за стола и направляемся на выход вчетвером.

– Если таким будет каждое утро, то я смело могу назвать себя мазохистом, – усмехается Ной.

– Ни один ты, – соглашается Рэн. – У нас целая секта.

– Секта из идиотов, которым нравится, когда их имеют во все щели, – добавляет Джон.

Не сдерживаю смешка, поддерживая парней. Вряд ли разумный человек согласится на то, что сегодня прошли мы.

– Это только начало.

– Намекаешь на смазку? – интересуется Ной.

– Говорю напрямую, – улыбаюсь я.

Открываю дверь и не делаю шаг, застыв в пороге, тормозя остальное движение. Те же карие глаза, что видел вчера в кафе, смотрят в мои, но с некой толикой испуга. Не совсем понимаю, она боится меня или той резкости, с которой я открыл дверь. Метаю взгляд в сторону, обнаружив рядом другую девушку, но с тёмным цветом волос.

Возвращаюсь к первой, приходя к заключению, что сегодня она выглядит иначе. Нет того хвостика, что был вчера, но завитки на кончиках остались. Сегодня её волосы ниспадают на плечи и обрамляют черты лица. Глаза стали выразителей благодаря косметике, губы приобрели новый оттенок

с помощью блеска, а на щеках лёгкий румянец. Вряд ли он из-за меня, скорей, ещё один бонус косметики. Под бежевым пиджаком, чёрное облагающее платье чуть выше колен и ремешок на талии, на ногах открытые туфли. Это вовсе не та девушка, что вчера обслуживала нас в кафе. Не могу сказать, что разница велика, но она есть, её невозможно не заметить. Косметика делает её привлекательней и в какой-то степени даёт образу стержности. Одновременно хочется связаться с ней, и в то же время обойти стороной лишние проблемы в будущем. Именно второе выбираю я: прохожу мимо.

Вплоть до вечера, не могу выкинуть её из мыслей. Голова переполнена догадками и предположениями. Если говорить откровенно, я готов пойти в кафе, чтобы убедиться в том, что зрение не обманывает. Я видел одну и ту же девушку в двух разных образах, либо у неё имеется сестра близнец. Конечно, на работе она обязана проявлять вежливость, и мне не даёт покоя то, что на деле, она является далеко не такой женственной и нежной, как кажется на первый взгляд. Я не хочу ломать то, что сам себе придумал, очернив всё реальностью.

Дверь открывается, и на пороге появляется главная головная боль.

- Что на ужин? – ехидно интересуется Картер.
- Твои горелые макароны, – ворчит Рэн.
- Похрен.

Воодушевление в его тоне слишком подозрительно, как и

распахнутая настежь дверь.

– Заходите, – тут же говорит Картер, и толпа девчонок заваливается к нам табором.

Поднимаю брови, окидывая взглядом толпу. От Рэна слышно лишь невнятное приветствие. К женскому полу присоединяются парни, но не Ной и Джон. Да, это будет эпично, если на диване будет не только Картер и его выбор, а целая оргия.

– Я сваливаю поесть, – сообщаю я, поднимаясь с дивана.

– Ты согласился с ним, а теперь меня бросаешь? – сморщив лицо, хмурится Рэн.

– Мне нужно полчаса.

– Вали, – смиренно соглашается он. – Я уже понял, куда ты.

Останавливаюсь, посмотрев на Рэна через плечо.

– И куда я? – чересчур любезничаю я.

– Эммы там нет.

– Кто такая Эмма?

– Официантка, на которую ты вчера пялился.

Закатываю глаза и улыбаюсь.

– Тогда, ещё лучше.

Уже на выходе вижу, что в руках почти каждого гостя что-то есть: пиво, пицца, пакеты, наполненные чем-то. В любом случае, ухожу не просто так, ведь при таком раскладе мог остаться, поужинав принесенным добром.

Для того, чтобы сменить место дислокации, требуется

несколько минут. Быстро перемещаюсь из квартиры в кафе, двигая меню ближе к себе. Зная, что буду пить, я бы не торопился ужинать, но сегодня не намерен влить в рот ни одного стаканчика. Завтрашний день слишком важен, чтобы пренебрегать им. Заказ принимает другая официантка. И с каждой последующей минутой, тлеет надежда, увидеть нужную, чтобы что-то понять и установить в собственном сознании. Несколько других работников проносятся мимо. Принимаю свою неудачу достаточно легко. Если не сегодня, так завтра.

В любом случае, съедаю заказанное блюдо и бросаю сотню на стол, поднимаясь на ноги. Не знаю, чем именно я руководствовался, направляясь сюда, но если это обычный голод, то хочется только порадоваться данному чувству. Я вовсе не хочу, чтобы слова Рэна стали пророческими. Но, кажется, они становятся. Я тут, потому что хочу увидеть девушку, которую видел вечером и сегодня утром.

Как и говорил, возвращаюсь в квартиру спустя полчаса отсутствия. Музыка моментально окутывает голову, а на руках повисает парочка новых, но женских. С того момента, как я ушёл, людей заметно прибавилось, и теперь в квартире негде упасть яблоку. Девушки так плотно прижимаются ко мне, что лист бумаги при виде нас скажет: «Давайте как-нибудь без меня». Пытаюсь разграничить пространство, но они вновь прилипают, как магнит к железу. Наконец, окидываю их взглядом, узнавая тех, кто сидел за соседним столиком на обеде. Моя превосходная зрительная память ликует.

Люди везде, если вскоре чьи-то ноги повиснут на моей шее, то я не буду сильно удивлён. Среди толпы, нахожу Рэна, который разговаривает с Ноем и Джоном, либо же пытается разговаривать, перекрикивая музыку.

– Выпей с нами, – просят девушки, затащив меня к барной стойке, на которой целый арсенал алкоголя. Обычное пиво давно осталось в прошлом за какие-то полчаса.

Вероятно, они не собираются упрашивать. Моё тело становится неким шестом для танцев. Достаточно откровенных танцев. Я даже издаю смешок, когда представляю, что мою ногу в буквальном смысле имеют две собачки. Убийственная вечеринка, в которой я – резиновая кукла для утех. Тот энтузиазм, с которым оприходуют мои ноги, не возбуждает, а смешит. Сползая вниз, девушки посылают понятные сигналы, и я тянусь к банке колы, чтобы осушить пересохшее от смеха горло. Подношу горлышко ко рту, но не делаю глоток, застыв на месте.

Та, кого я хотел увидеть в кафе прямо на нашем диване. На ней то же платье, но нет пиджака, благодаря его отсутствию, открываются руки и плечи, на которых лишь лямки платья. И будь я проклят, потому что она улыбается никому иному, как Картеру. Конечно, вокруг них другие люди, но тот факт, что он близок к ней и то, что его взгляд так или иначе обращается к ней, волной напряжения отражается на мне. Его рука протянута по спинке дивана, во второй он держит пиво. Ещё один минус – первая протянута по той сторо-

не, где та самая девушка.

По ногам скользят женские руки, поднимаясь выше и до-трагиваясь до тех мест, которые должны заставить меня ута-щить эту парочку в укромный уголок. Глаза падают вниз, и благо, что я не сделал глоток потому, что, видя эти лица, мог подавиться от смеха. Кажется, мой смех, они принимают за одобрение и вновь продолжают крутиться вокруг. Поднимаю глаза и встречаюсь с карими. Улыбка медленно, но, верно, сползает с лица, и как по зову, мои мини стриптизерши ре-шили вознестись и подняться на ноги, обернув вокруг меня руки. Чертовски вовремя.

– Извините, не сегодня, – говорю я, с трудом вылезая из их кокона вождления.

Девушки плетутся за мной, из-за чего хочется завывать. По-чему я? Почему сейчас?

Пролезаю в самый центр круга, созданный из Ноя, Джона и Рэна, и почти молю:

– Спасите.

Парни смотрят на меня, как на двинутого.

– Меня может изнасиловать парочка первокурсниц, – до-бавляю следом.

– Ты придурок, – в один голос, гогочут они.

Окидываю взглядом всех, кто за спинами парней и облег-чённо выдыхаю.

– Кажется, мои ноги только что были изнасилованы.

– Да, заметно, – кивает Рэн.

Опускаю глаза вниз и вижу подтеки на джинсах. Отлично, если это не алкоголь, то слюни. Такое со мной случает впервые. Всего сутки тут, а моя моральная девственность даёт трещину, как и одежда.

Время пролетает стремительно. Мои преследовательницы не появляются на горизонте, чему я только благодарен. Ещё одного нападения я не вынесу. Девчонки крутятся вокруг, но того, что со мной сделали первые – не происходит. Они лишь пытаются флиртовать. У некоторых даже получается. На их попытки я улыбаюсь и где-то посмеиваюсь. Вероятно, принимая это за ответ, они улыбаются шире. В итоге, последняя оскорблённо надувается, когда я прощаюсь с ней и направляюсь в сторону собственной комнаты.

Неудача застигает меня у двери Рэна. Та же парочка повисает на шее. На этот раз, снимаю их руки с себя и, удерживая в стороне, делаю шаг назад.

– Девчонки, вам пора, – моя вежливость ни к чему, но я пытаюсь быть как можно тактичней.

– Мы могли бы пойти к тебе, – предлагает одна.

– Не сегодня, – киваю я, следом добавляя: – Возможно, даже не в этой жизни.

Пользуясь их временным замешательством, делаю ещё пару шагов назад, утыкаясь в кого-то позади. Маленькие ладони, создавшие преграду, сползают с моей спины, принося лишь непонятный холод и опустошение после себя.

Бросив взгляд через плечо, нахожу ту, что когда-то хотел

увидеть.

– Прости, – говорю я.

Огибаю девушку, проскальзывая в свою комнату.

Скинув одежду, меняю её на шорты и падаю в кровать.

Время добежало до двенадцати, и вместе с ним, силы на что-то. Хочется только впасть в спячку. Даже не знаю, как засыпаю под громкую музыку, но, когда глаза закрываются, впадаю в крепкий сон. Видимо, когда человек действительно хочет спать, ничто не способно ему мешать.

Всё идёт так, как хотелось. Но недолго.

В дверь словно скребутся, что не даёт сну продолжиться. Битые пять минут бестолково кручусь, пытаюсь не обращать внимание на неприятные звуки из вне, но в итоге сдаюсь, со стоном поднимаясь с кровати.

Открываю дверь и нахожу девушку в параллельном углу. Опираясь на стенку, она смотрит на чёрный экран телефона и тяжело дышит. Когда она поднимает голову, сон моментально испаряется, словно его никогда не было. Музыка продолжает играть, но уже приглушенно так же, как и голоса из гостиной.

– Что случилось? – напряжённо спрашиваю я.

– Голова кружится, – тихо говорит она. – Телефон сел.

Отступаю назад, жестом приглашая её войти, но Эмма мнётся, не решаясь отлипнуть от стены. Её взгляд кажется потускневшим и размытым, не фокусируясь на чём-то одном. Холодок пробегает по спине, потому что в голову при-

ходят поскудные мысли. Если ей что-то добавили, то всё станет достаточно понятным. В ином случае, она переусердствовала с алкоголем.

Медленно, но она ступает на порог, а я вылетаю наружу, закрывая дверь. Ноги спешат к гостинной. И из всей кучки, которая осталась, вытягиваю Картера, пока остальные пялятся на меня, как на безумного.

Прижав парня к стене за углом, удерживаю его грудь локтем так, что он не торопится вырываться.

– Ты подсыпал ей что-то?

– Кому? – морщится Картер, в глазах которого отражается злость.

– Какого черта она бледная?

– Ты двинулся? – рычит он, отталкивая меня в сторону.

Не спешу повторить сделанное, оставаясь стоять на месте.

– Клянусь, если узнаю, что ты подсыпал ей что-то, снесу твою башку.

С этими словами удаляюсь в комнату под гневные триады соседа. Я не одобряю подобные действия в сторону любого человека, будь это парень или девушка. Мне не нравится то, как она выглядит. От бывшего румянца не осталось и следа, такое ощущение, что её вот-вот стошнит.

– Всё в порядке? – спрашиваю я, возвращаясь к кровати, но не спешу ложиться обратно.

– Да, просто... станет легче, и я уйду. Ты можешь спать.

– Уйдёшь куда?

Девушка жмёт плечами.

– Домой.

Пошатнувшись на месте, она плавно скатывается по стене, прижимая ладонь ко лбу.

– Ты много выпила?

– Стакан, – словно эхом, отзывается она. Взгляд карих глаз теряется, а её лицо становится ещё бледнее.

Обращаю взгляд к часам, на которых застыло два часа ночи и снова смотрю на девушку.

– Принести воды?

– Нет, – шепчет она. – Голова кружится... я лучше пойду.

Делаю шаг к ней, и пальцы у её висков застывают, а взгляд останавливается на моих ногах. Медленно скользя по мне глазами, она доходит до лица и напугано выдаёт:

– Не надо...

– Я просто помогу тебе лечь.

– Не надо, – почти молит она, прижимаясь к стене.

Я не совсем понимаю, как действовать в подобной ситуации. Не хочется услышать визг и почувствовать себя насильником, который тащит жертву. Приходится остановиться и не предпринимать ничего, но и стоять на месте невозможно. Я в той ситуации, которая заставляет понервничать.

– Ты можешь лечь сама? – спрашиваю я.

– Куда лечь?

– На кровать. Уйдешь, когда станет легче.

– Я не могу.

– Я могу помочь.

Девушка смотрит на меня, из-за чего становится не по себе. Лишний раз говорю себе спасибо, что не выбрал жизнь в братстве, где подобное сплошь и рядом. Всех не спасёшь, и особенно тех, кто не желает спасения.

– Я не трону тебя. Серьёзно. Просто ляг, станет легче.

Медленно выпрямляясь, она неспешно бредёт к кровати, занимая край. Всё это время остаюсь стоять на том месте, где был. Уже хочу сказать, что лечь и сесть на край – это разные вещи, но она удивляет, когда снимает туфли. Несмотря на смутное состояние, она всё равно это делает.

– Довольно предусмотрительно, – с лёгкой улыбкой, замечаю я.

– Вряд ли кто-то захочет спать в постели, где была чья-то уличная обувь.

Посмотрев на меня, она кладёт голову на подушку и закрывает глаза, продолжая массировать височную область. Ничего не остаётся, как занять вторую сторону и перекатиться на спину, скрестив руки под головой.

Вряд ли я когда-то просто лежал в кровати с девушкой без будущих планов. Обычно это начиналось и завершалось сексом. Собственно, ещё до того, как спина или руки касались постели, было что-то. Сейчас в моей кровати девушка, а я не тороплюсь распускать руки, и почему-то не ловлю себя на подобной мысли, чтобы начать. Просто закрываю глаза и выдыхаю. Мне ещё не знакомо чувство желать и отказываться

одновременно. Но, как известно, всё бывает впервые. Мой первый раз именно сегодня, и именно с ней.

Слушаю её учащённое дыхание, которое вскоре переходит в размеренное, как будто она успокоилась и больше не намерена представлять меня маньяком, готовым наброситься в любой момент. Есть ещё один вариант: она уснула. Чтобы убедиться, поворачиваю голову и встречаюсь с её глазами, которые неустанно следят за мной, это заставляет меня улыбнуться.

– Я не наброшусь, не смотри так на меня.

– А вдруг это сделаю я? – улыбаясь, спрашивает она.

– Было бы интересно это увидеть.

– Ты даже не спросил моего имени.

– Вряд ли насильник предпочитает знать имя своей жертвы.

Девушка пихает меня в плечо. Приятно слушать её тихий смех и чувствовать касания.

– Ты не насильник.

– Да? – смеюсь я. – А смотрела ты так, как будто я именно такой.

– Не правда.

– Правда, – улыбаясь, возвращая взгляд к потолку.

– Не правда, Эйден.

Тут же поворачиваю голову в её сторону, выгнув бровь.

– Жертва тоже не должна знать имя своего насильника.

– Ты говоришь это, чтобы я ушла?

- Нет, но не смотри так на меня.
- Хорошо, как я должна смотреть?
- Не знаю.
- Я разбудила тебя?
- Хочешь, чтобы я соврал или сказал правду?
- Ты спал.
- Да.
- Почему не спишь сейчас?
- Теперь боюсь, что ты накинешься на меня.

Улыбнувшись, она поворачивается на бок, положив ладони под щеку. Что-то непонятное трепещет в груди, когда она смотрит на меня. Хочется ёрзать на месте, потому что любое положение кажется неудобным, словно под спиной не мягкая поверхность, а деревянное покрытие. Перекатываюсь на живот и подпираю рукой подушку, положив вторую возле лица. Посмотрев в глаза напротив, блеск которых отражает уличные фонари и лунный свет, закрываю свои.

- Спокойно ночи, Эйден.
- Спокойно ночи, Эмма.

Нутром чувствую её улыбку, и приоткрываю глаза, убеждаясь в правоте.

- Ты говорил, что не знаешь моё имя, – парирует девушка.
- Я нагло соврал.
- Я больше не могу тебе доверять.
- Не стоит мне доверять, – соглашаюсь я.

Протягиваю руку и убираю локоны с её лица. Как ни

странно, она не торопится препятствовать такому жесту, одаряя лишь лёгкой улыбкой.

Глава 3

Эйден

– На фоне тренировок, у тебя поехала крыша.

Поворачиваю голову в сторону Картера, который, кажется, так и напрашивается на поцелуй с моим кулаком с первого дня. Ещё немного, и он узнает, что такое настоящий французский поцелуй со всеми пристрастиями. Рэн предпочитает игнорировать или вовсе не замечать нас. Его взгляд направлен в сторону профессора, рыскающего по чемодану в поисках чего-то. И так он находит любую постороннюю вещь, кажется, ему интересней даже стена, чем наши идиотские перепалки. Кстати, меня они тоже раздражают.

– Ты можешь просто заткнуться? – растягиваю последние капли терпения до невероятного сдерживания. Я почти познал свою дзен. Ворота на самом высоком холме, где стоит какой-нибудь духовный монастырь, открылись бы для меня без раздумья. Возможно, меня могли сразу сделать высшим монахом.

– Какого хрена тогда было?

– Было что? – тут же вступает Рэн, акцентируя внимание на нас.

– О, ничего, – небрежно отмахиваюсь я. – Просто кто-то подсыпал что-то одной девчонке в нашей квартире на вече-

ринке, которую устроил Картер.

– С чего ты взял, что она просто не напилась? – фыркает король тусовок.

– Она выпила один стакан.

– И ты поверил?

– Это не похоже на состояние опьянения. Это похоже на то, что ей сунули какой-то порошок в стакан.

– Тебе откуда знать?

– Клянусь Богом, я переломаяю тебе кости, если это подтвердится.

– О ком вы, черт возьми?! – гаркает Рэн, сражая нас смертельным взглядом.

– Об Эм, – с улыбкой, заявляет Картер, смотря в мои глаза. – Эмма. Та официантка из кафе. Эйден запал на неё и теперь бесится.

– Какая, нахрен, разница, кто это был? На её месте могла быть любая, – говорю я, желая скрестить пальцы на его шее.

– Она провела ночь в его комнате, – добавляет этот истукан.

Чёрные глаза Рэна округляются, а брови ползут на лоб. Честно сказать, я удивлён не меньше. Мне пришлось оставить ей записку и не закрывать входную дверь, чтобы она могла выйти из квартиры, потому что я должен был не ворковать с ней в кровати, а вставать на тренировку. Я думал, что она уйдёт ещё до моего пробуждения, и какого же было ошеломление, когда, открыв глаза, я застал её на соседней

подушке. Наверно, было бы правильно поднять её, потому что я вовсе не знаю эту девушку, но поступил, как самый настоящий джентльмен и идиот в одном формате: я подтянул одеяло и укрыл её. Заботливости во мне, хоть жертвуй на благотворительность. Надеюсь, я не пожалею об этом.

– Она спала с тобой? – ахает Рэн.

– Что ты подразумеваешь под этим вопросом? – без интереса и желания потрепаться, уточняю я. – Секс или сон?

– Это ты должен сказать.

– Хочешь знать с самого начала?

Падаю на спину кресла и махаю рукой, не дожидаясь ответа.

– Без проблем. Я спал, когда кто-то начал крутиться возле двери. В итоге, там оказалась она. Её телефон сел, и у неё кружилась голова. Она была бледной, как будто её стошнит в любой момент, и она тут же отключится. Я должен был выкинуть её?

– И ты решил трахнуть её, – в словах Картера проскальзывает какая-то непонятная нотка обиды, что довольно удивительно.

– Не все поступают так, как ты. Она уснула, и я тоже.

– Да, конечно.

– Ты зря это продолжаешь, – рычу я. – Я могу подумать на тебя. Ты же крутился вокруг неё весь вечер.

– И что? – фыркает парень. – Переживаешь, что она выберет меня, а не тебя?

– С чего ты решил, что она вообще будет кого-то выбирать?

– Да, давай, говори, что она не нравится тебе, но ты заметил, что она была возле меня.

– Тебя не должно волновать, есть ли что-то к ней или нет.

– Тогда, если ничего нет, ты же не будешь против, если я погуляю с ней, все дела.

Бровь Рэна снова дёргается. Он ждёт моей реакции, и, конечно, ждёт момента, когда я покажу своё мнение на данный счёт.

– Напиши, как нагуляешься, – говорю я, ломая его предположения.

Клянусь, эти слова и спокойствие давались мне с диким трудом. Я был на грани того, чтобы вбить Картера в кресло, как замену спинки.

– И, если я трахнусь с ней, ты тоже не будешь против, – продолжает он.

На секунду закрываю глаза и стараюсь обуздать самого себя. Приходится приложить усилия, чтобы не показать истинные чувства, которые заставляют кулаки сжиматься и дрожать.

– Она нравится мне, – добавляет он.

Медленно выпускаю скопившийся воздух из лёгких, чтобы не перегнуть палку. Но слова тоже достаточно хороший метод, чтобы добить.

– Ты никогда не будешь говорить так о девушке, которая

тебе нравится, кусок ты креатина, – держу твёрдый голос. – А теперь будь лапочкой, закрой свой рот и научись принимать отказ, как мужик.

Картер дёргается, но Рэн вовремя собирается и ловит его кулак в воздухе.

– Она нравится мне, – заявляет он, смотря в мои глаза. – Когда мы начнём всю эту мутную сладкую вату, помни, что ты сам от неё отказался.

– Для начала, узнай, нужно ли это ей, потому что ночью она пришла ко мне, а не к тебе.

Картер ещё раз дёргается, но на этот раз не в мою сторону, а для того, чтобы вырвать запястье из захвата Рэна.

– Отпусти, – буркает он, у него получается вырваться, либо же Рэн отпускает его. Это уже мало важно.

Рэн окидывает нас взглядом, в котором читается: «Вы идиоты». Но всё, что меня действительно волнует: команда, ведь мы в одной и непонятно, к чему могут привести подобные состыковки. В отличие от Картера, я могу переосилить себя и держаться нейтрально, но он – тот, кто любит провоцировать и получать своё. Не знаю, где мне предстоит найти столько терпения, чтобы не отвечать на нападки и отбиваться от словесных выстрелов. В любом случае, у меня нет выбора. До тех пор, пока его голова не стукнется о лёд, моё терпение должно превзойти божественное, иначе путь, который я выстроил, отрежет какой-то идиот.

Ближайшее время, присутствие Картера рядом мне абсо-

лютно безразлично. Я думаю только о прошедшей тренировке, где вновь отгонял не меньше тысячи миль. Второй день был отнюдь не легче, но зная требования тренера, я сосредоточился только на том, чтобы не вылететь из команды. Его прищуренный взгляд намекает на то, что в любой момент нас может уменьшиться ещё на несколько человек. Парни продолжают молчать, и я тоже. Мы делаем то, что скажут и то, что потребуют. Никто не хочет оказаться в числе исключённых, чтобы занять место на трибуне.

Покидаю обеденную зону раньше всех, оставляя Рэна, Картера, Ноя и Джона. Возможно, отец и мама убьют меня, но я хочу посмотреть мотоцикл. И когда мама увидит мой выбор, который приглянулся, она может лишиться здравого рассудка. Скорей, она просто сойдёт с ума и миллион раз произнесёт «нет». К тому времени, у них уже не будет выбора, как принять мою новую покупку. Машина, конечно, предоставляет больше комфортных условий, но я всегда хотел мотоцикл. К сожалению мамы, эта модель спортивная. И если при просмотре он полностью меня устроит, я готов отделить часть той суммы, которая сохранилась после продажи машины.

С детства меня учили принимать ответственность за свои решения. Я прекрасно понимаю ту, что ляжет после покупки. Пообещать маме не гонять – это солгать, смотря ей в глаза. Я люблю скорость. Моя жизнь связана с острыми ощущениями. Это похоже на остриё коньков, которые режут лёд.

Забрать у меня это в совокупности означает лишить жизни или кислорода. Это моя подпитка. Мне нравится ходить по грани, как нравится Мэйсону и отцу. Это в нашей крови.

Почва вылетает из-под ног, когда глаза находят Эмму. И не одну. Получив поцелуй в щёку, она коротко улыбается вслед парню, а его рука покидает её талию. Совершенно не дружеский жест. Кровь моментально сворачивается, а внутри медленно зарождаются и смешиваются разные чувства: шок, удивление, злость, негодование, смятение и самое неприятное из них ощущение – это привкус лжи, прожигающий горло. Парень проходит мимо, одаряя меня лёгкой ухмылкой. Я помню его со вчерашнего вечера. Абсолютно точно помню. Он зашёл вместе со всеми, когда я ушёл в кафе. И тогда, когда я вернулся, больше его не видел.

Взгляд карих глаз находит мой, улыбка сползает с её лица, но тень остаётся. Она позволила мне коснуться себя, это порождает некую неприязнь и отвращение. Я не был настроен на дружескую волну. Кто вообще думает о дружбе, смотря в глаза и касаясь тела? Это был не тот момент, где всё было в шутливой форме. Я знаю, что испытываю к ней что-то, и сейчас всё рушится.

Хочу обойти девушку другой стороной, но останавливаюсь, когда она зовёт меня. Я должен остановиться и отрезать всё ещё до того момента, как начнётся. К собственному ужасу, понимаю, что всё уже началось.

– Ты даже не хочешь выслушать меня? – спрашивает Эм-

ма, подходя ближе.

– Смотри, что именно ты хочешь сказать.

– Для начала, спасибо.

– Не за что. Всё?

Брови девушки хмурятся. Убрав карамельные локоны за ухо, она в смятении опускает голову вниз, после чего поднимает подбородок выше и смотрит в мои глаза.

– Ты... был другим вчера. Что-то не так? Что я сделала не так?

– Это что-то изменит?

– Да, – кивает она, – будет правильно, если я буду знать, а не гадать.

– У тебя есть парень.

Несколько секунд молчания, кажутся минутами. Эмма отводит взгляд, но снова возвращает его ко мне.

– Да.

– Отлично, спасибо, что сказала.

– Он уехал... – тихо сообщает она.

Отчётливо слышу треск, звук которого противным скрипучим эхом отзывается внутри. В борьбу вступает совесть и желание. Мой голос теперь больше похож на сипение, но я всё равно переспрашиваю:

– Уехал?

– Да.

– Отлично, – без всякого энтузиазма, говорю я. – Подумай, прежде чем ходить по чьим-то квартирам и ложиться

в кровать.

– Ты не понимаешь! – восклицает, но тут же угасает она, получая мою скептически поднятую бровь. – Он был со мной!

– Ещё лучше.

– Эйден...

– Ты должна была сказать, – отчеканив, отступаю назад, продолжая сверлить её взглядом.

– И что бы ты сделал?

– Хотя бы не ложился с тобой в одну кровать.

– Как будто для вас это имеет значение!

Новая вспышка ярости вспыхивает в груди и жжёт нутро. Нависнув над девушкой, смотрю в её, казалось бы, чистые невинные глаза, которые, как оказалось, обманчивы. С трудом, но выдерживаю её близость. Чувствую лёгкий аромат сладких духов, который словно впитался в одежду и теперь его не выстирать. Всё было так просто и хорошо, но это не в генах нашей семьи. И я тоже попал в капкан. Я проникся к девушке, которая уже в отношениях.

– Это имеет значение, черт возьми, – рычу я.

Отступаю на несколько шагов назад, продолжая смотреть в карие глаза.

– Нам лучше держаться подальше друг от друга.

С этими словами, разворачиваюсь и спешу уйти как можно быстрее и дальше от неё.

– Эйден! – зовёт она, но я не оборачиваюсь.

Сворачиваю за угол и ускоряю шаг.

– Эйден! – снова зовёт она. – Ты должен меня выслушать!

Не сбавляя темп ходьбы, разворачиваюсь и направляюсь спиной к выходу.

– Оправдания? Не трать своё и моё время.

– Дай мне возможность объяснить, – требует она, направляясь за мной.

– Ты должна была сказать вчера, а не сейчас. Привожу примеры: *у меня есть парень, я не могу лечь к тебе в кровать* или *у меня есть парень, не трогай меня*. Вариантов много, можешь придумать свой.

– Дай мне возможность объяснить!

Вздыхнув, отрицательно кручу головой, наконец, разворачиваюсь лицом к встречному движению.

– Мне некогда.

– Ты будешь жалеть об этом, – доносит Эмма.

Стук её каблучков резко прекращается, что означает лишь одно: она больше не следует за мной.

– Буду жалеть, если послушаю.

Слышит она мои последние слова или нет, уже неважно. Главное, что догадки подтвердились: она в отношениях, а я не хочу быть временной утехой и тем, кто разрушит чьи-то чувства, даже если очень хочется. Чертовски сильно хочется. Я уже переступит черту.

Глава 4

Эйден

Открываю дверь и застываю. Этого просто не может быть. Я не хочу верить в то, что вижу.

Две пары глаз устремляются в мою сторону, и те, которые я меньше всего хотел видеть – в числе смотрящих. Не знаю, мерещится ли мне, но на губах Эммы лёгкая улыбка, а я хочу спросить: «Она серьёзно?». Меньше всего я хотел видеть рядом с ней Картера. Кто угодно, только не он. Даже её парень кажется мне отличным претендентом на роль собеседника на нашем проклятом диване. Быстро скользнув глазами вокруг парочки, наблюдаю тетради и учебники, а следом выдавливаю:

– Привет.

Их приветствия звучат уже в спину. А именно тогда, когда я направляюсь в комнату.

– Ты где был? – спрашивает Картер, но я не тороплюсь давать ответ. Это не его чертовое дело.

– Эйден! – зовёт девушка, когда я закрываю дверь за спиной.

Думая, что она примет моё нежелание продолжать общение, я глубоко ошибаюсь. Уже понятно, чьи кулачки начинают стучать по двери спустя минуту. Мешкаюсь перед тем,

как открыть дверь, но всё же открываю. Не лучшее решение, когда настроение скатилось на дно.

– Мы можем поговорить?

– Я занят.

– Но ты пришёл домой...

– Да, я могу быть занят и тут тоже.

– Оставь его, – настойчиво требует Картер, словно является её хозяином.

Он тут же понимает оплошность тона собственного голоса, и ментально меняется на милого и доброжелательного мальчика.

– Эм, пошли, – просит он.

Эм, черт возьми. Как мило. Поднимаю уголок губ, смотря на него с долей иронии. Конечно, ведь этот идиот даже не в курсе самого главного. Мы боремся за ту, что уже занята. Хотя, пытается бороться за неё только он.

– Он сам придёт, – продолжает Картер. – Пошли.

– Спасибо, что говоришь за меня, – с неприкрытым сарказмом, соглашаюсь я. – У меня много своей работы.

– Я могла бы помочь тебе, – вступает Эмма, смотря на меня. – Дай мне помочь.

– А я просил помощи? Я в состоянии сам справиться с заданиями.

– Хотя бы выслушай меня, – просит она, переходя чуть ли не на шёпот. Одновременно с ней, Картер скалится:

– Ты намекаешь на то, что я не могу сделать что-то сам?

– Я ни на что не намекаю, ты сам додумываешь, – бросаю я, не знаю, что со мной происходит, потому что остальное вырывается само собой: – Я не виноват в скупости твоего мышления.

Рыкнув, он за долю секунды оказывается рядом. Мы снова сталкиваемся лбами уже сотый раз за несколько дней. Кулаки парня сжимают мою футболку точно так же, как мои сжимают его. Одно слово может стать последним и первым для того, чтобы начать размахивать кулаками.

– Что вы делаете? – испуганно бегая между нами глазами, Эмма держит наши руки, но вряд ли она способна остановить то, что началось уже давно. На этот раз, причиной наших разногласий стала именно она.

Повысив голос, в котором слышится дрожь, она задаёт ещё один вопрос:

– Вы с ума сошли?!

– Что ты сделаешь дальше? – с блеском в глазах, спрашивает Картер.

– Тебе лучше не знать, – рычу в ответ, не разрывая зрительную связь.

– Хватит! – то ли требует, то ли просит Эмма.

– Какого черта вы оба делаете? – голос Рэна схож с рефери, который решает, когда начнётся бой.

Не скидывая обувь, он оказывается рядом и отталкивает нас по разные стороны, занимая место между нами и держа руки по разным сторонам, чтобы исключить возможность

новой предпосылки для драки.

– Я спрашиваю: какого черта вы оба выкидываете? – рывкает он.

– Они сошли с ума, – выдыхает Эмма, переглядываясь между нами.

Качнув головой, Рэн смотрит на девушку.

– Тебе лучше не знать, по какой причине.

– А ему, – Картер указывает в мою сторону, – принять, что он в пролёте.

– Тебе тоже стоит это понять, желательно, как можно скорее, – отрываюсь я. Всё чаще у меня развязывается язык, подливая масло в огонь.

– У меня, как раз, всё так, как нужно.

– О, да ладно, – усмехаюсь я.

Перевожу взгляд на Эмму, которая продолжает смотреть на нас, как на безумных и одновременно в её взгляде непонимание, о чём или о ком идёт речь. На мою следующую просьбу и вопрос, она сводит брови и теряется.

– Скажи ему.

– Что она должна мне сказать? – хмурится Картер.

– Я не понимаю, – тихо говорит Эмма.

– У неё есть парень, – эта новость, как перчатка в лицо Картера, который морщится, подобно корке апельсина.

– И кто? Ты? – скептически интересуется он.

– Это последняя стадия кретинизма? – обращаюсь к Рэну, Картер тут же дёргается в мою сторону, но сталкивается с

ладонью преграды между нами. – Может, ты сможешь ему доходчиво объяснить?

Рэн игнорирует нас двоих. Его глаза смотрят на Эмму.

– Теперь ты поняла причину?

– Мне лучше уйти, – медленно кивает она, переводя взгляд с меня на Картера и обратно.

– Сейчас это было бы отличной идеей, – соглашается Рэн.

– Она помогает мне с заданием! – восклицает Картер.

Вижу, как пульсирует вена на шее Рэна, когда он поворачивает голову в сторону говорящего.

– Если она помогает тебе, какого хрена вы тогда тут устроили сцену драмкружка?

На этот вопрос, у Картера не находится ответ. Он смотрит на меня. За него отвечаю я.

– Ему тяжело признать, что она хочет поговорить со мной, а пришла помочь ему.

– Чтобы попросить тебя отвалить, – фыркает Картер. Если он действительно в это верит, то я могу рассмеяться.

Эмма же застыла в пороге. Её взгляд обращен ко мне, распознаю в нём лишь страх и смущение. Она явно не ожидала, что всё обернётся тем, где мы можем убить друг друга у неё на глазах. Зато теперь она знает правду. Ей лучше не появляться рядом, потому что это оборачивает ничем иным, как нашим столкновением из-за неё.

Дверь закрывается, и повисает минутная тишина. Картер смотрит на меня, я смотрю на Рэна, а Рэн тяжело вздыхает,

качает головой и отталкивает нас в разные стороны.

– Вы полоумные идиоты, – говорит он, направляясь в свою спальню. – Если это действительно так, и у неё есть парень, то вся ваша бойня бессмысленное занятие.

Ещё несколько секунд Картер сверлит меня взглядом, после чего, фыркает и уходит обратно. Из-за пустого желудка, приходится находиться с ним на одном квадрате.

Занимаясь приготовлением ужина, краем глаза замечаю учебники химии, и уже открываю рот, но тут же приказываю себе не начинать то, что так и норовит вывалиться наружу. Ничего путного из этого не выйдет, но я не могу скрыть ухмылку, с которой готовлю.

Никто из нас не получит этот *приз*, как именует её Картер, он уже занят. И вопрос о том, чем он обуславливался, готовясь к химии, мне тоже непонятен. Мы даже близко с ней не связаны. Наш факультет – это социология, а если быть конкретным – связи с общественностью. Им руководила разве что тупость. Интересно, с какого класса бы они начали? С шестого, где в одном предмете мешаются все точные науки, или всё же с десятого, где уже имеется точный курс направления?! Идиотская идея изучать то, о чём понятия не имеешь. Но можно сказать спасибо. Если Эмма связана с химией, то я могу хотя бы выкинуть некоторые факультеты, где её точно не будет. Она связана с чем-то точным. Не понимаю, для чего мне это вообще теперь нужно знать, но так или иначе, я хотел знать.

Собрав вещи, Картер уже хочет пройти мимо, но останавливается у барной стойки, пока я кромсаю овощи.

– Приди ты на пять минут позже, и я бы получил кое-что больше, – сообщает он.

– Да, охотно верю, – не глядя, киваю я.

– Она почти поцеловала меня.

– Ага, – ещё один равнодушный кивок, и он наконец-то сваливает в свою комнату.

Как только до ушей доносится щелчок дверной ручки, нож влетает в деревянную доску, твёрдо войдя в поверхность. Расставляю ладони по холодной столешнице и закрываю глаза. Как же хочется быть таким же холодным сейчас. Почему я не хочу верить Картеру? Но почему, отчасти, верю? Он провоцирует, и я ведусь. Даже если так, но ведусь. Каждое слово цепляет. Задевает за живое. Оставляет след, как лезвие ножа на коже. Эту отметину не видно снаружи, но она отчетливо чувствуется внутри. Ещё никому не удавалось так легко завести меня, даже Картеру. Но когда дело касается Эммы, я теряю рассудок и путаюсь в чувствах.

Говоря откровенно, нас вряд ли можно было когда-либо назвать друзьями. Картер и я – это две разные планеты. Его безразличие и в какой-то мере беспечность, всегда раздражали меня. Он никогда не подходил к чему-то ответственно, но почему-то всегда делает вид, что является самым важным и значимым. Да, глупо отрицать, что он хороший игрок, но будет слишком громко называть его лучшим. Между нами

всегда была немая борьба. Несмотря на то, что мы товарищи по команде, в реальной жизни между нами стена и Эверест разногласий. Там, где нужен серьёзный подход, он предпочитает валять дурака, и в этом его главная беда. Мы всё время воюем. Неважно, за что, будь это должность капитана или девушка, хотя раньше он никогда не зацикливался на одной. И если сейчас Эмма – это лишь повод вставлять мне палки в колёса, то я вовсе не удивлюсь. Но я не позволю ему обвести её вокруг пальца. Она не будет его победой.

Достаю мусорное ведро и сбрасываю туда всё то, что было нарезано. К черту ужин. К черту сон. К черту Картера. И к черту всех. Я хочу глоток свежего воздуха. Он жизненно необходим, чтобы не натворить глупости.

В конце концов, вылетаю из квартиры и здания, в котором должен жить, но уже не хочу. Автомобильный шум проникает в уши, а ветер работает, как отрезвитель. Сколько намотаю кругов, чтобы полностью успокоиться, непонятно. Я уже привык. Какая разница, утром на коньках или вечером пешком? Одно другому не мешает, только позитивное влияние.

Начинаю сомневаться в собственной адекватности, когда улавливаю в воздухе аромат духов Эммы. Но я абсолютно точно в сознании, потому что обладательница моих галлюцинации делает несколько шагов навстречу.

– Можешь подняться, – сообщаю я. – Я не знаю, когда вернусь.

– Я не хочу возвращаться.

– Тогда тебе стоит вспомнить путь домой.

– Я ждала тебя.

– С чего ты решила, что я мог куда-то пойти?

Девушка немного пожимает плечами.

– Надеялась, – говорит она.

– Не все надежды оправдываются.

– Но моя оправдалась. Ты тут.

Вздохнув, Эмма сжимает перед собой несколько учебников в руках, покачнувшись на пятках.

– Дай мне шанс всё объяснить. Это будет по-дурацки. Возможно, ты даже не поверишь, ведь это полный бред, но так у меня будет хотя бы шанс всё сказать. Ты не можешь так думать обо мне.

– Как думать?

– Не в самом лучшем свете.

– Это вообще имеет значение, что я думаю?

Она делает ещё один шаг в мою сторону, я же сую руки в карманы, оставаясь на месте. Мой вопрос остался без ответа.

– Да, у меня есть парень. Но это не то, что ты думаешь. Мы не вместе. Мы вообще не можем быть вместе.

– Интригующее начало. Не можем быть вместе, но вместе. А ещё, возможно, вы живёте вместе, но это тоже не то, что я думаю.

– Мы живём вместе, – тараторит под нос Эмма.

Хочется рассмеяться, и я позволяю себе подобную дурость. Мне действительно смешно, что она говорит. Черт

возьми, да я в ударе. Бью прямо в цель. Если скажу сейчас, что Земля всё же стоит на трёх слонах и черепахе, это обернётся моей правотой?

– Отлично, просто, мать вашу, отлично, – без веселья, усмехаюсь я. – Что дальше? Ты снимаешь кольцо, чтобы никто не думал лишнего?

– Он – гей, – заявляет она, оставаясь спокойной. – Я встречаюсь с геем, Эйден.

– Да, а я лесбиянка, – саркастически замечаю я, – каждому своё. Никто не без изъяна.

– Я могу доказать. Он сейчас дома с Жаком.

– Ага.

– Поверь мне, – просит Эмма, смотря на меня тем же взглядом, на который я повелся той ночью. – Так было нужно. Между нами было несколько поцелуев, но для его родителей. Пойми. Мы дружим с детства, я не могла не помочь ему. Он не может рассказать родителям.

– Какой сейчас век и к чему ты оправдываешься?

– Я знаю, Эйден. Но не все придерживаются общих ценностей. Он не может быть для них геем, иначе они перестанут платить за учёбу. Они не примут его таким. Оставят без всего, и это будет моя вина.

– И ты решила, что жить на две стороны – это лучшее решение? Открою тебе кое-что интересное: ты не должна. Это не твоя задача и обязанность.

– Я согласилась, как я могу отказаться сейчас?

– Хочешь ещё одну новость?

– Я знаю, что ты скажешь.

– Тогда ты знаешь, что я скажу после этого.

– Ты можешь хотя бы не смотреть на меня так?

– Как?

– Так, словно я сделала что-то плохое, будто я самое низкое создание. Я всего лишь помогаю другу. Я никому не изменяла, и легла в твою кровать будучи свободной.

– Почему ты пришла ко мне?

– Я.. я не знаю.

– Тебе не открыли в первой комнате?

– Открыли, – кивает она.

– И ты дошла до моей.

– Да.

– Для чего? Там был Картер, ты могла попросить его открыть свою.

– У меня нет объяснения.

– Отлично, ты решила морочить мне голову?

– Нет, но я не хочу, чтобы ты так думал обо мне.

– Я ничего не думаю, теперь всё?

– Нет... – тихо говорит она. – Точней, да... да, это всё.

– Тогда увидимся как-нибудь.

Да, действительно, *увидимся как-нибудь*. Я идиот?

Отклоняюсь в сторону, направляясь вдоль улицы, которую освещают уличные фонари. Это всё ещё моя жизнь или чья-то дебильная шутка? Кажется, что второе, потому что

такого ещё не было.

– Эйден, – зовёт Эмма, из-за чего останавливаюсь и поворачиваюсь к ней лицом, задавая немой вопрос. – Нет, это не всё.

– Поймать такси или проводить?

– Я могу пойти с тобой?

– Куда?

– Не знаю, ты же куда-то пошёл.

– Если я пошёл в стрип-клуб или на свидание, ты бы тоже захотела пойти со мной?

Уголки её губ тянутся выше, а в глазах загорается блеск.

– Никогда не была в стрип-клубе, возможно, я вольюсь.

– Вряд ли, на тебе брюки и блузка, из плюсов только каблук. Девушки туда в таком не ходят.

– Они же срывают с себя одежду, может, у меня тоже есть такие секреты.

Выгнув бровь, не сдерживаю улыбку.

– Они уже без одежды, Эмма.

– Ладно, тогда, я могла бы пойти с тобой на свидание.

– И быть наблюдателем?

– Нет, я была бы той, с кем ты пошёл на свидание.

Улыбка сползает с лица, остаётся лишь покачать головой.

– Я не хожу на свидания с девушками, которые в отношениях.

Возможно, я вообще не хожу на свидания. Разве это уже важно? Просто не было той, которую я хотел бы пригласить.

Мне никогда не требовались свидания, всё было без них.

– Формально, я не в отношениях. Я помогаю своему другу, потому что хочу быть ему хорошим другом. Ты разве не сделал бы что-то для своего близкого человека?

– Всё зависит от обстоятельств.

– Его родители старой закалки. Слишком консервативные. Не принимают ничего нового.

– Любовь остаётся любовью. Кем бы ни был другой, ты не можешь любить его из-за пола, религии, мировоззрения или воспитания. Либо принимаешь и понимаешь полностью, либо нет. Родители рано или поздно смирятся и примут выбор, если увидят его счастливым. Им уже не будет важно, кто рядом с ним.

– Не всегда так, Эйден. Для некоторых традиционный брак превыше всего.

– Что ты будешь делать, если они потребуют внуков?

– Надеюсь, к тому времени всё уже поменяется, – рассеянно произносит она.

– Если нет? Что ты будешь делать? Но дело даже не в этом.

– А в чём?

– В том, готов ли второй человек идти и принимать это. Хочет ли он скрывать ваши отношения на протяжении неизвестного количества времени. Это легко растянется в года.

– Ты бы смог?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не буду заменой и временным утешением. Либо со мной, либо со всеми.

– Это уже условия.

– Это не условия. Это вполне нормальное желание: быть единственным. Я не говорю о том, чтобы быть только со мной, где отказываешься от друзей, семьи и всего, что любишь. Я говорю о том, что в отношениях этот человек только со мной.

– Получается... между нами ничего не может быть?

– Получается, что нет.

– Ты не отступаешь?

– Нет.

– Я думала, что... – посмотрев куда-то вдаль, Эмма находит мой взгляд. – Я ошиблась?

– В чём?

– Я думала, что между нами, что-то есть. Не знаю... может, искра? Симпатия? Ты говорил о понимании.

– Говорил. И говорил, что должно быть понимание и принятие, а я не принимаю такой формат. Это практически то же самое, что и его родители. Они не желают принимать его ориентацию, я не желаю принимать подобный формат отношений.

– Скажи, я ошиблась?

– Ты же знаешь, что нет. Ты прекрасно видела и слышала всё в квартире.

Сделав шаг ближе, она переводит взгляд на мои губы, но

тут же отводит глаза.

– Я хочу услышать от тебя.

– Что-то есть, но я не отказываюсь от своих слов. Возможно, Картер согласится, но не я.

– Но я не пошла к нему. Я ждала тебя.

– Эмма, услышь меня. Пока ты в отношениях, даже если фиктивных, я не буду тебе никем.

– Даже другом?

– Ты же понимаешь, что это невозможно. Нельзя быть другом там, где есть что-то большее.

– Это глупость. Можно.

– Сейчас ты убеждаешь себя.

– Я не убеждаю себя. Я в этом уверена. Можно любить человека и быть ему другом, опорой и поддержкой.

– Нельзя. Ни к чему это не приведёт.

– Но я не хочу, чтобы мы были друг другу никем.

Коротко и горестно улыбаюсь.

– Мы и были никем. Ты один раз пришла ко мне, потому что тебе было плохо. Неважно, по какой причине ты пришла именно ко мне. Совпадение, что я был там, что я вообще там живу. Я рад, что ничего не было.

– Ты врешь, Эйден. Было всё, даже больше, чем секс. Это гораздо важней.

– Может быть, но ничего не меняет.

Её плечи опускаются, а лицо мрачнеет.

– Поверить не могу, что упрашиваю парня дать мне хоть

какое-нибудь общение. Почему ты не можешь хоть раз поступиться?

– Потому что не хочу чувствовать себя ущербным, не хочу ущемлять себя. Не хочу понимать, что моя девушка живёт с парнем. Не хочу понимать, что она может поцеловать его, даже если он гей и это только для подтверждения их отношений. Не хочу понимать, что они могут спать в одной кровати, не имея друг к другу влечения, важен сам факт их пребывания там. Не хочу каждое утро просыпаться и засыпать с мыслью: «А что, если они...». Это не отношения, Эмма, это самоистязание и мучения, даже если для тебя это не так. Я могу чем-то жертвовать, но и себя уважаю. Я не готов быть вторым.

– Ты не будешь вторым.

– Зачем ты уговариваешь меня? Это я должен быть тем, кто проявляет к тебе интерес и внимание.

– Потому что ты важен и нужен... Я могу забыть про гордость.

– Ты видела меня пять раз за всю жизнь, и практически три из пяти ты не разговаривала и не знала меня. Формально, два, но если бы наш столик отслуживал кто-то другой, то было бы три.

– Это не мешает мне что-то чувствовать к тебе.

– Не мешает, но мне мешают твои отношения. Я не могу. Услышь меня: я так не могу.

– Друзья, Эйден...

– Не бывает таких друзей. Я не хочу поддаться соблазну, а это и есть соблазн.

– Я.. больше не могу что-то сделать. Наверно, ты прав, и скоро я это пойму.

Улыбка, которую она явно выдавливает силой, ничто иное, как злые шутки судьбы. Смотрю на отделяющийся силуэт Эммы, и не понимаю, что чувствую в этот момент. Словно совесть и желание уселись на плечи, и теперь шепчут на уши свои наставления. Желание метает гневные проклятия и говорит о том, какой же я идиот, а совесть поглаживает по голове, говоря, что так правильно. Но что на самом деле правильно?

Глава 5

Эмма

Прижатая спиной к холодной стене, я старалась не плакать, потому что это ничем не поможет. Это пройденный путь. За слёзы получу лишь вдвое больше. Даже дыхание оставалось ровным, либо я старалась держать его в прежнем ритме, пока сердце грохотало в груди.

– Ты снова опоздала, Эмма, – кряхтел мой *nana*. – А я говорил, что ты должна приходить не позже шести.

– Нас задержали на уроках, – голос не дрогнул, но вот-вот мог подвести.

– Это ложь, – вскрикивает он, за словами следует пощёчина, отрезвляя и без того трезвое сознание.

Кожа горит, но руки остаются в прежнем положении: по обе стороны талии. Я привыкла. Я снова вытерплю. Ещё немного, и это закончится, нужно лишь немного потерпеть. Мириться с положением было тяжело, но сейчас стойко переносу условия выживания. Я провинилась. Даже если не по своей вине, это не отменяет факта опоздания. Это за дело, – так я повторяла каждый раз, когда получала новую порцию так называемых воспитательных мер.

Глаза янтарным цветом светятся от ярости. Их переполняет гнев, наливает кровь и некая доля ненависти. В такие

секунды чувствую себя ничтожной букашкой. Стоит издать звук, и прилетит ладонь, добавив ещё больше боли. Глаза прожигают слёзы, но я категорически запрещаю им обнаружить себя. Я практически не шевелюсь, превратившись в предмет интерьера.

– С кем ты была?

– Я была на уроках.

– Брехня! – вылетающие слюни остаются на моём лице, я бы с удовольствием вытерла эту мерзость, но оловянный солдатик, которым являюсь сейчас при помощи силы давления руки и ноги *папы*, не позволяет это сделать.

Секунда, и отлетаю в сторону с такой приложенной силой, что начинает кружиться голова. Чудом удаётся удержаться на ногах. Рука горит. Её словно на живую вырывают из тела. Ещё немного, и она действительно оторвётся, если снова станет опорой для того, чтобы схватить и оттолкнуть в сторону.

– Ты плачешь! – рыча и ссутулившись, произносит он.

– Нет, – тут же отрицаю, но понимаю, что по щекам струятся слёзы.

Не оказываюсь оленем в свете фар, бросаясь к лестнице, чтобы добежать и скрыться в комнате, но запястье оказывается в жгучих тисках. Затылком ударяюсь о стену, и звук бьющегося стекла дребезжит по обе стороны головы. Это рамки. Стекло из них снова разбилось вдребезги, а деревянные оправы скорее всего могли треснуть из-за очередного удара о лестницу.

Жмурюсь и немного приоткрываю глаза.

Быстро скольжу взглядом по стенам с цветочным принтом, расписанным вручную, и стираю капли пота со лба. Это не был удар о стену. Я упала с кровати и ударилась, тем самым, порождая воспоминания. За дверью шум, напоминающий сбор осколков с помощью веника и совка.

Поднимаюсь на ноги и выглядываю из-за двери.

– Я сегодня же куплю новую, Эмма, – подняв голову на скрип петель двери моей комнаты, Жак с сожалением смотрит на меня.

Обращаю взгляд к его ногам, и наблюдаю осколки моей бывшей любимой кружки.

– Прямо сейчас, – добавляет парень.

– Есть другие, – жму плечами, коротко улыбаясь.

Выпрямляясь, Жак окидывает меня быстрым взглядом синих глаз. Держа в одной руке совок, а в другой веник, он собирает остатки с пола и находит опору в наконечнике, словно эта хрупкая и неустойчивая вещица способна выдержать массу его тела.

– Я всегда говорил, что ты должна быть наглее и настойчивее.

– Какая есть, – говорю я.

– Давай же, Эм, это твоя любимая кружка. Ты почти не расстаёшься с ней, она всегда в твоей комнате. Потребуй её с меня. Ты должна сказать, что тебе нужна точно такая же, чтобы я оббегал весь город в её поисках, даже слетал на дру-

гую планету, если необходимо.

– Ты придаёшь этому слишком большое значение.

– Ты пытался, – вступает Алестер, проявляясь из ванной комнаты с полотенцем на бёдрах. На его губах играет легкая беспечная улыбка, которая говорит только об одном: они хорошо провели время, пока я спала.

Взгляд его серых глаз прикован ко мне. Я могла бы сказать, что дождливая погода – это мрачность и депрессия, но, когда заглядываю в глаза Алестера, думаю совсем иначе. Даже в полной темноте можно отыскать свой лучик света. Таковым является он – мой фиктивный парень, который ярче солнца, согревающего в морозные будни.

– Давай же, Эм, – не успокаивается Жак, – скажи это.

– Это же всего лишь кружка, – мнусь я.

– Господи, пресвятые гномики, когда-нибудь я смогу.

Ободряюще похлопав по плечу Жака, Алестер делает несколько шагов в мою сторону и притягивает в объятия. Тепло его тела и знакомый аромат заставляют меня восторгаться.

– Ты снова брал мой шампунь, – больше утверждаю, чем спрашиваю, смотря на парня.

– Ничего не могу поделать, он первым попадает под руку, – моментально оправдывается Алестер с неприкрытой улыбкой.

– Он же стоял в самом дальнем шкафчике и в самом конце!

– Да, давай, – озаряется Жак. – Теперь скажи мне про кружку.

Устремляю взгляд в сторону парня, который решительно продолжает требовать и ждать от меня ответ. Не знаю, почему в эту секунду язык вновь прилипает к нёбу. Я бы могла что-то возразить, но слова предательски теряются по пути.

– Она боится обидеть твои чувства, – констатирует Алестер, целуя мою макушку, а следом положив на неё щёку.

– Я раньше обидел твои чувства, Эмма, – говорит Жак. – Я разбил твою любимую кружку. Ты должна держать ответ. Даже если я сделал это нехотя, ты должна потребовать от меня новую.

По двери начинают стучать кулаки. Они вовсе не настойчивые и требовательные. Обычный стук, который периодически пугает меня, и никак не воздействует на обычного человека. Я всё ещё боюсь, что на пороге появится кто-то, кого не желаю видеть. Кто-то из прошлого. Кто-то, кто вновь причинит боль не только физическую, но и моральную. Кто-то, кто вновь подчинит себе и своей воле.

– Ты опять вздрагиваешь, – очень тихо шепчет Алестер, крепче сжимая моё плечо.

– Неожиданно, – в свою очередь оправдываюсь я. – Ты кого-то ждёшь?

– Нет, – улыбается он, – если только Амура.

– А, по-моему, тебе хватит.

– Никогда не будет много.

Закатываю глаза и скрещиваю руки под грудью, не выдерживая силы, которую прикладывает улыбка, желая поднять уголки губ. В моей жизни присутствует много секса. Не моего секса. Я заложник обстоятельств. Каждый месяц я знакомлюсь с новым избранником Алестера. Но Жак по странным причинам знаком мне уже два месяца, хотя почему-то я вовсе не против. Несмотря на его твёрдую решительность вбить в мой характер каплю жестокости, все попытки терпят провал. Конечно, его это не останавливает. Я знаю, почему не хочу быть такой, наверно, причина кроется в её ужасной стороне. Я не хочу причинять кому-то боль. Мне проще и легче принять удар на себя, чем бросить на другого. Жак трактует это бесхребетностью, я же мыслю иначе, говоря, что это сочувствие.

Кстати, сочувствие – это тоже разное для нас понятие. Так или иначе, я всё равно симпатизирую Жаку. Для этого нет причин. У нас разное видение на многие жизненные тонкости, но это наше право. Мы не можем видеть мир одними и теми же глазами, и в тех же красках.

Отвожу взгляд от Алестера, который накручивает на палец локон моих волос, и устремляю внимание к двери. Проход заслоняет Жак, но, когда он отходит в сторону, меня прошибает самым сильным напором переменчивого тока, чистота которого способна убить.

Сунув руки в карманы джинс, Эйден смотрит на меня из-

подо лба. Засуха в горле способствует скорейшему отмиранию клеток головного мозга, а кислород вокруг отделяется от ряда соединений, становясь невыносимо тяжёлым. Из-за этого учащается дыхание. Резкое падение углекислого газа препятствует попаданию глотка воздуха в мозг. На несколько секунд кажется, что я вовсе умерла.

– А.. – посмотрев в сторону Алестера, на лице которого отразилось удивление, Жак переводит взгляд на меня. – Эм? Это что-то новенькое.

– Если ты не хочешь лично пригласить на тусовку, то вряд ли ты ко мне, – первым говорит Алестер.

Наполненный любопытством, взгляд друга-парня обращается ко мне. В итоге, три пары мужеских глаз смотрят на меня, как на нелепое изобретение человечества.

– Эм? – подталкивает бедром Алестер.

Сказать, что я обескуражена и полностью ошарашена – ничего не сказать. Я абсолютно правильно поняла Эйдена. Он выразил вполне чёткую и понятную точку зрения, и сейчас его появление для меня точно такое же удивительное и интригующее событие, как для Алестера и Жака. А вообще, это разве что чудо, что на нашем пороге парень, пришедший ко мне, а не, например, к соседям или за солью. За любым предметом, но не за мной и не ко мне.

Поднимаю глаза, смотря в серые Алестера, который убрал щеку с моей макушки и выпрямился.

– Это точно не к тебе? – с ноткой недоверия, интересуется

Жак.

– Парни, вы снова устроили тусовку? – улыбается Алестер, обращаясь к Эйдену.

Игнорируя его вопрос, Эйден спрашивает меня:

– Мы можем поговорить?

Кусая внутреннюю сторону щеки, согласно киваю. Не представляю, о чём можем говорить, если всё уже расставлено по местам.

Делаю шаг в сторону, и рука Алестера плавно соскальзывает с плеча, повисая вдоль тела парня. Кажется, я чувствую некую нотку настороженности, с которой он позволяет мне открыть дверь комнаты шире, чтобы пропустить Эйдена. Аромат парфюма тянется следом за парнем, и когда он проходит мимо, я смотрю в округлённые глаза Алестера, после чего закрываю дверь. Последний раз он был таким настороженным, когда я говорила, что могу задержаться на работе. Именно в тот день Алестер поехал встретить меня, чтобы не оставлять одну. Это вовсе не обязательно, но не могу отрицать, что было приятно и спокойно идти рядом с ним. Мы оба боимся, что мой чокнутый *папочка*, в любой момент нагрянет среди белого дня или тёмной ночи. Кроме того, теперь я желаю убить Жака. Не самое лучшее говорить парню, пришедшему ко мне, что это что-то новенькое. Чувствую себя самой забитой девушкой на планете, которая обделена мужским вниманием. Всё совсем наоборот. Я практически живу в этом кругу.

Медленно поворачиваюсь к Эйдену, который проводит пальцем по выпуклой линии лепестка на стене, и сжимаю дверную ручку за спиной, опираясь на деревяшку.

– Я думаю, что мы могли бы, – говорит он.

Карие глаза парня переводятся в мою сторону. Он быстро осматривает меня с ног головы, из-за чего чувствую себя неудобно. Умоляю себя не делать глупости, в виде перекачивания с пятки на пятку, бессмысленного дёрганья одежды или чего-то такого, что покажет неуверенность. Единственное, что я делаю – продолжаю сжимать дверную ручку, это хоть как-то успокаивает.

Не могу отрицать то, как зародившееся новое ощущение надежды кромсает изнутри. Мне совсем не нравится это чувство. Я не хочу питать надежды. Не хочу питать ничего. Я даже не уверена, что хочу что-то испытывать к нему. И в самом деле, хочу тоже. Это плохо – проникаться к нему доверием, ведь Эйден сказал, что доверять ему вовсе не стоит. Он подтвердил слова действиями, когда, не смущаясь, принимал внимание со стороны. Конечно, он имеет право. Точно такое же право имею я, когда испытываю жгучую неприязнь и некую ревность по отношению его к другим.

– О чём ты?

– Попробовать быть друзьями, – произносит Эйден.

Медленно до сознания доходит смысл его слов.

Быть друзьями. Он хочет быть друзьями.

Кажется, я окончательно теряю веру в собственную ин-

туицию. По всем ощущениям, она вовсе отсутствует. Я не наделена подобным свойством. Тем ни менее, нахожу в себе силы не показывать разочарования. Наоборот, стараюсь быть в какой-то степени *навеселе*. Выгляжу нелепо. Успеваю уловить толику антипатии к Вики, которой никогда не было раньше. Я вообще стараюсь относиться к людям нейтрально. Не делю их на *нравится* и *не нравится*. Каждому своё, и некоторые – это не моё. Когда Вики влилась в их число?

Наверно, тогда, когда проявила интерес к Эйдену, и я хорошо это понимаю. Зачем пытаться обмануть саму себя? Всегда было известно: от себя не убежишь. Вся сложность в понимании. Осознании того, что ты не имеешь права требовать от других чего-то. Я не могу потребовать от Вики ничего не чувствовать к Эйдену, не проявлять к нему внимание, которое она проявляла, общаясь с ним у них в квартире несколько дней назад. Это аналогично тому, что она требует от меня того же. Возможно, моё воображение и вовсе слишком разгулялось, показывая то, чего на деле нет. Они могут общаться, смеяться и улыбаться друг другу. Это естественно. Я делаю то же самое, но с другими людьми. Важно лишь то, что мы чувствуем по отношению к этим людям. И Эйден в числе тех, кто не может быть мне другом. От осознания, становится тошно.

– Ты был прав, – на одном дыхании произношу я.

– Прав? – удивление в его тоне звучит вполне обыденно.

Он удивлён моим ответом.

– Мы не можем быть друзьями. Нам и не требуется. Мы не находимся в одной компании или группе, где необходимо делать вид. Я не хочу притворяться.

– Почему притворяться?

– А что это по-твоему? Разве не притворство? Мы просто знаем друг друга. Виделись несколько раз, но с таким же успехом мы видимся с другими людьми.

– Ты обиделась?

– Нет, – отрицательно качаю головой, ведь в действительности никакой обиды нет.

– Тогда что?

– Я думала об этом, и пришла к мнению, что ты был прав. Нам не стоит быть друзьями, в этом нет необходимости. Прости за тот раз. Он попросил помочь, а я просто могла... я не думала, что так выйдет.

– Забей, – кивает Эйден. – Дело не в тебе.

Я слабо и вынужденно улыбаюсь.

– Это самое глупое, что можно сказать. Дело не в тебе, а во мне или в ком-то, или в белом свете, или в ситуации.

– Картеру нравится всех цеплять. Ты лишь повод, чтобы он получил своё.

– Своё?

– Он любит выяснять что-то с помощью физической силы.

– И что?

– У него получилось вывести каждого. Всех, кроме меня. И пока не добьётся своего, он будет продолжать.

– Я для вас игрушка? – оскорблено шепчу я, сделав шаг в сторону.

– Ты не игрушка, Эмма, и не позволяй сделать из себя игрушку.

– Он будет продолжать, пока не получит своё, ты сам сказал.

– Я не могу отвечать за него, пойми. Возможно, ты нравишься ему, но это не отменяет того факта, что он выводит меня. Это как приятный бонус.

– А тебе? Я для тебя игрушка?

– Чего ты хочешь?

– Услышать от тебя.

– Мы уже говорили об этом, ты всё знаешь.

– Скажи мне! – мягко, но с нотками настойчивости, требую я. Впервые понимаю, что не могу выглядеть устрашающе, потому что слишком слабая для этого.

– Чего ты добиваешься услышать?

– Кто я для тебя.

– Мы никто друг другу. Не враги и не друзья, Эмма. Дело не в том, что есть необходимость. Ты права, что не стоит делать вид.

– Эйден, пойми, ты не задел меня. Я не обижалась и не злилась, не предлагала дружбу, планируя воспользоваться такой возможностью и рассчитывать на другое. Я думала, что это хорошая идея.

– Но сейчас так не думаешь?

– Да, не думаю.

– Что заставило тебя передумать?

– Реальность, с которой потом придётся столкнуться.

– С какой именно реальностью?

– Я не хочу сознательно причинять себе боль. Не хочу обманываться. Это было глупостью с моей стороны. Я даже не представляю, как это будет выглядеть. Как мы вообще можем дружить? Что я или ты должны делать? Выполнять вместе домашку или ходить в кино? Делиться секретами? Просить совет для отношений?

В глазах Эйдена полное понимание. Мы оба предлагаем друг другу то, что не способны дать. Выдавливаю улыбку, но она получается слишком неестественной.

– Я не могу быть тебе другом, это будет нечестно по отношению к тебе и себе. Я могу быть другом Алестеру, Жаку, даже Картеру, потому что нет нужных чувств. Но и не могу делать вид, что не замечаю или не знаю тебя.

– Почему тогда я не хочу это принимать? – хмурится он.

– Потому что ты не принимаешь другое, а я не способна из-за первого встречного человека рисковать всем.

– Иногда риск оправдывается.

– Это не та ситуация. Всё взаимозаменяемо.

– Но, если ты будешь с Картером, так или иначе нам придётся быть друзьями.

– Я не буду с Картером.

– Ты не можешь быть в этом уверена.

– Да, не могу. Я не знаю, каким человеком он станет через год или пять.

– Это не очень приятно слышать.

– Я не хочу тебе врать. Нет нужды. Не буду говорить, что мы никогда не будем вместе с тобой или с ним. Время расставит всё по своим местам.

Эйден сводит брови. Окинув взглядом комнату, он вновь возвращает внимание ко мне.

– Немного непривычно.

– Что именно? – интересуюсь я, предполагая, что он говорит об интерьере, который остаётся цветным с первого дня проживания в этой квартире.

– Честность.

Жму плечами, ведь я всегда предпочитала истину. Какой бы она ни была. Она причиняла боль и радость. В основном, боль, но, возможно, я просто не умею врать, и поэтому оправдываю правду неопытностью.

– Лучше так, – говорю я.

– Теперь я не знаю, что сказать. Думал, ты согласишься.

– И мы пойдём в ближайшее кафе есть мороженое?

– Как вариант, – кивает Эйден. – Так было бы проще.

– Если хочешь, то оно есть в морозилке.

– И мы прикинемся друзьями на вечер?

– Ты уже пришёл. Алестер и Жак тебя видели, они и сами могут предложить остаться. Алестер слишком гостеприимен.

Эйден выгибает бровь. Он склоняет голову вниз и носком подкидывает край мягкого коврика васильковым цветом, в то время как на его губах играет застенчивая улыбка. Вновь сунув руки в карманы джинс, он слишком мило кусает губу, продолжая держать уголки губ приподнятыми.

– Думаю, им некогда, – сообщает он.

Уже хочу взболтнуть вопрос, почему он так считает, но моментально затихаю. В ту же секунду до ушей доносится шум воды благодаря тонким стенам, которые словно возведены из пластмассы. То, что я слышу дальше, заставляет мои щёки краснеть, как самый яркий и сочный помидор. Они же не серьёзно?

– Я их убью, – шепчу я.

– Бывает.

В равнодушии Эйдена проскальзывают насмешливые нотки. Он явно так не считает. Но следом парень добавляет:

– Я видел его.

– Кого? Жака? Алестера?

– Того, кто обнимал тебя, когда я пришёл. Вчера я случайно открыл не ту дверь в туалете.

– И.. кто это был?

– Не тот парень, что открыл дверь сегодня.

– Тебе лучше не упоминать об этом при них.

– Неполомки в раю? – интересуется Эйден.

– Дело не в этом. Алестер... он слегка непостоянен. Я не могу его судить. Они не встречаются. Это просто... секс,

хоть и затянувшийся.

– Ответишь на вопрос?

– Да.

– Как часто ты пользуешься вариантом *просто секс*?

Новый румянец вспыхивает на щеках, хотя причины для смущения отсутствуют.

– Нечасто.

– Насколько *нечасто*?

– Я не прибегаю к такому варианту.

– Ты вообще прибегала к этому варианту?

– Ты сейчас хочешь предложить мне свободные отношения?

– Нет, это обычный вопрос.

– Уже прибегала, если ты хочешь узнать о моей девственности, – улыбаюсь я.

– Ладно, – словно смущаясь заданного вопроса, Эйден улыбается в ответ. – Согласилась бы?

Выпучив глаза, смотрю на него, как на приведение. Я не думала, что он может задать подобный вопрос.

– Ты хочешь предложить мне секс без обязательств?

– Нет, – посмеивается он. – Хотел посмотреть на твою реакцию.

– Но, если бы я согласилась, согласился бы ты?

Поджав губы, он берёт несколько секунд на обдумывание ответа, я же в эту секунду думаю, что могла чувствовать в подобный момент. Видеть, как песок есть в руках, но в то же

время понимать, что он ускользнёт между пальцев или его унесёт сквозняк, расчистив ладонь. Это словно соглашаться на минимум, осознавая, что не достойна большего. Я не хочу мириться с тем, что есть. Я хочу мечтать о большем, хочу знать, что нет никаких границ и пределов. Хочу понимать, что могу любить и чувствовать то же в ответ, не обуславливаясь сочетанием нескольких букв. Я не могу согласиться на минимум, зная, что на свете есть кто-то, кто даст в сто крат больше. В данный момент мной управляет излишнее любопытство, которое стоит пресекать.

– Я уже соглашался. Но с тобой не могу.

Пuls мгновенно ускоряется. На этот раз не могу удержаться, выдаю испытываемые неприятные эмоции с помощью того, что переминаюсь с ноги на ногу.

– Подумала о том, что я считаю тебя недостаточно сексуальной?

– Я не могу говорить за тебя, – выдаю первый подходящий ответ.

Эйден улыбается. Бросает в жар из-за того, как он смотрит. Чувствую себя неловко и в какой-то степени прискорбно.

– Ты наконец-то соврала.

– Соврала? – переспрашиваю я.

– Это не то, что ты хотела сказать.

– Это короткий ответ.

Эйден делает шаг в мою сторону. Каждой частичкой ощу-

щаю тепло его тела и близость. Аромат его парфюма уже впитали стены так же, как и моя память. Как легко запомнить этот запах и как тяжело выбросить его из головы. Он, кажется, предпочитает аромат гор, воздух на которых свежий и морозный. Мужчина, за которым тянется тропинка из головокругительных ароматов, всегда притягивает к себе. После того, как он уходит, остаётся лишь задыхаться, пока аромат всё ещё наполняет стены помещения. Я точно уверена: так будет с Эйденом. Стоит ему покинуть комнату и квартиру, чтобы я могла жадно вдыхать остатки его присутствия. Лишь единожды мне доводилось чувствовать его касания. Они не сравнимы ни с чем, даже мой первый парень не был таким нежным и мягким. Это было так интимно и сокровенно, хотя он всего лишь убрал волосы с моего лица. Ничего больше. Никаких дальнейших действий. Но подобный жест произвёл сильное впечатление. Он отпечатался в памяти. И вот, уже какую ночь я возвращаюсь к тому моменту, когда доплелась до двери его комнаты и свалилась на голову. Это было глупо и не разумно, но почему-то на тот момент, я могла довериться только ему: незнакомцу с кафе. Не знаю, по какой причине было понимание, что он не причинит боли и не воспользуется состоянием.

Мысленно умоляю его ещё раз коснуться себя. И это работает.

Подняв руку, Эйден проводит костяшками пальцев по щеке, а следом едва уловимым касанием, убирает волосы за ухо.

Примыкаю к его ладони и закрываю глаза, на секунду потеряв бдительность и поддавшись сладкому искушению.

– Дело не в том, что ты не сексуальная. Ты очень даже... привлекательная, Эмма. Дело в том, что я не хочу портить это сексом.

Большой палец поглаживает подбородок, заставляя тлеть под прикосновением; примыкать к нему, как бродячая кошка. Словно за всю жизнь мне не удалось почувствовать чьей-то ласки и теперь я ищу её в каждом новом человеке, и особенно в нём. Неловкое положение, но желание быть ближе к нему – ещё сильнее.

Эйден разрывает физическую связь, и изо рта практически вырывается отчаянный стон. Он замирает в горле, потому что ладонь продолжает движение вдоль талии.

– Как бы не хотел, я не могу так поступить с тобой. Иногда лучше завершить то, что не началось, потому что узнать и отказаться ещё сложнее.

Его ладонь исчезает, моментально внутри вырастает огромная глыба льда.

– Ты можешь отступить хотя бы раз, – тихо прошу я.

Открываю глаза и первое, что попадает в поле зрения – его губы.

– Не могу.

– Поцелуй.

– Это много, Эмма.

– Хорошо, – не скрывая разочарования и огорчения, со-

глашаюсь я, отступая назад.

Разве касание – это уже не много? Разве он завершил то, что не началось? Я считаю иначе. Всё началось.

Думаю, что это верная секунда для того, чтобы уйти, но Эйден остаётся на месте. Он продолжает смотреть на меня. Теряюсь в темноте его бездонных глаз, желая познать их глубину и в то же время выплыть наружу, цепляясь за любой трос спасения. То, что он не сдвигается, пугает и смущает. Я не хотела вновь выставлять себя посмешищем и жалкой, но именно так вышел наш второй раз.

– Я хочу, Эмма, правда, хочу.

– Когда человек чего-то хочет, он делает, – подавленно говорю я.

– Это не то. Есть факты, которые меня останавливают.

Его правильность меня раздражает. Не скрываю враждебность, с которой фыркаю и отступаю назад.

– Неважно. Всё это уже неважно. Больше этого не повторится.

– Что именно?

– Всё, – обобщаю я. – Не стоит больше повторять.

Встряхнув головой, он запускает пятерню в волосы и проводит ею пощёку, небрежно взъерошивая и придавая себе тем самым больше привлекательности. Секунда, как его ладонь снова ложится на мою щеку. Всеми силами отказываю себе прильнуть к ней и попасться в ловушку, где очередной раз стану посмешищем.

– Эмма... – едва слышно выдыхает пареньь.

Почти работает. Почти смеюсь над собой, потому что тело не повинуется мозгу. Почти отступаю, когда Эйден склоняется ниже и касается моих губ. В ту же секунду тело получает разряд электрического тока. словно к груди приложили дефибриллятор и не собираются его убирать, посылая сердцу новые импульсы для ритма. Бесконечное количество импульсов.

Его губы мягкие, тёплые, на вкус он как мятная жвачка. Вероятно, она совсем недавно присутствовала у него во рту, оставив после себя приятное послевкусие. Никакой агонии страсти из сбрасывания вещей и направления к кровати. Она присутствует, но это совершенно другая сторона. Она до краев наполненная нежностью и трепетом. Никаких языков и обмена брызгами слюней, словно каждый из нас готов откусить большую часть от лица друг друга. Это всё не про поцелуй Эйдена. Он продолжает держать на моей щеке ладонь, оставляя будоражащие и в то же время осторожные поцелуи. Я запоминаю каждый. Запоминаю каждое соприкосновение наших губ. Запоминаю, насколько они волнительные и приятные. Они не подводят и к одной мысли, чтобы отвернуться. Не хочется останавливаться никогда.

К сожалению, всему приходит конец.

– Твой первый и последний, – шепчет он, оставаясь у моих губ.

Следом, его ладонь соскальзывает, и посмотрев на меня,

Эйден покидает комнату. Слышу, как громко щёлкает замок дверной ручки, но на деле это было абсолютно беззвучно, просто я улавливаю вокруг каждый шорох. Руки как свисали вдоль талии, так там и остаются. Я могла бы коснуться его в ответ, но превратилась в стену, не способную шелохнуться. Мне удалось прочувствовать только его касания на себе. И теперь я жалею только о том, что не дотронулась до него.

Твой первый и последний.

Миллион раз за секунду прокручиваю эти слова, виня себя за то, что просила. Стало только хуже.

Глава 6

Эмма

Я настойчиво требую от себя не останавливаться, а продолжать движение. Бесконечное количество раз прошу себя не смотреть в сторону Эйдена, который с беспечной улыбкой слушает свою собеседницу. Его ладонь огибает прозрачный стакан с соком, большой палец которого водит по краю. Подпирая висок кулаком, он кивает и что-то говорит. Я же на секунду перевожу взгляд на собеседницу. Идеально ровные чёрные волосы перекинуты на одну сторону и блестят под светом ламп; она внимательно слушает его, и когда оголяет белоснежную ослепительную улыбку, начиная смеяться, я отрываюсь от земли.

В прямом смысле отрываюсь от земли, рассекая в полёте воздух.

Крепкие руки держат талию, перекинув через плечо. В ту же секунду начинаю смеяться и радоваться, что сегодня не решилась на платье. С осторожностью ущипнув меня за бедро, Шон набирает обороты, и мы превращаемся в шар для боулинга, который разнесёт всё на своём пути.

– Меня сейчас стошнит, – смеясь и задыхаясь, визжу я.

– Мы идём на посадку, – тут же говорит он, уняв собственные ноги.

Ещё несколько секунд качаюсь на месте, собирая себя воедино, чтобы не шлёпнуться на пол. Но Шон не успокаивается. Его рука тянет к себе и заключает в объятия так, что я миллионный раз оказываюсь под его подмышкой. Он вновь начинает оставлять на макушке наигранные поцелуи, а я очередной раз брыкаюсь и хохочу.

– Я же буду слюнявой.

– Ты видела себя? Ты одна маленькая слюнка.

Его зелёные глаза блестят, а радушная улыбка согревает изнутри.

– Опять смотреть на ваши лобызания, – откуда ни возьмись, появляется рядом Алестер.

Его рука падает поверх той, что принадлежит Шону, и я прогибаюсь под тяжестью их веса. Вряд ли меня можно назвать самой сильной девушкой из всех. По крайней мере, не физически. Благодаря словам Алестера, Шон начинает причмокивать громче. В конечном счёте, второй отталкивает первого и показывает ему средний палец.

– Вы оба отвратительны, – морщится Алестер, смотря на нас.

Показываю ему язык, и на этот раз отталкиваю Шона.

– Я уже и так, как после душа.

– Милая причёска, – улыбается Шон, за словами он уже хочет перекинуть мои волосы так, чтобы они оказались на лице, чем спровоцировали достать расческу. Но я вовремя отскакиваю и хихикаю, радуясь догадливости.

Парень манит меня указательным пальцем к себе, на что отрицательно кручу головой, небольшими шажками пятясь назад.

– Иди сюда, Эмми, – сладко и нахально улыбается он. – Ты в туфлях. Я быстрее.

– Забудь об этом, – улыбаясь, говорю я.

– Давай, я кое-что принёс.

– Что бы там ни было, я куплю сама.

– Сладкая вата, – играя бровями, заявляет Шон. – Несколько вкусов.

– Я куплю сама.

– Не-а, потому что я забрал последнюю.

Кусаю губу, смотря на Алестера, который лишь закатывает глаза. Его лицо тут же вытягивается. Он смотрит на меня и в то же время куда-то сквозь. Спиной чувствую преграду, из-за чего перестаю двигаться. В отличие от Шона, который остаётся игривым и лучезарным, Алестер больше не светится. В его серых глазах читаю предупреждение. Если он не бросается за мной и ко мне, то это явно не мой *папочка*. И когда поворачиваюсь, убеждаюсь в правоте.

Пятёрка парней возвышается надо мной, пока я дышу им в грудь. Среди них Эйден, Картер и Рэн, имена которых знакомы, двух других я видела в тот вечер, но не познакомилась. Все они смотрят на меня, из-за чего хочется превратиться в шуруп, который за секунду вкрутится в пол. Получается даже промямлить извинение, хотя, это легко могло остаться в

моей голове в виде воображения. Два незнакомца следуют дальше, Рэн переглядывается между Картером и Эйденом, после чего кивает мне, продолжая путь.

Глаза Эйдена смотрят на меня и в то же время вскользь, как и Алестер. Какой-то незримый холодок пробегает по спине, когда он говорит обычное:

– Привет.

Парень уходит вслед за Рэном, остаётся лишь Картер. Он с интересом рассматривает Шона и Алестера. И его взгляд останавливается на первом. Какая-то непонятная усмешка появляется на губах парня, словно он бросает вызов и тут же насмехается, будто имеет превосходство над другими. Именно поэтому я пошла к Эйдену. Именно поэтому не доверяю Картеру. Именно поэтому не могу утверждать, что влюблюсь в него, по крайней мере, сейчас или в ближайшее время. Он слишком самоуверенный и тщеславный. Он любит внимание, чрезмерное внимание. Его всегда слишком много. Этот парень повсюду и нигде сразу.

– Приветик, – говорит он так, как будто я одна. За моей спиной нет ни Шона, ни Алестера.

Остаётся только кивнуть в ответ, хотя это не вполне вежливо и в свойственной мне манере общения.

– Чем-то занята сегодня?

– Да.

– Я подумал, что ты снова могла бы меня натаскать.

– Ты прекрасно знаешь, что я не пойду к вам после по-

следнего раза.

– Ладно, можно к тебе, – как в порядке вещей, бросает он.

Чувствую, как по талии ползут ладони. Это слишком знакомые ладони, на одной руке браслет, подаренный мною, на второй кольцо, огибающее указательный палец. Они скрепляются в замок на животе, и Алестер, который обычно является душкой и душой компании, превращается в непроницаемую и непробиваемую скалу. Я ощущаю это спиной, когда он прибывает меня к себе. Конечно, я поделилась с ним всем, что было на душе и зачем приходил Эйден. Поделилась и поцелуем, вкус которого до сих пор ощущаю. Описала всё в самых невероятных красках, в которых только могла, пока Алестер, причмокивая попкорном, слушал меня сидя на диване. Иногда он делал вид, что отвлёкся на телевизор, но потом смеялся и повторял всё слово в слово, что я сказала. Он никогда не перестанет дурачиться.

– Вряд ли это получится, – вступает в разговор мой лжепарень.

– А ты... – прищурившись, Картер окидывает Алестера оценивающим взглядом. Лишний раз горжусь, что мой друг всегда держит себя в форме, внешне уведомляя собеседника о способности дать отпор. – Парень?

– Круто, что ты заметил у меня наличие члена, – кивает Алестер. – Ещё будет круто, если не придёшь в квартиру, которую я делю со своей девушкой. Не забывай, что яйца у меня тоже есть.

– Без проблем, чувак.

Наградив нас усмешкой, Картер уже хочет уйти, но оставившись и оборачивается, посылая мне немые намёки, читаемые по глазам.

– Есть много других мест, – подмигивает он. – До встречи, Эм.

Алестер не настолько глуп, чтобы кидаться вслед и набрасываться со спины. Наоборот, всё его внимание сосредотачивается на мне с любопытством.

– Что значит последний раз?

– Я должна рассказать тебе не тут.

– Ты про то, что Эйден выручил тебя?

– Нет, – тяжело вздохнув, говорю я. – Это другое.

Хмурость его лица неприятно отзывается внутри. Я никогда ничего не скрывала. Только он знает всё, кажется, каждую мысль в моей голове, каждый следующий шаг. Люди, которые находятся в компании друг друга намного чаще, чем постоянно, привыкают и узнают повадки друг друга со временем. Тот, кто рядом, начинает понимать тебя, заранее предугадывать ход мыслей или действий. Таким образом, вы становитесь открытой книгой друг другу. Но между мной Алестером всегда существовала незримая связь, которая не соединяется по родству. Я нашла человека, который изначально понимал меня, а я – его. Мне не понадобилось время, всё было изначально понятно. Я бы доверила ему жизнь, и знаю, что он сделал бы то же самое.

Когда парни вновь берут меня в охапку и зажимают между собой, краем глаза смотрю в сторону того стола, где была девушка. Её там уже нет, как и его обитателей. Все они разошлись. И приложив ладонь к сердцу, признаюсь, что рада такому исходу. Она не поплелась за ними.

Спустя несколько минут, обед мозолит глаза, чувствую взгляд Алестера, наблюдающего за мной. Отсутствие аппетита не причина отказываться от еды. Стоит так поступить, и внимание Алестера никогда не перейдёт к кому-то другому. Он будет смотреть на меня, пока я не проглочу всё до последней крошки. Так даю только повод для мрачных мыслей в его голове, а это последнее, чего хочется. Показываю язык и приступаю к обеду. Сощуриив глаза, он не доверяет мне до конца, но получает толчок со стороны Вики. Его внимание всё же переходит с меня на неё, и я благодарю всё на свете, что она так сделала. Она даже не догадывается о ложности наших отношений, каждый сидящий за столом думает, что мы действительно без конца и края любим друг друга. Да, это действительно так, но любовь, которая есть между мужчиной и женщиной или же подругой и другом – разная. Я люблю его всем сердцем, но как близкого человека, которым он всегда был; как друга, которым всегда являлся; как брата, который защищает; как отца, который заботится. Это не то, что я должна чувствовать к человеку, с которым готова разделить жизнь и создать настоящую семью.

– Знаешь, что я узнал? – спрашивает Фил, смотря меня

поверх солнцезащитных очков, за которыми прячутся его карие глаза.

Закатываю глаза, потому что это очередной бред.

– Удиви меня, Филип.

– Что на прошлой неделе вы тусили у нашей сборной.

– Сборной по чему? Я уже могу зацепить капитана и завоевать ненависть всего женского пола?

– Если только Ал захочет делиться, – играя бровями, Филип падает на спинку стула и скрещивает руки под грудью. Сигарета, покоившаяся за его правым ухом, вот-вот окажется на полу.

Серые глаза Алестера обращаются ко мне. Наш немой язык понятен только нам, и сейчас мы оба понимаем, что такое уже произошло. Он уже поделился. Это всего лишь поцелуй, но для многих символизируется с изменой. Кроме того, мы оба не знаем, о какой сборной речь. И Алестер решает сказать первым.

– Смотря, что за команда, – шутливо бросает он. – Если футболисты, то я подумаю.

– Хоккеисты, – довольно щебечет Филип.

Бровь Алестера дёргается. Он смотрит на меня, я же делаю это в ответ. Последний раз мы были именно у той тройки парней, один из которых значит для меня больше, чем просто человек, выручивший однажды; второй пытается вывести первого и в добавок моего лже-парня, проявляя вполне понятные намёки; а третий встаёт между ними, чтобы не

произошла катастрофа. Отличное начало года.

– Если бы мы жили в штатах, я мог как девочка визжать от восторга при футбольной команде, – улыбается Алестер. – К счастью, мы не там. Я подумаю.

– Конечно, – хихикает Вики. – Я уже вижу, что ты визжишь от восторга, только внутрь себя.

– Это же Канада, сколько гребанных чемпионатов были нашими?

– Почти все, – усмехается Филип.

– Успокойся, милый, – пихнув Алестера бедром, она широко улыбается. – Они же не из сборной страны.

– Даю сотню, что хотят в ней быть, – кивает друг, пока моя челюсть готова рвануть под ноги, но я крепко стискиваю зубы и сижу вполне спокойно.

Шон, Филип и Вики начинают громко спорить между собой, говоря, что у университета сменился тренер, которого до сих пор никто не видел и не знает. Он же имел такую наглость, распустить прошлогодний состав команды, решив отобрать новый. Каждый из них строит догадки и создаёт образ из слухов, в то время как я полностью абстрагируюсь от разговора, как и Алестер.

Парень склоняется к моему уху и шепчет:

– Ты не говорила, что он гребанный хоккеист.

– Для меня это такая же новость, как и для тебя.

– Какого черта вообще? Ты же знаешь, что это хреново.

Каждый знает, что это хреново.

– И все всё равно хотят быть в их компании, присутствовать в их гареме и пользоваться вниманием.

– Я не видел, чтобы ты в школе бегала за кем-то, желая быть популярной.

– Потому что все они смазливые идиоты, которые рады воспользоваться ситуацией.

– И с чего ты решила, что тут не так же? Я слышал и знаю лично, что университетская команда не лучше. У них мозг в члене, разве что возрастом старше.

– Как будто это отсутствует у других парней, – ворчу я.

Алестер окидывает взглядом все столы и останавливается на одном, игнорируя мои выпады. Стол переполнен девчонками, хихикающими над каждым брошенным словом из уст парней. Они словно в кино или сериале, где при поднятой по табличке, нужно посмеяться или заахать.

– Вон они, – говорит он, – не вижу среди них тебя.

Пожимаю плечами.

– Возможно, я претендую на младшие лиги, – хихикнув, отворачиваюсь и делаю глоток сока.

– Круто, только их нет. Тут только одна команда. Я не слышал, что кто-то из этой кучки в сборной этого года.

– Видимо, слава навечно, неважно, в команде ты или уже нет.

Алестер фыркает и несколько секунд внимательно смотрит на меня.

– Он думает членом, Эм.

– Ты даже не знаешь его.

– В том то и дело, что ты тоже, – парирует друг. – Ты защищаешь, и при этом даже не знаешь его. Из-за того, что он один раз помог тебе, не означает то, что у него нимб над головой.

Свожу брови и смотрю на Алестера из-подо лба.

– Ты же сам говорил, чтобы я развлекалась и отрывалась. Ни в чём себе не отказывала.

– Говорил, но я не хочу, чтобы ты была одной из тех, кто крутится вокруг них и не уважает себя, а они пускают тебя по кругу ради развлечения.

– То есть, если это будет какой-то неприметный парень, то я могу, ведь он не будет развлекаться? Это не равносильно?

– Черт, – буркает он. – Как это вообще могло произойти? У тебя Стокгольмский синдромом?

– Он не был моим мучителем.

Алестер коротко улыбается, но ради внешнего вида. Его ладонь берёт мою и поднимает со стула вслед за собой. Все три пары глаз устремляются в нашу сторону. Ему хватает лишь подмигнуть ребятам, чтобы утащить нас «по делам».

Парень шагает вперёд, и как только двери хлопают за спиной, он продолжает свою нотацию дальше.

– Уже им является. Он предлагает тебе гребаную дружбу.

– Конечно, ведь парень у меня есть.

Алестер резко тормозит. Его глаза встречаются с моими. Сразу понимаю, что сказала. Хочется заштопать собствен-

ный рот.

– Я говорил, что ты не обязана, к чему эти одолжения?

– Знаю. Я согласилась сама. Вырвалось...

– Мы можем порвать прямо сейчас.

– И всё покатится по наклонной.

– Эмма, ты не понимаешь? – вздохнув, Алестер стискивает на переносице большой и указательный палец, качая головой. Он отпускает моё запястье. – Я живу так, как хотел, а ты ограничиваешь себя. Я чувствую себя из-за этого дерьмово.

– В чём я себя ограничиваю?

– Ты не можешь быть с кем-то.

– Я и не хотела быть с кем-то.

Алестер издаёт смешок, наполненный грустью, он вновь качает головой, словно разочарован во мне и оскорблён.

– Хочешь сейчас, но не можешь, потому что чувствуешь себя обязанной мне.

– Какой в этом толк, если другой человек не хочет идти навстречу и принимать тебя? Будет другой. Возможно, он поймёт.

Слабая улыбка друга наполнена печалью. Беру его ладонь и переплетаю наши пальцы.

– Ты не понимаешь, Эм, – тихо выдыхает Алестер. – Не нужно жить тем, что будет, жить нужно тем, что есть. Завтра или через неделю будет конец света, а ты так и оставляла на будущее то, что можно сделать сегодня.

– Я не могу так. Я уже сделала несколько шагов, больше

не хочу. Он сам сказал, что это он должен быть тем, кто добивается, а не тем, кого добиваются.

– Он полный идиот, если не понимает, что теряет. Я докажу.

Крепче сжав мою ладонь, Алестер поднимает уголки губ. Его лицо начинает светиться ярче солнца. Пугаюсь, когда он чуть ли не тащит меня за собой. В эту самую секунду не понимаю, что у него на уме. Первый раз в своей жизни, я не могу прочесть ход его мыслей и идей, которые возникли в сознании. Это и пугает. Иногда Алестер довольно непредсказуем, он может выкинуть всё, что угодно.

Происходит именно так.

В горле пересыхает в тот момент, когда он начинает заглядывать в аудитории. У меня есть догадки, кого он ищет, но я и не подозревала, насколько всё ужасно. Понимаю это только тогда, когда он затаскивает меня на порог аудитории, где профессор готов начать лекцию. Тошнота подступает к горлу, когда замечаю на одном из подъёмов Эйдена. Хочется провалиться сквозь землю, ведь сейчас разыграется самое настоящее представление.

Какого же моё удивление, когда Алестер обращается не к нему, к счастью, рядом нет ни Рэна, ни Картера. Эйден один. Друг смотрит в другую сторону от него. Кажется, он вовсе не замечает его, но я знаю, что это специально.

– Я задолбался тебя искать, Харпер, – сообщает Алестер, смотря на Брейди, который удивлён не меньше меня. Веро-

ятно, он искал любого знакомого, который обитает в одной аудитории с Эйденем. К счастью или нет, он имеет слишком много знакомых.

Профессор откашливается, привлекая внимание Алестера к себе. У него отлично получается.

– Извиняюсь, я тут пытаюсь соединить сердца влюблённых, – заявляет Алестер, из-за чего я давлюсь воздухом.

Хочется кричать: «Какого черта ты творишь?!». Но я лишь сжимаю его ладонь, и пытаюсь хоть как-то повлиять, дёргая руку. Конечно, он сжимает мою в ответ, и силой удерживает в ровном положении, не позволяя делать движения маятника.

– Не смею мешать силе любви, – с улыбкой, вторит профессор, махнув в сторону студентов. – Кого решил пристрелить Амур?

– Она мне все уши прожужжала, Харпер, тебе лучше поднять свою задницу и тащить её сюда, – с довольным выражением лица, сообщает Алестер.

– Если это не свидание, то я отсижусь тут, – усмехается Брейди.

– Вы идёте на него прямо сейчас.

Серые глаза Алестера обращаются к профессору, который вскинул брови, и смотрит на парня в ответ.

– Вы ведь не против, профессор?

– Возьмёт конспекты у других, – отмахивается мужчина.

Улыбка расплывается на губах Брейди. Парень хватается

рюкзак и закидывает его на плечо, буквально слетая со ступенек, пока притихли остальные. С его массивным весом, я шокирована, что ступеньки не ломаются пополам при наступлении. На лице Брейди озорство и веселье, словно он ждал этого момента всю жизнь. Актёрская игра претендует на должность лучшего.

Ладонь Алестера покидает мою, зато на плече появляется рука Брейди, который тянет меня в свою сторону. Какие они все тяжёлые, Боже мой.

– И года не прошло, Эм, – улыбается Брейди. – Думал, не дождусь.

Закатываю глаза, ведь он и не приглашал меня на свидание. Скорей, он мог выдвинуть подобное предложение по отношению к Алестеру. Что за цирк происходит?

– Теперь всё на своих местах, – торжественно заявляет за спиной Алестер.

– Например? – беспечно интересуется профессор.

– Были кое-какие неполадки, но я всё починил и исправил.

– Иногда лучше не вмешиваться. Вы можете повлиять на ход важных событий.

– Когда дело касается идиотских замашек, то лучше вмешаться и всё исправить. Она не должна была отказывать ему из-за кого-то придурка, который не видит лучшее, что ему подалось.

Остановите его, я умоляю.

– Наживаете врагов, – улыбается профессор.

– Плевать, главное, что она счастлива, – с этими словами,

Брейди выводит меня из аудитории, а Алестер завершает всё словами: – Спасибо за помощь.

Друг нагоняет нас и салютует пять по ладони Брейди.

– Ты только что опозорил меня, – выдыхаю я.

– Я только что дал кое-кому пищу для размышлений.

– Да ладно, Эмма, – улыбается Брейди. – Было весело, мы же идём на свидание.

– Ага, или вы идёте.

– Мы будем ждать той минуты, когда до него дойдёт, – подмигивает Алестер. – А пока можем попить кофе.

– Согласен, – кивает Брейди.

– Ладно, – повесив руки, соглашаюсь я. – Будь, что будет. Уже поздно, вы втянули меня в этот бред.

Глава 7

Эмма

Смена выдалась жаркой, и по этой причине в моих руках очередной молочный коктейль, как символ успокоения перед сном. Не помню, когда последний раз выходила без него. Вероятно, в последнее время я устаю больше положенного, как и беру на себя больше положенного.

– Эм, ты забыла ключи, – кричит за баром Шон.

Делаю резкий разворот и возвращаюсь назад.

Связка ждёт меня на деревянной столешнице, рядом с ней пончик.

– Ты не ела, – продолжая заниматься барной картой, не глядя, говорит он.

– Следишь за мной? – улыбаюсь, сгребая всё, что рядом с ключами.

– Забочусь о твоей будущей язве.

– Как мило, – хихикаю, отклоняясь назад. – До завтра.

– Ал тебя встретит?

– Нет, ещё светло.

– Ладно, я буду следить за тобой.

Частично открыв дверь, над которой оживился колокольчик, поворачиваю голову в сторону Шона.

– Ты мне угрожаешь, Шон Морган? – шутливо интересу-

юсь я.

Подняв голову, он лучезарно улыбается, как будто что-то задумал. Понимаю, что сейчас лучший момент делать ноги.

– Я уже ушла, – не дожидаясь ответа, сообщаю я.

Слышу: «До завтра», когда закрывается дверь. Несмотря на загруженный день, не могу перестать улыбаться, ведь в руках сладкий подарок. Но как только делаю шаг, моя улыбка плавно сползает, зато ускоряется пульс, из-за которого становится невыносимо душно.

Фонарный столб, на который бедром упирается Эйден, может посмеяться над выражением моего лица, которое вытянулось за секунду. Едва держу стаканчик и пончик, рядом с которым сжимаю ключи. Холодное остриё впивается в ладонь, заставляя сознание вернуться на положенное место. Ведро ледяной воды на голову вовсе не помешало бы, но, скорей всего, таковым стал Эйден. Парень отлипает от столба и направляется в мою сторону, пока я застыла. Но мне чудесным образом удаётся вспомнить родную речь.

– Что ты тут делаешь?

– Пришёл к тебе.

Эйден останавливается напротив, легко заставляя перевернуться всему содержимому внутри. Отсутствие пищи в организме лишь подкрепляет подобное рвение, выворачивая пустой желудок наружу.

– Я не понимаю тебя.

Немного приподняв уголки губ, он кажется сбитым с тол-

ку и растерянным.

– Я тоже себя не понимаю.

– Откуда ты узнал, где я работаю?

– Спросил в кафе, где видел первый раз.

Сую ключи в сумку, коробочка с пончиком отправляется туда же. Это получается сделать с трудом, потому что руки дрожат. Пока Эйден наблюдает за мной, я прикладываю ладонь ко лбу и выдыхаю.

– Я запуталась, не понимаю, чего ты хочешь. Сначала ты позволяешь мне лечь в свою кровать, потом говоришь, что между нами ничего не может быть, не соглашаешься на моё предложение быть друзьями, но вдруг резко передумываешь, предлагая дружбу, ещё дальше целуешь, а после говоришь, что на этом всё. Если составлять логическую цепочку, то сейчас ты должен предложить что-то ещё.

– Это тяжело, Эмма.

– Что?

– Быть близко и далеко от тебя. Честно, я не знаю, зачем сейчас стою тут.

– Тогда тебе лучше уйти.

Делаю шаг в сторону, но ладонь парня моментально возникает на запястье. Смотрю на руку, которую он удерживает. Словно понимая мои мысли и свою ошибку, Эйден отпускает и говорит:

– Извини.

Киваю и направляюсь дальше, хотя отчаянно желаю вер-

нуться и остаться без ног на некоторое время, чтобы не иметь возможности уйти. Сейчас за меня говорит чувство достоинства и гордости, не позволяющие вновь поддаться. Алестер мог бы убить меня ещё в первый раз, и у него получилось сказать всё взглядом. Он, как и Жак, часто говорит мне быть той, кем быть не хочется, но иногда необходимо. Это глупо – не делать первый шаг, пытаясь набить себе цену. За таким отношением можно упустить что-то важное. Я далеко не смелая, но по какой-то неведомой причине, несколько раз пыталась добиться хотя бы чего-то от Эйдена.

– Эмма, – зовёт он, когда нас разделяет несколько футов.

Не пытаюсь бороться с собой, останавливаясь и поворачиваясь. Эйден качает головой. Он вздыхает и расставляет руки в разные стороны, несколько секунд смотря в сторону.

– Я не знаю, как правильно и что должен делать. Я поступаю так, как хочу, чтобы относились ко мне. Я не хотел прилететь сюда и отвлекаться. Я хотел добиться желаемого, чтобы идти дальше.

– Что мешает?

– Ты.

Вяло и коротко улыбаюсь, и Эйден замечает это.

– Я не мешаю тебе.

– Я знаю, что ты есть и не могу сосредоточиться.

– И что ты мне предлагаешь? Мы даже не видимся.

– Мы не видимся, но я вижу тебя.

– Этот разговор зашёл в тупик.

– Как и предыдущие.

Эйден мешкается. Он продолжает стоять на месте так же, как и я. Решаюсь первой прервать молчание и покинуть лабиринт, из которого мы никак не найдём выход. Но никаких слов не находится. В итоге, просто разворачиваюсь и направляюсь дальше, оставляя его наедине с самим собой. Вряд ли я могу и хочу быть с человеком, который сомневается и не знает, чего хочет.

Мои шаги неторопливые, я спокойно бреду в сторону квартиры, наслаждаясь поздними лучами солнца, почти скрывшегося за горизонтом. Тёплый ветер обдувает лицо, и я снимаю резинку с волос, освобождаясь от оков. За день от хвостика ужасно устаёшь, поэтому каждый раз покидая кафе, я сразу стягиваю резинку и позволяю локонам насладиться желанной свободой. Сквозняк играючи теребит их и приподнимает с новым порывом легкого ветра, как и рукава рубашки, которые напоминают колокольчик и благодаря прозрачности, открывают руки. Остальная часть рубашки остаётся закрытой, я не привыкла выставлять тело напоказ.

Проходит несколько минут, как перед лицом возникает рожок мороженого, из-за которого чуть ли не спотыкаюсь на ровном месте. Взгляд скользит по руке и натывается на Эйдену.

– Бери, – говорит он.

Вздыхнув, позволяю улыбке поднять уголки губ и принять его жест.

– Будешь проследовать меня? – спрашиваю я, открывая упаковку клубничного мороженого.

– Нет, провожу домой.

– Если я не иду домой?

– Провожу туда, куда ты идёшь.

– Если я иду, чтобы побыть одна?

– Я оставлю тебя там, где ты хочешь побыть одна.

– Тогда тебе стоит свернуть, потому что я хочу перейти дорогу.

– Твой дом в другой стороне, – напоминает Эйден.

– Да, но я предпочитаю идти по набережной, там красиво.

– Хорошо, – улыбается парень.

Сделав несколько шагов, он жмёт кнопку светофора и смотрит на тот, что на противоположной стороне. И какого же его удивление, когда поток людей следует, не дожидаясь чуда. Это делаю и я.

– Белый? – догоняя, интересуется он.

– А какой?

– Зелёный.

– Зелёный? – переспрашиваю я. – Даже если предполагать, что у тебя дальтонизм, ты не мог перепутать белый и зелёный. Для тебя он должен быть серым.

– Я с Нью-Йорка, – сообщает Эйден. – У нас зелёный.

– Это многое объясняет, – с улыбкой, киваю я. – У нас белый и красный.

– Буду знать.

– Как ты ходишь в университет?

– Обычно нас проклинаяют и называют идиотами, – смеётся парень, потеряв затылок.

– Ты переехал с Америки?

– Нас перевели.

– Почему?

– Потому что прошли отбор.

– Хоккей?

Эйден выгибает бровь и смотрит на меня, но лучше бы он смотрел вперёд, потому что нам в лоб следует неплохое количество людей. Он пойдёт по головам или же сошьёт кого-то.

– Откуда знаешь?

Пожимаю плечами.

– Фил сказал.

– Фил?

– Он узнал, у кого мы были в квартире.

– Ладно, я всё равно не знаю, кто это.

– Ты в команде?

– Типа того, – кивает Эйден.

Он едва не сбивает женщину, но тут же извиняется и получает её улыбку. Когда парень смотрит вперёд, решаюсь продолжить разговор.

– Что это должно означать?

– Кажется, наш отбор не закончится никогда. У тренера высокие стандарты, он может убрать в любой момент. Но по-

ка да.

– И Картер с Рэном тоже с тобой?

– Да.

– Я имею в виду, переехали из Нью-Йорка.

– Из Миннесоты, первый курс мы отучились там.

– А остальные?

– Выбрали только нас троих.

– Каким образом?

– Прилетал спонсор от вашего университета и смотрел матчи.

– Почему вас не слышно?

– В каком плане?

Занимаю лавочку ближе к воде и не забываю про мороженое, от которого осталась половина так же, как и от рожка, что находится в руках Эйдена. Плюс, у меня ещё остался коктейль.

Парень садится рядом, но между нами есть расстояние, конечно, третий человек в него не поместится, но оно имеет место быть. Мне почему-то комфортно при таком положении, хотя, трудно говорить, что мне вообще было не уютно в компании Эйдена. Рядом с ним я чувствую себя спокойно. Хотя, моё спокойствие подталкивает меня на безумие.

– В прошлом году команду было видно из другой провинции. Сейчас, кстати, тоже. Их трудно не заметить.

– Тренер всех спускает с небес на землю. В этом году новый.

– Я слышала, пока он, как человек невидимка. Никто его не знает и не видел.

– Возможно, так даже лучше.

– Он пугает тебя? – улыбаюсь я.

Вскинув брови, парень обращает взгляд ко мне и, подперев голову кулаком, упирается локтем в деревянную спинку лавочки.

– Вряд ли кто-то может напугать меня.

– Это уже серьёзное заявление, – посмеиваюсь я, игриво пихнув его плечо.

Лёгкость между нами мгновенно испаряется, а воздух электризуется. В атмосфере повисают искры и напряжение, и я уже не чувствую себя так спокойно, как минуту назад. Это полностью моя вина. Между нами нет ни дружбы, ни отношений. Между нами иголки и куча преград.

Эйден откашливается и переводит взгляд с меня на озеро Онтарио, расстелившееся перед нами и убаюкивая своим морским шумом. Повисшая тишина тревожит. Она растягивается ни на минуту или две. Мы просто молчим. Эйден смотрит вдаль, я стараюсь делать то же самое, но так или иначе, не могу бороться с желанием посмотреть на него.

Всё в нём кричит и подтверждает его слова о недоверии, но я по собственной глупости доверяю. Вот уже какой раз доверяю, хотя память возвращается в один вечер, где вокруг него крутилась парочка девушек, а он не пытался от них избавиться. По крайней мере, мне так казалось. Итого, за тот

вечер он успел пообщаться с несколькими, и недавно на обеде разговаривал с другой. Это волнует меня. Как бы ни хотелось, но волнует. Присваивать себе человека, который является никем – никогда не было мне свойственно, но почему-то тяжело смотреть на него в обществе других девушек. Нас ничего не связывает, разве что он выручил меня, за что я действительно благодарна по сей день. Я доверилась человеку, которого не знала. Доверилась один раз заглянув в глаза. И я не понимаю: не придя к нему в тот вечер, что было бы сейчас? Сомневаюсь, что в данную минуту могла доедать мороженное, купленное им и находиться на набережной, хотя часто прихожу сюда.

Обвожу глазами профиль, соглашаясь с мыслью, что он невероятно хорош собой. Четкие мужественные черты лица, едва заметная щетина обрамляет скулы, каштановые волосы небрежно взъерошены, и мне хочется запустить в них пальцы. Такой шанс уже был, жаль, он упущен. Аккуратный нос и губы, которые ещё раз хочется поцеловать. Эйден хмурится, а я буквально пересчитываю каждую ресничку, которые достаточно густые и имеют неплохой изгиб, подчеркивая глубину его глаз. Не знаю, от кого он их унаследовал, но мне бы хотелось посмотреть на этого человека. Я могла бы сказать, что готова утонуть в его глазах, и не соврала бы. Это правда. Я уже нырнула с головой так глубоко, что иногда хочется задохнуться, чтобы не мучиться.

Эйден расставляет локти по коленям и опускает голову,

вновь подняв её и повернув в мою сторону.

– Ты смотришь, Эмма.

– Я знаю, – соглашаюсь, отводя глаза к озеру.

Новое неловкое молчание, но его нарушает Эйден.

– Хочешь кофе?

– В девять вечера? – удивляюсь, вернув к нему взгляд.

– Дурацкая привычка от мамы, – пожав плечами, говорит он.

– И ты потом ждёшь, когда иссякнет заряд бодрости?

– Одной кружки мало, чтобы я не спал.

– Сколько нужно?

– Две или три.

Парень поджимает губы, разглядывая моё лицо, и я понимаю его, потому что из-за несколько секундного пристального внимания, хочу поёрзать на месте. Подняв руку, Эйден вытягивает крошку от мороженого, попавшую в волосы и задерживает её у моего лица, но недолго.

– Ты делаешь хуже, – тихо говорю я.

– Я сделал хуже, когда пришёл.

Вздрагиваю, когда на подлокотник лавочки садится птица. Она почти как спасение из тупика. Я сразу вспоминаю про пончик и скорей вытягиваю его из сумки. Какой в нём толк, если уже поела мороженое. Неспешно протягиваю кусочек, и птица тут же выхватывает его, уплетая за долю секунды. Она выжидающе смотрит на меня, а после удивляет, перемещаясь прямо на колени.

Её доверие ласкает сердце, и я улыбаюсь, вновь отламывая кусочек и кормя её с ладони. Вокруг собирается ещё несколько, и парочка занимает колени Эйдена. Протягиваю ему остатки пончика, и отломив часть, он отдаёт их тем, что нашли приют на нём. Как только от пончика остаётся лишь упаковка, все птицы разлетаются на поиски новых жертв, кто накормит их. Смотрю на тех, что остаются в зоне видимости, бродя по асфальту и чувствую усталость, внезапно повисшую на плечах.

На город ложится ночь, благодаря чему зажигаются фонари. Это совсем не к месту и не в нашу пользу. В воде отражается свет прилегающей территории и близлежащих домов, придавая моменту романтичность, которая сейчас вовсе ни к чему. Она не вовремя и не для нас.

На локоть ложится ладонь Эйдена. Опускаю глаза на его руку и провожу взглядом вдоль, встречаясь с карими глазами. Он притягивает к себе и обнимает за плечи. Остаётся только положить голову на его плечо. Это я и делаю, изо всех сил стараясь расслабиться. Тепло и аромат его тела благоприятно влияют на меня, снимая напряжение и частично усталость. Я бы легко так уснула, но понимаю, что именно в такие минуты хочу бодрствовать.

Парень ставит подбородок на мою макушку и выдыхает.

– Мы можем оставить всё, как есть?

Не понимаю, о чём он, поэтому поднимаю голову и вновь встречаюсь с его глазами, смотрящими в мои. Я не успеваю

задать вопрос, потому что начинает звонить телефон. Когда вытягиваю его из сумки и вижу имя, чувствую, как напрягается тело Эйдена. Он убирает руку, а когда подношу телефон к уху, поднимается на ноги.

– Ты забыла дорогу домой? – спрашивает Алестер. Он только что загубил всё, сам того не осознавая.

– Скоро буду.

Быстро сбрасываю вызов и возвращаю телефон обратно. Мне понятны причины для волнения Алестера, но они не известны Эйдено. И я ещё не готова делиться своей жизнью с ним.

– Нужно идти, – говорит Эйден.

Он делает несколько шагов в сторону, из-за чего приходится встрепенуться и выйти из состояния эйфории.

Молчание преследует нас вплоть до жилого комплекса, где размещается квартира, которую делю с Алестером. Эйден больше ничего не говорит, не пытается ничего сделать. Засунув руки в карманы, он просто смотрит вперёд и следует по выстроенному в голове маршруту. В это время суматоха в моём сознании похожа на всемирный апокалипсис. Медленно и верно рушится каждый кирпичик здания. Волна сжигает всё живое, превращая в пыль. Из-за этого сжимается сердце и сдавливается грудная клетка. Словно между нами рухнула стена, но тут же взвелась новая, ещё выше и плотнее.

– Спасибо за вечер.

Эйден тут же разворачивает и следует вдоль тротуара, по-

ка я смотрю ему вслед и ощущаю, как что-то важное ускользает у меня на глазах. Я едва не плачу. Не делаю это только из-за того, что предстоит подняться и встретиться с Алестером, который всё поймёт за секунду. Тяжело дышу, сжимая ремешок сумки.

– Эйден... – едва слышно шепчу я, но он не способен меня услышать, растворяясь в толпе прохожих.

Проскакиваю по лестнице и врываюсь в квартиру так, словно за мной гонится куча обезумевших. Наверно, так и есть, разве что это мысли, от которых не убежать и не скрыться. Моё тяжелое дыхание идёт впереди меня.

– Эм? – зовёт Алестер, когда я сбрасываю обувь и поднимаю на него глаза.

– Я была на набережной, потеряла счёт времени, – быстро тараторю, направляясь в сторону своей спальни.

– Эм, что случилось? – спрашивает он, следуя за мной.

Закрываю дверь и прижимаюсь к ней спиной, пытаюсь унять бурю внутри. Алестер никогда не войдёт, уважая личное пространство, за это я люблю его. Он не должен видеть мои слёзы, которые уже стекают по щекам.

– Эм, скажи, что произошло?

Я метаясь между лучшим другом, которому обязана чуть ли не жизнью и парнем, к которому испытываю целый спектр эмоций и чувств. Вот, что произошло.

– Я устала, – держа ровный тон голоса, сообщаю я. – Я хочу спать.

– Эм...

– Я хочу спать.

Слышу его тяжелый вздох, а после отдаляющиеся шаги. Ещё один факт, который я утаила от Алестера, хотя уже поделилась первым, когда стала яблоком раздора между Эйдемом и Картером. На этот раз, я не понимаю саму себя, хочу ли делиться сегодняшней встречей. Но прихожу к тому, что оставляю всё внутри, устало валясь с ног и позволяя слезам продолжать проливаться до тех пор, пока не усну.

Глава 8

Эмма

Я не вижу Эйдена как минимум три дня. Он не был на обеде, либо был, но уходил раньше всех. Он больше не появлялся в кафе. Каждый раз подходя к двери, я ловила себя на том, что желаю его внезапного появления. Эти несколько дней я кормила птиц в одиночестве. Вряд ли ту лавочку можно назвать тайником и местом, где можно найти желанное одиночество, но, когда он появился возле кафе, я разделила это место и время с ним. Она лучшая для обзора и по отдаленности, потому что все остальные расставлены вдоль тротуара. Моя расположена ближе к воде и впереди остальных, позволяя найти покой.

Мыслями я ещё там, с ним, на деле же должна обедать с друзьями.

В лицо прилетает кусочек картошки фри, благодаря которому хмурюсь и сразу нахожу того, кто её кинул.

– По магазинам? – предлагает Вики.

Закатываю глаза и смахиваю остатки еды с одежды.

– Ты могла бы спросить без этого, – замечаю я.

– Да, могла и спросила, пока ты была в танке.

Бросаю быстрый взгляд на Алестера, который кивает, подтверждая её слова. Остаётся только нелепо оправдаться:

– Я задумалась.

– Обо мне? – улыбается Шон.

– О том, что больше не вижу пончиков, – говорю я, хотя всё было совсем иначе.

– Я исправлюсь.

– Так и? – вновь спрашивает Вики.

– Мы пойдём, ты же испортила блузку, – соглашаюсь я.

– Не вижу ни одного пятнышка.

– Это всего лишь предлог ускользнуть от меня, – улыбается Алестер.

Возможно, он прав, но лишь отчасти, ведь после того дня, как я влетела в квартиру не на крыльях любви, он больше не задавал вопросов. За это я очередной раз благодарна ему. Вряд ли можно найти кого-то лучше Алестера. Он настаивает там, где нужно и молчит там, где необходимо. Я всё ещё удивлена его непостоянством, но это не моё дело. Он не обязан быть с кем-то одним.

– Когда пойдём? – интересуется Вики.

– Прямо сейчас, – быстро говорю я, удивляя не только её, но и всех присутствующих.

Есть как минимум одна причина моей спешки, и она прямо перед глазами. Эйден.

Я ошибалась, думая, что он не обедает. По крайней мере, ошиблась сегодня. И я была бы счастлива, если бы он просто пришёл и присоединился за стол к парням, но он не один. Рядом с ним уже другая девушка. Она что-то оживлённо ему

говорит, энергично жестикулируя руками, пока он склонился над экраном телефона. Я не знаю, сколько ещё их будет около него, но есть хотя бы одна причина, по которой мне более-менее спокойно: никто из них не виснет на его шее. Либо уже висли. Хотя бы спасибо, что я не видела. В любом случае, думать об этом неприятно.

Чувствую что-то на груди и отрываю от парочки взгляд.

Несколько половинок от картошки, разместились прямо на мне, благо, что Шон положил под них салфетку. Сразу распознаю первую букву собственного имени, которую он уже выложил.

– Мне можно двигаться, или ты решил завершить? – спрашиваю я.

– Ты удобная статуя, – смеётся он. – Алло, мы вызываем Эмму.

Сбрасываю всё на стол и ловлю пристальное внимание Алестера. Не дожидаясь удобного случая, он оборачивает ладонь вокруг моего локтя и тянет в свою сторону.

– У тебя что-то было с ним? – едва слышно, шепчет он.

Отрицательно кручу головой.

– Тогда какого хрена ты пялишься на него так, как будто он бросил тебя после секса?

– Всё в порядке.

– Эм...

– Ничего не было, – ещё раз говорю я.

Алестер отпускает мою руку, и я тут же даю подзатыльник

Шону за его глупость с едой.

– Теперь с тебя по два пончика каждый день.

– Как прикажете, – улыбаясь, соглашается он.

Следом обращаю взгляд к Вики.

– Идём?

– Я могла бы пойти на лекцию, – улыбается она, – но я передумала.

Девушка поднимается с места, её примеру следую я. Мы не лучшие подружки, но всё же являемся подругами. Не могу сказать, что это вынужденно, но так как мы заседаем в кругу парней, ничего не остаётся, как гулять по магазинам вдвоём. Вряд ли с кем-то из тех, что присутствуют за столом, можно так развлечься. Алестер ничем от них не отличается. Он не ярый любитель шопинга, а когда мы выбирались куда-то вдвоём, большую часть времени он ныл о том, как это скучно. Гей из него так себе. Возможно, я ошибаюсь, и он очень даже хороший гей, но явно не тот, о котором можно мечтать, как о подружке.

Когда выхожу из-за стола, мой лже-парень вновь ловит руку и тянет вниз.

– К черту, ты достойна лучшего, – тихо сообщает он, после чего оставляет поцелуй на щеке.

За всё прошедшее время в виде трёх дней, на моём лице расцветает улыбка. Он прав. Я не могу ждать человека, который то появляется, то исчезает, не дав твёрдой опоры под ногами. Пора прекращать.

Вики толкает меня бедром, и лучезарно улыбается.

– Купим самую сексуальную блузку, чтобы в следующий раз этот придурок выкладывал что-то прямо на твоей груди.

– Да, и чтобы я была жирной, – морщусь, но всё равно улыбаюсь её задумке.

– Он будет слизывать остатки, – твёрдо заявляет она.

Фыркаю и смеюсь, представляя картину, где Шон слизывает остатки масла из фритюра с моей груди. Вряд ли это возбуждает, и вообще данная перспектива быть облизанной – приятна. Вики строит смешную рожицу и начинает причмокивать, из-за чего моё лицо ещё больше кривится, но смех продолжает литься через край.

Либо это самообман, либо я действительно чувствую взгляд Эйдена на себе. Важно лишь то, что не поворачиваюсь в ответ. Наоборот, ловлю другие мужские взгляды на нас. И едва не давлюсь смехом, когда один парень за близлежащим столом присвистывает:

– Вот это самки.

– Ты такой тупой, – смеясь, морщится Вики. – Продолжай в том же духе, и останешься девственником.

Покидаем стены обеденной зоны, и за спиной закрываются двери.

Легче ли? Определённо. Когда я не вижу его, понимаю, что всё ни по чём и наше так и не давшее старт начало, даже лучше, чем начало и завершение. Когда абстрагируюсь и Эйдена нет на горизонте, думать от том, что это не трагедия

– ещё проще. Но стоит ему появиться, как мысли кардинально меняются, переворачиваясь с ног на голову. Возможно, он прав, как и прав Алестер, когда оба утверждают, что я не обязана что-то делать. Вопрос лишь в моём желании. Оно есть. Я знаю, что поступаю правильно, когда прихожу на помощь лучшему другу, и не потому, что он делает это в ответ, а потому что я могу и хочу помочь. Это не взаимовыгода, ведь в настоящей дружбе не может быть и речи о выгоде, в ней должна быть только искренность и чистота мотивов. И мои мотивы абсолютно чисты. Будь всё просто, я бы всё рано пошла на тот шаг, где должна быть фиктивной девушкой. Дело лишь в том, поймёт ли это кто-то другой или нет. Но это уже не моя забота. Я не отвечаю за мнение всех.

Я не сомневалась, что Вики выберет Йоркдейл. Это её любимый. Там расположено огромное количество магазинов, которые мы вряд ли способны обойти за день или два, скорей, с нашей неторопливостью, это можно растянуть на неделю или месяц. И это вовсе не из-за того, что мы делаем тщательный выбор, а скорей из-за того, что набираем кучу, которую едва можем унести сами. Одной примеркой не заканчивается. Мы делаем вариации и примеряем по новой. Самый настоящий ад для парней. Один раз они по глупости согласились пойти с нами, итого, отсидели задницы на диване и даже успели вздремнуть по очереди, оставляя одного на караул. С того дня, когда речь заходит о магазинах, они категорически отказываются выходить куда-либо, у них появля-

ются срочные дела. И мы не пытаемся их затащить с собой. Лучше вдвоём, чем слушать их бесконечный гундёж.

Первый попавшийся магазин, в который она затягивает меня, по удачному стечению обстоятельств устроил распродажу, что для нас подобно Рождеству.

На руки быстро набирается стопка, и это, не говоря о той, что покоится на перекладине вешалки, где осталось остальное. Когда Вики выглядывает из-за соседней, где целое месиво из ярких цветов, она озорно улыбается и качает головой. Её белокурые локоны подпрыгивают в такт ядовито зелёным очкам с немереным количеством блёсток, которые она надевает. На душках расположились небольшие гитары, и благодаря пружинкам, они готовы избить её макушку или лоб.

– Беру, – хихикает она.

Смеюсь, закатив глаза.

– Ты даже не будешь их надевать.

– Они могу пригодиться, – настаивает Вики. – Тем более я нашла для них футболку.

Она тут же вытягивает руку и показывает выбор. На такой же цветом футболке, огромными буквами надпись: «Мы любим рок-н-ролл».

– Не хватает барабанных палочек, – замечаю я. – Тебя будет видно из космоса, как северное сияние.

– Это я и планирую.

Она вновь скрывается с горизонта, продолжая весить на плечи груз, благодаря которому с трудом дойдёт до приме-

рочных, разве что докатится кубарем. Тем же занимаюсь я. Самое смешное, что из всего того, что мы выбрали, до кассы дойдёт даже не половина или треть, а две или три вещицы.

Примерка, как и ожидалось, длится бесконечно. Наши дурачества скрашивает музыка на заднем плане, и я легко распознаю в мотиве Katy Perry – Last Friday night. Когда моя стопка одежды заканчивается, я занимаю диванчик напротив примерочных и жду Вики, у которой ещё осталось несколько образов.

Девушка появляется перед глазами в платье морского цвета, что подчеркивает глубину её ясных небесных глаз. Она скользит ладонями по плотно прилегающей к телу ткани и крутится вокруг собственной оси. Оно держится лишь на груди и делает её ноги ещё длинней, открывая колени. Это до ужаса неприлично, но бесполезно спорить, что оно невероятно и сшито только для неё.

– Как? – спрашивает она.

Путаюсь в собственных мыслях, что-то булькая в ответ.

– Это одобрение?

– Боже, конечно, да! – нахожу слова и энергично киваю.

Вики скрывается за дверью и тут же появляется вновь с другим платьем в руках нежно персикового цвета. В отличие от того, что на Вики, оно будет держаться на бретельках и не такое приталенное, как у неё. Оно абсолютно свободное. Она тут же поворачивает его спиной и показывает отсутствие ткани примерно до поясницы, либо чуть выше, вместо этого,

несколько линий от бретелек крест на крест.

– Мерь, – сразу говорю я, улыбаясь следующему выбору.

– Оно не для меня, Эм, оно для тебя.

– Мне?

– Да, сегодня же вечеринка, оно идеально подойдёт тебе.

Несмотря на открытые участки, не могу скрыть того, что оно действительно бросается в глаза и нравится. Почему я не увидела его?

Как можно скорей скидываю одежду и натягиваю выбор Вики. И как бы ни хотелось, приходится снять лифчик, ведь он не предусмотрен к платью, если только тот, что не имеет лямок и пояса. Смотрю на собственное отражение и смущаюсь, потому что нравлюсь самой себе в нём. Вряд ли мне было бы так комфортно, если бы оно было ещё и приталенным, но то, что оно свободное, только плюс к открытой спине.

– Ну? – подталкивает Вики, чтобы я выползла из своего кокона.

Открываю дверь и делаю шаг из примерочной. Улыбка вмиг озаряет её лицо.

– Идеально.

– Спасибо, – соглашаюсь я.

Она тянется за стенку и вытаскивает парочку бежевых туфель.

– С ними, – добавляет Вики.

Киваю, принимая обувь и быстро меняю свои балетки на них. Новый круг у зеркала и блестящие глаза, которые смот-

рят на меня через отражение.

Нам больше не хочется бродить по магазинам, потому что выбор уже сделан. Вместе этого, мы идём к выходу и покидаем торговый центр.

– Ал сойдёт с ума, – улыбается она.

Да, он определённо сойдёт с ума, будучи геем.

Ничего не говорю, просто пожимаю плечами и улыбаюсь в ответ. Забавно, ведь я желаю, чтобы с ума сошёл кто-нибудь другой. У меня даже есть определённый претендент на данную роль. Но, скорей, из-за него сойду с ума я.

Вики вскоре прощается со мной до вечера, сворачивая на повороте, и я остаюсь в одиночестве, которое соткано из мыслей. Я легко погружаюсь и путаюсь в их круговороте. У меня даже получается ненавидеть себя за это, потому что последнее время я слишком много думаю. Без остановки думаю. Это порядком надоело и начинает раздражать. С грустью понимаю, что от этого не отделаться, хотя очень хочется.

Алестера нет в квартире, это предоставляет мне возможность наслаждаться душем любое количество времени, чтобы совершить все женские ритуалы. Напеваю ту самую песню, которую слышала в магазине, уже сотый раз, не меньше. И каждый раз, мой голос становится громче. В конечном счете, включаю её на телефоне и продолжаю подпевать, обернув вокруг тела полотенце и убрав волосы с помощью мягкого ободка в виде бантика. На лицо ложится тканевая

маска и появляется улыбка. Зеркало запотело, а вокруг пар, который появился из-за горячего душа.

Продолжаю подпевать и пританцовывать, когда выползаю из ванной комнаты, а за мной пар. Телефон – мой микрофон. Мой концерт завершается. Слишком быстро прекращается. Абсолютно быстро.

Две пары глаз обращаются ко мне. И среди этой пары те, что слишком непредсказуемы.

– Довольно эффектно, – улыбается Алестер.

Пытаюсь проморгаться, чтобы исключить галлюцинации, но как бы ни старалась, Алестер и Эйден остаются на своих местах: на стульях за обеденным столом. В руках второго застыла кружка, в то время как первый старается держаться, чтобы не рассмеяться.

– Скажите, что это шутка, – прошу я, отключая музыку.

– Вряд ли, – выдавливает Алестер.

Его лицо красное, вот-вот готовое взорваться. И секунду спустя, так происходит. Он начинает смеяться, и с каждой последующей громче и громче. Он буквально сгибается пополам. Эйден тоже едва держится.

– Присоединяйся, – говорю я, махнув рукой.

Он начинает тихо смеяться, я же закатываю глаза.

– Я хочу, чтобы вы оба исчезли из моей жизни.

– Кто именно? – смеётся Алестер. – Твой парень или пришедший к тебе парень?

– Если быть точной, у меня нет парня. Ты будешь моим

парнем только в другой жизни, а он...

Смотрю на Эйдена, который перестаёт смеяться и выгибает бровь.

– Я не знаю, как это назвать. В любом случае, вы оба мне не парни.

– Он пришёл к тебе, а не ко мне, это уже что-то значит.

– Может, ему тоже нужна помощь в химии, – предполагаю я.

– У меня нет этого курса, я учусь на связях с общественностью, – сообщает Эйден.

– Значит, ты пришёл просить за Картера.

– У него тоже нет. У нас один курс.

Открываю рот, потому что моментально понимаю, как легко была обведена вокруг пальца. Картеру не нужна помощь в химии, он позвал меня для чего-то другого. Лишний раз прошу себя не доверять всем, и Эйдену в том числе.

– Тогда я не знаю, для чего ты тут.

Повисает минутная тишина, и Алестер вскидывает руки. Атмосфера меняется на напряжённую.

– Ладно, сваливаю.

Морщусь его бегству. Он – мой лучший друг, который должен быть рядом и помочь не совершать глупости, тем более сегодня он в буквальном смысле послал Эйдена нахрен, говоря, что я достойна большего. И сейчас он обуваётся. Просто отлично.

Алестер уже открывает дверь, но вновь поворачивается к

нам.

– Не трогайте мою кровать.

Если у меня не отвалилась челюсть, то я скорее всего заряджу себе отбойным молотком прямо в височную зону для скорейшей смерти. Спасибо маске, которая скрывает под собой красное от смущения и ярости лицо.

Алестер подмигивает и закрывает дверь, оставляя нас в тишине.

– Это сон, – шепчу я. – Это просто дурной сон.

Вздохнув, перевожу взгляд с закрытой двери на Эйдена, который вскинул брови, на его лице отражается полное недоумение. Вероятно, на моём то же самое.

– Ты выбрал не лучшее время.

– Почему?

– Потому что я больше не хочу это продолжать.

– Продолжать что?

– Непонятно что.

Эйден поднимается со стула и делает шаг в мою сторону. Он проводит пальцами по волосам и выдыхает.

– Эмма...

– Не надо, – отрицательно кручу головой. – Я не буду той, с кем ты можешь провести время и потом не появляться несколько дней. Ты говорил о временной игрушке и предмете для утех, но этим предметом стал не ты, а я. Ты больше не можешь приходить, когда захочешь и предлагать дружбу, вновь не появляться, а после чего приходить снова и обни-

мать, дав недвусмысленные намёки.

Он вновь делает шаг, но я тут же вытягиваю руку, не позволяя ему подойти ближе.

– Я не шучу. Этого больше не будет.

– Я пришёл сюда не для этого.

– Для чего ты тут?

– Хотел написать тебе, но не стал.

Эйден обводит гостиную взглядом и вновь останавливается на мне.

– Хотел пригласить тебя куда-нибудь. Потом встретил Алестера, он сказал, что ты где-то с Вики, лучше дождаться дома.

– Ты мог написать.

– Ты бы не ответила, Алестер сказал, что ты не отвечаешь на незнакомые номера.

Спасибо, что мой друг ограничился только этим. Эйдену не обязательно знать, по какой причине.

– Выбор был только один: прийти сюда.

– Я иду на вечеринку с Вики.

– К Эдду?

– Да.

– Мы можем увидеться там.

– Можем, – согласно киваю, но ловлю себя на мысли, что радуюсь и расстраиваюсь одновременно. Теперь Эйден есть везде.

– Мне лучше уйти? – спрашивает он.

– Не знаю.

– Попроси меня уйти.

– Почему?

– Потому что я не могу сам.

Ужасно смешно и страшно, ведь я тоже не могу это сделать. Как бы не пыталась перестроить себя, я желаю его присутствие рядом.

Вздыхнув, качаю головой и отклоняюсь к своей спальне. Эйден не спешит идти за мной.

Занимаю место на мягком пуфе у туалетного столика, и включаю лампочки, которые обернула вокруг зеркала в дополнение к тем, что уже были встроены. Успеваю выставить на поверхность косметичку, когда за спиной слышу тихий стук.

– Можно? – спрашивает Эйден, приоткрыв дверь.

Проглатываю ком в горле и киваю. Но он не торопится войти. Парень останавливается в дверях, подпирая бедром проём. Он также кладёт на него голову и наблюдает за мной, скрестив руки под грудью. Плохо, что он в хорошей физической форме, ведь я думаю о нём далеко не в дружеском контексте.

– Ты можешь не стоять в дверях.

– Знаю.

Задержав на нём взгляд, берусь за косметичку, хотя это достаточно тяжело, учитывая присутствие в комнате Эйдена. Руки трясутся, и вряд ли я смогу подвести глаза ровно. Лёг-

кие волны – сегодня идеальный вариант для всего и во всём.

Эйден занимает край кровати, который рядом с туалетным столиком. Я ощущаю исходящее от него тепло и аромат, который вовсе не на руку в данное время. Приходится изо всех сил держаться морально, и мысленно просить держаться полотенце. Благо, что я вообще о нём вспомнила, потому что моя голова словно в тумане, и я блуждаю по нему, в поисках чего-то, что расслабит. К счастью, у меня есть вариант.

Беру первый тюбик с кремом и обращаю взгляд к Эйдену.

– Тебе придётся это слушать.

– Что? – интересуется он, с замешательством смотря на меня.

С трудом держу улыбку, когда включаю ту же песню с самого начала. Эйден тяжело выдыхает, но к его несчастью, я ловлю ритм и продолжаю подпевать, покачивая головой или стуча ногой по полу.

– Самая отстойная песня, которую я слышал, – с улыбкой говорит он.

Выгнув бровь, беру телефон и вновь включаю её с самого начала, не прекращая смотреть на Эйдена.

– Серьёзно? – морщится парень.

– Ага, – качая головой, улыбаюсь я.

– Ты дочь Сатаны или у тебя просто отсутствует музыкальный вкус?

– Она просто мне понравилась.

– Да, я почти в этом уверен. Именно поэтому она даже не

начала петь, а ты уже включила её снова.

Игнорирую его нападки, сосредотачиваясь на сборах. Так или иначе, чувствую, что становится легче и напряжение сходит на минимум. Мне не надоедает крутить её по кругу и видеть, как с каждым последующим разом, кривится лицо Эйдена. Забавно, что мне нравится испытывать его терпение и мучать. Когда песня начинает свой сотый круг, краем глаза замечаю, как в ритм отбивает пятка Эйдена. Едва держусь, чтобы не рассмеяться.

Перевожу взгляд на парня, который уставился в экран телефона и не замечает, что делает. Слышу щелчок входной двери и поджимаю губы, когда через отражение зеркала, вижу голову Алестера, который просунул её в дверной проём.

– Какой раз она уже играет? – интересуется он.

Улыбаюсь, отложив косметику в сторону.

– Эйден настаивал на повторе. Я уже выучила её, как мантру.

– У тебя дерьмовый вкус, чувак, – фыркает Алестер, открывая дверь шире.

– Я бы не стал ей доверять, – говорит Эйден.

Алестер пожимает плечами.

– Прости, но её я знаю больше, чем тебя.

– Пожалуйста, выключи её, это какой-то бесконечный круг пыток, – просит Эйден.

Прибавляю громкость на всю и собственному голосу даю несколько тонов выше. Эйден вновь выдыхает, а Алестер по-

смеивается.

– Я хочу одеться, – сообщаю я. – Оба закройте дверь с той стороны.

– Я могу остаться, – улыбается мой друг, переводя взгляд озорных глаз на Эйдена. – Предпочту, если разденется он.

– За порогом моей комнаты, вы можете делать всё, что хотите.

– Например?

– Ни в чём себе не отказывайте, – махнув рукой, говорю я.

– Да ладно, Эм, я же гей, почему я не могу остаться? – гундит Алестер.

Бровь Эйдена дёргается, а челюсть плотно сжимается.

– Потому что когда-то ты не был геем.

– Да я больше гей, чем вы натуралы. Я мог бы помочь.

– Из тебя ужасный помощник в выборе одежды и покупок.

Так себе гей-друг.

– Ладно, – принимая поражение, тянет он. – Но я буду судить твой выбор по всей строгости мужского мнения. Если это будет хрень, то ты пойдёшь переодеваться.

– Вряд ли я буду слушать кого-то из вас.

– Мы оставим тебя дома и пойдём вдвоём.

– Отлично, потому что я иду не с вами, а с Вики... – по двери начинают стучать, и я радуюсь этому звуку, который выгонит их из моей комнаты. – Она, кстати, уже пришла. Будь гостеприимен, Ал.

Алестер морщится.

– Твой парень открывает дверь парню, который пришёл к тебе. Я даже не ударил его и любезно налил чай, а потом оставил вас наедине, куда более гостеприимнее?

Хихикаю, когда он закатывает глаза и покидает мою комнату. Эйден следует его примеру. Дверь за ним закрывается, и я падаю лбом на поверхность столика. Моя жизнь ужасна. Подобных ситуаций, где я между кем-то или кто-то между мной – полным-полно. Не знаю, прекратится ли когда-нибудь этот кошмар.

Проворачиваю замочек, чтобы в любой момент Вики и её нетерпеливость не ввалились на порог и не показали меня двум другим присутствующим в том виде, в котором родилась. Возможно, я бы не стала стесняться Алестера, хотя это тоже спорно, но, когда речь заходит об Эйдене, мой глаз начинает нервно дёргаться. Одна неловкая ситуация ладно, но, когда это будет вторая за час, я сойду с ума и уеду в новом платье напрямую на бал в психлечебницу.

Волосы почти высохли, поэтому ничего с ними не делаю, оставляя лёгкие завитки на кончиках, которые они приобрели за то время, пока тут был Эйден. Если мой желудок не свернётся, когда выйду из комнаты без лифчика, то это можно будет назвать успехом.

Я несколько раз снимаю тот, что не имеет полос и бретелек кроме чашечек и сравниваю, что лучше. Как бы ни хотелось принимать и понимать, видно различие, и то, где есть лифчик – не лучший выбор. С горем пополам, возвращаю

его в ящик и натягиваю платье без. Если это не сделаю я, Вики снимет его с меня насильно при всех, а это ещё хуже, чем не надеть сейчас. Следом туфли, и пальцы проходятся по локонам. Несколько поворотов и пристальный осмотр, после которые наконец-то подхожу к двери и открываю её, сделав шаг вперёд.

К тем трём парам глаз присоединились ещё две пары, обладателями которых являются Шон и Фил. Последний присвистывает и смотрит на меня поверх оправы солнцезащитных очков.

– Нихрена себе.

Он тут же получает подзатыльник от Алестера.

– Что? – недовольно бурчит Фил. – Тебя не устраивает, что на твою девочку смотрят другие?

Вздохнув, закатываю глаза, ведь давно привыкла к несдержанности и поверхности Фила. Среди всех взглядов, мурашки поднимает только один.

Эйден скользит по мне взглядом, и я не могу стоять на месте, как забившаяся девочка, которая первый раз надела платье. Закрываю дверь комнаты и уверенной походкой направляюсь вперёд. Хотя, внутри уверенности совсем нет. Тяжело находиться под пристальным вниманием Эйдена, взгляд которого бегаёт от меня к Алестеру и обратно. Он до сих пор не верит, что мой парень гей, и лучше бы он не стал спрашивать об этом при всех. Это наша тайна, которую он, желая того или нет, разделил.

Вики шлепает меня по попе и подмигивает. Она обнимает за талию Шона и Фила, прокладывая тропинку на выход. Я остаюсь между Алестером и Эйденом. Первый протягивает руку по моим плечам и целует макушку.

– Ты отлично выглядишь, – улыбается он. – Но я сломаю руки тому, кто сунет их под твоё платье.

Алестер переводит взгляд на Эйдена и окидывает его предупреждающим взглядом.

– Тебя это тоже касается. Даже не думай об этом.

– А как же чай и оставить нас наедине? – парирует Эйден.

– Всего лишь формальность в виде вежливости. Не думай, что трахнешь её и бросишь, как тряпку.

– Это зашло слишком далеко, – краснея, бурчу я.

Алестер смотрит на меня.

– Не далеко.

– Я должна развлекаться или готовиться к монастырю?

– Ты можешь развлекаться, но не с каждым свободным членом.

– Двойные стандарты.

– Мне плевать, если я могу оградить тебя от репутации шлюхи.

Хмурюсь, не теряя зрительную связь с Алестером, который, кажется, забыл про шутки.

– Я серьёзно, Эм.

– А если я этого хочу?

– Ты этого не хочешь.

– Смотри, о чём ты.

– Если бы хотела, мы могли бы помериться списками, твой короче моего мизинца.

Закрываю лицо ладонями, потому что это совсем непривычно: обсуждать свою личную жизнь не с Алестером, а с присутствием третьего лица. Почему это всегда происходит, когда поблизости Эйден?

– Я могу оставить вас, потому что знаю, что ничего не будет.

Алестер несколько секунд бегаёт глазами между мной и Эйденом.

– По крайней мере, сейчас, – добавляет он. Друг заостряет внимание на Эйдене: – Я сломаю тебе руки, если увижу, что ты зашёл далеко. Я не шучу, парень. Она не будет крутиться вокруг вас, и ты не будешь пользоваться ей.

– Я больше не хочу это продолжать, – сообщаю я, направляясь за остальными.

За спиной слышу, как Алестер втягивает воздух и секунду спустя, он нагоняет меня.

– Охренительное платье, – фыркает друг, дёрнув за бретельку на спине. – Так и просится, чтобы какой-то идиот завёлся из-за недержания.

Хихикаю, моментально меняясь в настроении.

– Это выбор Вики.

– Было дерьмовой идеей отпускать вас двоих. Я сожгу его, молись, чтобы не на тебе.

Вижу тень улыбки на губах Эйдена, который присоединяется к нам.

– Когда ты стал ханжой?

– Когда кое-кто начал появляться на нашем пороге чуть ли не ежедневно.

– Ты передумал на счёт полной беспечности жизни?

Алестер обращает внимание к Эйдену.

– Извини, чувак, но, когда речь заходит о хоккеистах, каждый знает, что ничего серьёзного там нет.

– Решил, что за меня решать – это разумно и правильно? – интересуется Эйден.

– Возможно, – кивает Ал. – Она важнее тебя.

– Ты не можешь решать за неё.

– Могу, если речь об ошибках, о которых она пожалеет в будущем.

– Вы оба решили говорить за меня? – спрашиваю я.

– Ты уже... – продолжает Алестер, и я тут же сверкаю глазами в его сторону.

Господи, пожалуйста, пусть они оба замолчат.

– Ладно, закрыли тему, – кивает он, понимая мой немой намёк замолчать и не продолжать. – Думаю, мы услышали друг друга.

Глава 9

Эйден

Ты уже...

Я не перестаю крутить этот обрывок в голове миллионный раз на протяжении нескольких последующих часов. *Я уже, что?*

Окружающая толпа, где компания Эммы смешалась с той, где обычно нахожусь я, настолько громкая, что едва получается услышать что-то другое, даже собственные мысли. Они перекрикивают музыку и тех, кто вокруг. А те, кто вокруг, стараются перекричать их. Это месиво чего-то непонятного и неудержимого. К счастью, волнует меня уже совсем не то, что говорил Алестер, а Картер, который среди кучки других воздыхательниц, скользит взглядом по Эмме. Когда я замечаю внимание на ней, непроизвольно хочу двинуть ему так, чтобы глаза закатились в обратную сторону: к мозгу. Я отвлекаюсь на болтовню, в которую меня вовлекают и даже где-то с заинтересованностью поддерживаю тему, но глазами следую по пятам за Эммой. Краем ловлю и то, что вместе со мной, подобным мероприятием занимается Алестер и Картер. Сложно понимать, что у неё есть *парень*, и ещё хуже то, что он не её парень. Это одновременно и связывает, и развязывает руки. Я могу и не могу. Ненавижу собствен-

ную совесть, хоть раз в жизни хочется отделаться от неё на какое-то время.

Если Алестер сожжёт это платье, то я готов притащить бензин и спички, чтобы помочь. Оно заставляет мозг отключаться, тем самым дав зелёный свет инстинкту. Вряд ли я хотел что-то так сильно, как снять его. Даже желание попасть в команду и остаться в ней, отступает на задний план. Едва удаётся держать себя в руках, и особенно держать руки при себе, чтобы не ходить и не бить головы о стену тех, кто пялится на неё. Я бы и сам ударился, если бы человек мог причинить себе боль подобным способом. Непонятно, на джинсах моя слюна или пролитый кем-то алкоголь, впрочем, это мало важно.

Эмма продолжает танцевать, вырисовывая бёдрами восьмерку, а я продолжаю терять здравый рассудок, чтобы уйти и не мучиться, или уйти с ней, утащив за собой. Понятно только то, что я вскоре сойду с ума. Рядом с ней появляется какой-то парень, и я уже дёргаюсь, чтобы двинуть ему, но ловлю взгляд Алестера, который смотрит на меня и крутит головой. Возвращаю взгляд к Эмме, которая снова в компании Вики, а тот незнакомец скрылся с горизонта.

– Ты вообще расслабишься или нет? – спрашивает Рэн, отвлекая от Эммы.

– Я расслаблен.

– Заметно. Чем дальше, тем хуже.

Знал бы он, как часто я кручу эту фразу в голове.

– Ты о чём? – хмуро интересуюсь я, поймав взгляд его чёрных глаз.

– Хватит пялиться на неё, иначе тебя заметут за изнасилование глазами.

– Очень смешно.

– Я серьёзно, ты должен хотя бы иногда смотреть куда-то в другую сторону.

Фыркнув, тянусь за стаканчиком, и одним махом осушаю его.

– Доволен?

– Чтобы расслабиться, не нужно напиваться.

– Вряд ли я могу сейчас расслабиться сам.

– Ты в дерьме, – выдыхает Рэн.

Чья-то ладонь привлекает внимание, когда хлопает меня по плечу.

Удивляюсь, когда вижу Алестера. Парень склоняется к моему уху и, перекрикивая музыку, но и одновременно так, чтобы нас никто не слышал, говорит:

– Присмотри за ней и отвези домой, я должен ухать.

– Что? – ошарашено ахаю я.

– Я должен уехать. Её могу доверить только тебе.

– Смешно, что ты говоришь это, хотя несколько часов назад придерживался другого мнения.

– Я не прошу тебя достать член, а прошу не позволить кому-то сделать с ней что-то.

Он задерживает на мне взгляд.

– Не заходи дальше положенного, ты уже сделал ей больно.

Алестер ещё раз хлопает меня по плечу и спустя несколько секунд, теряется в толпе. В это время лицо Рэна вытягивается. Товарищ ошарашено смотрит на меня.

– Когда ты успел подружиться с парнем девушки, на которую имеешь виды?

– Мы буквально лучшие друзья, – фыркаю я. Хотя, не могу сказать, что нахожусь в плохих или хороших отношениях с Алестером. Мы не друзья и не враги.

Я погряз в чужих тайнах меньше, чем через месяц переезда. Больше всего на свете, я ненавижу секреты, и особенно чужие. Но ещё отвратительней то, что он всё же договорил сказанное в коридоре:

– Ты уже сделал ей больно.

Рэн прав: я в дерьме. Но он не представляет, в каком дерьме. Я не знаю, как держаться от неё подальше, и не знаю, как быть близко. Я должен хранить чужие тайны, но это намного проще, чем хранить в тайне девушку, которую желаю видеть рядом открыто.

За стаканом следует второй. Он обжигает горло так же, как и первый. Я не любитель напиваться и тем более не сейчас, когда на плечах повисла ответственность за другого. Это не Картер, которому необходимо подтирать задницу, но и не посторонний человек, про которого можно забыть. Ещё лучше то, что время начало первого, и меньше, чем через четы-

ре часа, я должен встать на тренировку.

Обращаю взгляд к Эмме, которая уже в компании Шона и Фила. Она остаётся по прежнему весёлой, и я не понимаю, благодаря алкоголю или же нет, потому что за весь период мне не удалось застать в её руках стаканчик с выпивкой. Четвёрка из двух парней и девушек присоединяется к нам, и блестящее тело Эммы ещё больше дурманит разум. Спасибо капле алкоголя. Я расслабился, а сейчас напрягаюсь в два раза сильнее.

Девушка бегаёт глазами по окружающим и немного хмурится. Приходится склониться к ней.

– Хочешь уехать?

Эмма растерянно смотрит на меня, тут же понимаю оплошность.

– Не в том смысле. Алестер уехал, я довезу тебя домой.

Она приоткрывает губы, опалая горячим дыханием и кивает.

– Я закажу такси, – быстро говорю я.

Протискиваюсь между толпой, которая давно потеряла счёт времени и количеству алкоголя. Я даже не знаю адрес, приходится выйти и узнать его с помощью геолокации, а следом заказать такси, потому что адрес Эммы мне уже известен.

Когда возвращаюсь назад, нахожу её на прежнем месте, и к моему полному ужасу, в компании Картера. Он сладко улыбается ей и рассказывает свои байки, на которые Эмма

лишь вежливо кивает и немного улыбается. Замечаю и то, что его рука протянулась по спинке дивана за ней, а палец касается обнаженной спины. Меня передёргивает, но я стойко держусь, ведь сам не имею права распускать руки.

Склоняюсь к Рэну и сообщаю:

– Я должен отвезти Эмму домой. Встретимся у нас.

– К нам домой? – ошарашено горланит он, чем привлекает внимание.

– Нет.

Медленно, но он всё же кивает, а я обращаю взгляд к Эмме, головой махнув в сторону выхода, чтобы вытянуть её из этого пекла. Она прощается со всеми, в это время Картер щурится, наблюдая за мной. Он напрягается, когда пропускаю Эмму вперёд и следую за ней.

Уже на крыльце ощущаю ладонь на плече. Серьёзно, начинают раздражать чьи-то вечные руки на мне. Не скрываю отсутствие удивления, когда через плечо вижу Картера. Конечно, он не успокоится, пока не доведёт меня до крайней точки.

– Что? – спокойно спрашиваю я. Уже не приходится перекрикивать музыку, потому что мы покинули дом.

– Ты куда собрался?

– С каких пор я должен делиться с тобой своими направлениями?

– Куда ты повёл её?

– Домой. Я должен дать тебе свой распорядок дня?

Взгляд Картера находит Эмму, которая смотрит на нас теми же напуганными глазами, что когда-то в квартире. Не жду последующих вопросов, разворачиваюсь, чтобы продолжить путь. Но это явно не в интересах и планах Картера. Хватая меня за плечо, он вновь разворачивает к себе и награждает блестящими яростью глазами.

– Ты не поедешь с ней, – цедит он.

– И ты тот, кто решил быть моей мамочкой?

– Перестаньте, – тихо просит Эмма.

– Ты не трахнешь её, – продолжает Картер.

– Не у всех такое плоское мышление, как у тебя.

Он снова щурится, метая взглядом между мной и Эммой.

– Бред, – фыркаю я.

Разворачиваюсь, чтобы идти дальше, но он снова хватается за меня. И это была последняя капля в чашу моего терпения. Рыкнув, отталкиваю его и смотрю из-под лба.

– Ты меня достал, – рычу я.

Картер испепеляет меня в ответ. Никто из нас не готов отступить. Он добился своего, а я на грани, чтобы не убить его и положить конец всему, что он начинает.

– Ты больше не пай-мальчик, – скалится Картер. – Показываешь себя настоящего.

– Терпение есть для всего. Я легко сверну тебе шею, дай повод.

– Попробуй.

Он ухмыляется, обращаясь к Эмме.

– Ну, как? Он всё ещё идеальный?

– Хватит, – тихо просит она. – Зачем вы это делаете...

– Иди в машину, – говорю я, не спуская глаз с Картера.

– Эйден...

– Иди в машину, Эмма, – настойчиво требую я.

Она наконец-то слушает меня и делает несколько шагов к дороге, вслед чему свои делает Картер. Но я легко ловлю его и вновь отталкиваю так, что парень отлетает на несколько футов в сторону. Вспышка в глазах, и он уже летит на меня, но я очередной раз ловко отталкиваю его назад.

– Какого хрена?! – рявкает Рэн, внезапно возникая между нами.

Небольшая толпа собирается в дверях, и я моментально распознаю любопытный огонёк в глазах каждого.

– Уезжайте, – говорит Рэн, обращаясь ко мне.

Вздыхнув, разжимаю кулаки и направляюсь к машине. Я не хочу драки, тем более на глазах у Эммы. Но первое не исключает второго: если бы Рэн снова не вмешался, я бы потерял контроль. Моё терпение окончательно дало треск. Я больше не могу держаться.

Всю поездку молчу, пока Эмма смотрит на меня со слезами в глазах. Я не знаю, страшно ли ей или же это из-за чего-то другого, но факт остаётся фактом: она главная причина, по которой я больше не могу быть собой. В машине гробовая тишина. На этот раз, между нами расстояние, его свободно может занять кто-то третий. И признаться честно,

сейчас это было бы очень кстати.

Но к моему сожалению, Эмма двигается ближе, сокращая расстояние. Машина как раз паркуется, и я облегчённо выдыхаю. Когда она уйдёт, станет легче. Возможно, я ошибаюсь, но именно так хочется думать.

Девушка открывает дверцу и покидает салон. Уже хочу назвать следующий адрес, но дверца с моей стороны тоже открывается.

– Я не пойду с тобой, – отрезаю я.

– Эйден...

– Я не пойду с тобой, Эмма, ты слышишь?

– Пожалуйста...

– Нет.

– Ты должен довести меня до дома.

– И я выполнил просьбу.

– Нет, ты должен проводить меня до квартиры.

– Таких условий не было.

– Просто проводи меня, – просит она.

Вздыхнув, прошу водителя дождаться меня и покидаю салон.

Стараюсь не смотреть в её сторону. Алкоголь даёт по вискам. И я жалею, что в стаканчике было не пиво, а чистый виски. Опьянение легко даёт о себе знать. Я уже не в трезвом уме, чтобы рассуждать разумно, а платье Эммы способствует разрушению всех принципов, которых я придерживался и стараюсь вспомнить сейчас. Масло в огонь добавляет её об-

наженная спина и отсутствие белья под тканью. По крайней мере, верхней части.

Девушка открывает дверь и ступаете порог, чего не тороплюсь сделать я.

– Ну же, – просит она, держа дверь открытой и смотря на меня.

Отрицательно кручу головой.

– Нет.

– Пожалуйста. Тебя никто не ждёт, Эйден, я отдала ему деньги, когда ты отворачивался.

Я точно идиот.

Захожу в квартиру и останавливаюсь в пороге, дверь за спиной закрывается. Я остаюсь наедине с совестью и желанием.

Эмма ничего не делает. Она смотрит на меня из-под густых ресниц и подавленно шепчет:

– Мне жаль...

– Жаль?

– Что я стала причиной ссор между вами.

Это дарит отрезвляющую пощечину.

– Подожди, – говорю я. – Ты думаешь, что я и Картер типа лучшие друзья?

– Ну... думаю, что вы хотя бы друзья.

– Эмма, мы никогда не были друзьями. Скорей, Алестер является мне лучшим другом, а не Картер. Мы вынуждены общаться и контактировать. Мы – товарищи по команде, это

не обязывает нас быть лучшими друзьями или просто друзьями. Ты одна из причин наших разногласий. Я больше не уверен, что он хочет вставить мне палки в колёса, и ты хороший способ. Ты нравишься ему. Он просто не знает, что с этим делать.

– А...

– Что?

Эмма кусает губу и смотрит в сторону.

– Я должна сделать выбор?

– Нет. Никто не обязывает тебя выбирать, тем более не в нашей ситуации. Нас не трое. Я даже не уверен, что нас двое.

– Потому что... – тихо говорит она, встречаясь со мной глазами. – Потому что у тебя ничего нет?

– Нет.

Эмма вздрагивает, как от пощёчины, после чего делает несколько шагов назад и быстро уходит в свою комнату, а до меня доходит смысл сказанного или лучше сказать – смысл моего ответа. Сбрасываю обувь и спешу за ней.

Обводя пальцем шкатулку, поверх которой возвышается балерина в пачке и пуантах, Эмма смотрит куда-то сквозь неё. Балерина грациозно тянет пальцы вверх и, склонив голову на бок, кажется задумчивой. Между ними есть сходство. Наверно, потому что, думая о балете, в голову сразу приходит образ нежности и лёгкости. Такой мне представляется Эмма. Казалось, что в первый день, когда я увидел её, она пахла цветами. На самом деле, всё иначе. Эмма не пах-

нет цветами или фруктами. Она пахнет нежностью. Особой нежностью.

– Я неправильно выразился.

Она ничего не говорит в ответ, но её палец застывает на пачке балерины.

– Есть, – исправляюсь я.

Подхожу к ней и убираю карамельные волосы за ухо, чтобы видеть лицо.

– Ты сама её купила?

– Что?

– Шкатулку.

– Алестер подарил.

– Она напоминает тебя.

– Почему?

– Не знаю, наверно, потому что ты такая же мягкая.

– Ты предпочитаешь другое?

– Я не знаю, что предпочитаю. Я не был в отношениях, но не был бы тут, если бы предпочитал грубость.

Эмма поворачивает голову и смотрит в мои глаза.

– Не был в отношениях?

– Я предпочитал работать над собой.

Она выгибает бровь, и я поднимаю уголки губ.

– Не в том смысле. Просто не хотел отношений. Если бы я валял дурака, не был бы тут.

Коротко улыбнувшись, Эмма кивает и убирает руку со шкатулки.

– Я дал слово Алестеру.

– О чём?

– Что не зайду дальше положенного.

– И что это должно значить?

Пожимаю плечами. Я и сам слабо понимаю, что значит *зайти дальше положенного*. Касание или поцелуй – уже дальше? Или секс – это ещё не дальше положенного? Я не понимаю, должен ли, но понимаю, что хочу. Смотря в её глаза, я уже не понимаю и не помню всего, что обещал.

Поглаживаю большим пальцем подбородок девушки и вздыхаю. Я зря пришёл вечером и зря это сделал сейчас.

– Я соврал.

– О чём?

– На счёт последнего.

Тянусь к ней и касаюсь губ. Эмма отвечает сразу. Её ладонь ложится на мою и скользит вдоль руки, поднимаясь к плечу, а следом к затылку. Она удерживает её на месте несколько секунд, после чего запускает пальцы в мои волосы. Больше не в силах держаться на расстоянии, притягиваю её ближе и веду по талии, с которой сползаю на открытый участок бархатной кожи. Вряд ли я способен совладать с желанием, прожигаящим кожу.

Перехожу к шее, и Эмма выпускает воздух из лёгких, склонив голову набок, чем только способствует продолжению. И как бы я не хотел этого продолжения, должен остановиться. К собственному ужасу, понимаю, что не могу. Пу-

таюсь в волосах девушки и оставляю поцелуи на её шее и плечах.

– Ты должна сказать нет, – хриплю я, всё ещё находясь в сознании.

Эмма издаёт непонятный хмык, который отзывается где-то в области паха, а когда прикусываю нежную кожу, она цепляется за плечи и издаёт стон. Он и приходит на помощь. Разрываю поцелуй и отступаю назад.

Её губы покрасневшие и опухшие, в глазах блеск, а на шее красные следы, в дополнение к которым лямка скатилась с плеча. Если у неё такой вид, то у меня он ещё хуже. Чувствую, как тарабанит пульс на шее и джинсы становятся слишком тесными.

– Тебе лучше уйти, – тихо шепчет она.

Киваю, пятаюсь назад, но не могу оторвать от неё глаза.

– Но я не хочу, чтобы ты уходил... – добавляет Эмма. – Пожалуйста, не уходи.

– Хотя бы переоденься, – говорю я, закрыв за собой дверь.

Тяжело выдыхаю и падаю лбом на деревяшку, разделившую нас.

Моё терпение вдруг собралось в воздушном шаре, который готов лопнуть. Ещё никогда я не был так близко к тому, чтобы потерять контроль. Теперь я понимаю Мэйсона, который ходит по тонкой грани того, чтобы не уволочь за собой Трикси в любую секунду и в любое место. Понимаю отца, который вертится вокруг мамы, где бы она ни была. Отдаю

отчёт тому, как часто Ди старается находиться рядом с Мэди. Я стал точно таким же зависимым от кого-то, и это страшно. Я больше не думаю на трезвую голову, я под покровом дурмана, которым является другой человек. Головой понимаю, что лучше держаться подальше, но тянусь душой. Уже какой раз, я осознаю, что нахожу дорогу к ней. Я вляпался, как говорит Мэйсон.

Не знаю, сколько стою за дверью, но явно не минуту и не две.

– Эмма? – спрашиваю я, не решаясь войти в комнату.

Дверь приоткрывается, показывая девушку. На ней больше не то платье. Она заменила его на пижамные штаны и майку тем же цветом, что платье.

– Я думала, ты ушёл...

– Так было бы правильно, но я идиот.

Она открывает дверь и впускает меня внутрь, возвращаясь в расстеленную постель. Я не решаюсь присоединиться к ней, оставаясь на месте. Наблюдаю за Эммой, которая залезла под одеяло и теперь смотрит на меня.

– Ты хочешь проверить меня на прочность?

– Могла бы, – соглашается она. – Чего ты хочешь?

– Хорошо, что ты не читаешь мои мысли.

Стягиваю футболку и слышу её усталый выдох, на который задаю немой вопрос.

– Ты можешь делать это менее... сексуально? – спрашивает она.

– Что?

– Снимать футболку.

– Я просто снял футболку, а не разорвал её.

– Это было слишком.

– Господи, серьёзно? – смеюсь я. – Я всегда так её снимаю, не через ноги же.

Эмма слабо улыбается, а я метаюсь снимать джинсы или нет. В конечном счёте, ложусь в них, чтобы оставить ещё одну преграду между нами. Соблазн слишком велик, а моё терпение вдруг стало размером с ушко иглы.

Убираю волосы с её лица и переворачиваюсь набок, находясь с ней на одном уровне.

– Ужасно тесная и неудобная кровать, – с улыбкой, говорю я.

– Потому что ты лёг на краю, – улыбается Эмма. – Ещё немного, и ты провалишься к соседям.

– Ещё немного и я...

– И ты?

– Сделаю то, о чём мы оба пожалеем.

Эмма переводит взгляд на мои губы, а после прогуливается ими по груди. Её взгляд останавливается, а палец касается моей кожи. Она обводит татуировку на левой стороне и вновь поднимает глаза.

– Что это значит?

– У треугольника много значений.

– Например?

– Прошлое, настоящее и будущее; разум тело и дух; мысли, чувства и эмоции.

– А для тебя?

– Теперь он ассоциируется с другим.

– С чем?

– Тебе лучше не знать.

Закусив губу, Эмма согласно кивает и закрывает глаза. Я же думаю, что теперь этот треугольник означает задницу, в которую я попал. Этой мой треугольник, где есть я, она и Картер. Возможно, есть кто-то ещё, но самый худший тот, где есть мы. Картер не даст мне спокойно жить. Особенно сейчас. Он взбешён и это вполне понятно. Я до последнего думал, что Эмма лишь причина зацепить меня. Я ошибся. Она нравится ему так же, как мне. Я не понимаю, как такое могло получиться; как нам может понравиться одна девушка, но ещё более ужасней то, что я не знаю, чего от него ожидать. Это явно не принятие и не спокойствие. Теперь он достанет меня везде.

Открыв глаза, я окидываю взглядом комнату и понимаю, что это было самой глупой идеей из всех тех, что посещали мою голову. Я не выпил столько, чтобы забыть, но прекрасно понимаю, где нахожусь и у кого. Эммы уже нет в кровати, а на экране телефона, который достаю из кармана светится пять утра. Будильник в мою задницу, вероятно, вшили с рождения. Я не залазил к ней под одеяло, но сейчас нахожусь именно под ним. Сомневаюсь, что притянул его само-

стоятельно, и из-за одной мысли, что о такой мелочи позаботилась Эмма лучше не становится.

Покидаю кровать и натягиваю футболку. Не в моём характере смываться вот так, тем более от неё, но я не вижу другого выхода. Я не могу ждать, потому что ещё необходимо добраться до арены с катком. День будет тяжёлым.

Ароматы кофейных зёрен бьют по лицу, когда открываю дверь и застываю в пороге. Кружка в руках Эммы тоже застывает у её рта. Она пробегает по мне взглядом, я делаю это в ответ. Ничего не поменялось, на ней та же пижама, разве что на лице отсутствует косметика, а волосы влажные.

– Я сварила кофе, – говорит она. – Не знаю, будешь ты или нет... я всё равно оставила.

– Спасибо, – вздыхаю я, пробегаясь пальцами по волосам.

Эмма смотрит на дверь, из которой вышла вчера в полотенце, после чего переводит взгляд на меня.

– Ванная там.

– Спасибо, – да, вероятно, лучшее подобранное слово для сегодняшнего утра.

Холодная вода бодрит, хотя, вряд ли я могу уснуть сейчас. По крайней мере, не в этой квартире и не в компании Эммы, как бы ни хотелось. Я удержался один, два, но третий может обернуться по масштабности с катастрофу. Я не могу ручаться за себя. Больше не могу. Рэн смотрел в воду, когда встречал меня фразой:

– *Возможно, тут ты встретишь свою любовь.*

Он даже не представляет, как был близок. Конечно, о любви говорить рано, но и об отсутствии чувств тоже.

Когда выхожу из ванной, кружка с кофе ждёт меня, а рядом с ней тарелка, на которой яичница. Как долго я отсутствовал? Почему она просто не выставит меня за дверь? Почему готовит для меня завтрак в пять проклятых утра? Почему подтягивает одеяло, когда уходит? Что я сделал так или не так?

– Я конфискую это, – раздаётся голос Алестера, как только открывается дверь соседней спальни.

Он проходит мимо меня и занимает стул, тут же набрасываясь на еду. Мне это кажется вполне заслуженным, чего не сказать по хмурому лицу Эммы. И видя её недовольство, Алестер делает заявление:

– Я попросил присмотреть и довести домой, а не ехать с ней домой и ложиться в кровать.

– Это уже не твоё дело, – ворчит Эмма, но её брови поднимаются, когда я следом за ней говорю:

– Ты прав.

– Что значит прав? – морщится она, смотря на меня.

– Я дал слово, что присмотрю и доставлю домой. Других просьб не было.

Поднявшись со стула, Эмма сначала смотрит на меня, после чего на Алестера, который перестал уминать завтрак и остановился. Она ничего больше не говорит, только небрежно бросает кружку в раковину и проходит мимо, захлопнув

дверью своей спальни.

– Мы вляпались из-за тебя, – выдыхает Алестер, положив вилку на стол. – Думаешь, стоит возвращаться к ней, если не готов дать больше?

– Это получается произвольно.

Алестер откидывается на спинку и скрещивает руки под грудью.

– Парень, если не можешь, не надо мучить. Либо исчезни, либо дай ей то, что она хочет. Серьёзно, это последний раз, когда ты рядом с ней. Ни ты, ни кто-то другой не будете морочить ей голову, дерьма достаточно без вас. Я её парень не потому, что это надо мне. В первую очередь, это ради неё.

– Алестер! – резкий голос Эммы из комнаты, заставляет замолчать нас двоих.

– Думаю, мы слышали друг друга.

Согласно киваю, потому что не могу возразить и противостоят против правды. А Алестер прав.

– Кофе? – интересуется он.

– У меня другой пинок под зад и заряд кофеином с утра.

– Новый тренер?

– Да.

– Увидимся, – кивает Алестер.

Как можно скорей покидаю квартиру и выхожу на улицу, чтобы проветрить голову.

Я не знаю, жалею ли, что остался или всё в точности наоборот, ведь поступив иначе, я бы не услышал Алестера. Его

слова не делают меня слабым и тем, кто не может сказать что-то против. Я не вижу смысла лгать ему и самому себе. Всё, что теперь мучает меня, его последние, крайне важные слова:

— Дерьма достаточно без вас. Я её парень не потому, что это надо мне. В первую очередь, это ради неё.

Если ради неё, то зачем и по какой причине? Чтобы не подпускать кого-то вроде Картера? Вряд ли Эмма не способна дать отказ. Очень даже способна. Мне бы тоже хотелось его получить, хотя, понимаю, что он вряд ли сможет остановить человека, сильно желающего чего-то. А я желаю её. Только теперь всё иначе: Алестер больше не дружелюбен, он изъясняется достаточно точно и категорично. По крайней мере, я его понимаю. Мне легко поставить на их место Мэйсона и Мэди, между которыми тоже что-то есть, что они скрывают ото всех. Мэйсон не подпускал никого к Мэди, Алестер делает это с Эммой, только вряд ли дело в излишней заботе. Что первые, что вторые что-то скрывают, и я не знаю, должен ли вмешиваться. На моих плечах уже имеются чужие тайны.

Ступаю на лёд, сразу натыкаясь на Картера, который мещает в меня невидимые ножи. Даже если он был с кем-то этой ночью, его явно не заботит прошлое. Скорей, он уже забыл и вспомнил про меня и Эмму. Он молчит, Рэн напряжен, и не зря. Как только начинается тренировка, Картер делает всё, чтобы выбить меня из колеи. Весь гнев он направляет на ме-

ня. И даже тогда, когда тренер делит нас на две равные половины, он остаётся в моей команде, а Рэн в другой, Картер продолжает. Он вставляет мне палки в колёса, пасуя так, что клюшка едва не трескает пополам. Почти невзначай, он может толкнуть, проехав мимо, хотя мы не должны быть близко друг к другу. К полному краху, я и Картер – нападающие, между нами есть центральный, хотя, он лишь занимает место между двух огней. Стараюсь оставаться спокойным, но осознаю, что теряю контроль. В конечном счёте, всё завершается тем, что мы ломаем ход игры, и тренер в ярости останавливает её. Мы в заднице. Это понимает каждый. Мы как минимум в команде проигравших, потому что сосредоточились на собственной войне, а не на забивании шайб.

– Этого больше не повторится, – твёрдо заявляет тренер. – Оба отстранены.

Как только эти слова слетают с губ мужчины, небеса обрушиваются на плечи, я едва держусь, чтобы не зарядить Картеру на том самом месте, где стою. Но осознаю, что поддерживал войну. Я по собственной глупости потерял то, чего добивался не год и не два. В итоге, всё, что могу – перешагнуть порог раздевалки, отбросить клюшку в сторону и осесть на лавочку, хватаясь за голову. Этого просто не может быть. Я не знаю, как принять реальность. Отказываюсь верить. Не понимаю, как должен вернуть всё обратно. Случилось то, чего я боялся больше всего. Мой самый страшный сон стал явью. Я больше не в команде.

Глава 10

Эйден

– Не кипятись, – говорит Рэн, когда я переступаю порог кафетерия, чтобы пообедать.

Метнув в его сторону взгляд «заткнись», я, насупив брови, вышагиваю в сторону стола, где должен пообедать. Я едва могу проглотить собственную слюну, чтобы третий день не першило в горле. Ни вода, ни еда, нет ничего, что способно меня успокоить. Хотя, есть одно. Возможно, даже два варианта получить малую каплю. Или нет. Три. Тренер, который вернёт меня обратно в состав команды. Картер, которому я заряжу так, что он сочтёт себя за звездочёта. Эмма, что перевернёт мир вспять и передумает быть кому-то чем-то обязанной. Вполне даже, что четыре способа. Есть Алестер, который отпустит её из своего попечения, хотя, вряд ли он или кто-то другой будет указывать мне в том, что можно, а что нельзя. А Эмма – это нельзя. Для него нельзя, и из-за проклятой совести или уважении, которые хотелось бы откинуть, я присоединяюсь к тому, что *нельзя*. Чем дальше – тем хуже.

Мне с трудом удаётся перенести присутствие Картера в квартире, но сейчас его нет, и это даёт шанс вздохнуть. Джон и Ной ничего не говорят. Конечно, они не молчат, разве что

о команде нет и слова. И как я понимаю, тренировки тоже отсутствуют. Три дня, как мне связали руки и больше не дают заниматься любимым делом, по крайней мере, так, как хотелось бы, а не гонять шайбу в одного, представляя себя супергероем. Я уже давно не тот мальчик, который улыбается, когда видит клюшку и тому, что его ведут на каток в центральном парке. Обычно я веду себя сам и на тренировку.

Но дерьмо случается.

Я больше никуда себя не веду. Зато ведёт Картер, и никого иного, как Эмму, которая беззаботно смеётся и отрицательно качает головой, когда он что-то говорит ей.

– Можешь покатать со мной? – спрашиваю я, стараясь отвести взгляд и не смотреть в сторону парочки.

– В плане? – интересуется Рэн.

– Типа тренировки.

– Без проблем, когда?

– Сейчас.

– Почему я не удивлён?

Жму плечами, и обращаю взгляд к Ною и Джону.

– Вы с нами?

– Да, – обоюдно кивают парни.

Картер слишком занят, и я благодарю за это удачную минуту свободной жизни, где не буду видеть его лицо. Мне уже становится тошно от него. Вероятно, из нас двоих только меня заботит возвращение в команду. Если к слову, то это только хорошо. За несколько дней он успел задолбать, и было бы

чудесно хоть где-то не видеть его лицо.

По пути заглядываем к нам, чтобы я захватил форму, так как теперь она покоится в шкафу, зарождающая новую жизнь в виде моли, которая её вскоре съест. В отличие от меня, форма парней остаётся в раздевалке, ведь я больше не в команде. Эта мысль не даёт покоя уже который день. Это то же самое, что отобрать у футболиста мяч, у пловцов – воду, у человека – воздух. А мне никак иначе, как перекрыли кислород. Но я нахожу кран, который позволяет дать глоток. Я могу кататься не в команде, а как минимум для себя. Для этого есть всё.

Ступаю на лёд, и тоска ложится на плечи с такой силой, что сдавливает грудную клетку. Я слишком скучаю.

– Два на два, – предлагает Рэн, положив шайбу в центр.

– Других вариантов нет, – улыбаясь уголками губ, Джон стучит клюшкой по льду.

– Никто не охраняет ворота, иначе хрень, а не игра, – добавляет Ной.

– Согласен, – киваю я.

Ной и Джон занимают позиции, тем же занимаюсь я и Рэн. Но мы дружно переглядываемся между собой, молчаливо обращая друг к другу, когда осознаем, что кто-то должен дать сигнал для старта. И это происходит. Каждый из нас резко выпрямляется и смотрит в разные стороны, чтобы найти источник звука. Глаза заостряются на человеке, который ещё несколько дней назад считался и моим тренером тоже.

– Ждёте, что я по голове поглажу и поцелую в лобик? –

твёрдым тоном интересуется мужчина.

Краем глаза смотрю на Рэна, который едва заметно пожимает плечами и возвращается в положение нападения. Я же в полном замешательстве, что ещё не изгнан вон со льда.

– Позиции, – требует мужчина.

Не решаюсь идти против его слова и склоняюсь ниже. Ной кивает, а Джон шевелит губами:

– Шанс?

Мне бы хотелось, чтобы это было именно так. Новый свист эхом разлетается по пустой арене, и мы бросаемся к шайбе, пытаясь обыграть друг друга, но, конечно, помня, что находимся в команде двое на двое.

Кто бы мог подумать, что три дня способны очень сильно повлиять на физические способности. Изю дня в день, я уделял хоккею время. Неважно, тренировке на льду или в зале. Одно не мешает другому, лишь помогает. Но эти три дня выбили меня из колеи и сейчас напоминают о том, что я попусту терял время. Так или иначе, стискиваю зубы и выкладываюсь. Плевать, даже если зря, в городе не одна команда и не одно учебное заведение, которое позволяет заниматься и быть в команде. Конечно, хотелось бы играть за свой университет, но сейчас это не так важно.

Новые сбрасывания и новые сигналы. В таком ритме проходят два часа, выжимая силы каждого. Нас всего лишь четверо, но по всем ощущениям целая команда. Тренер не знает пощады. Скорей, для него это словно под скрытым шиф-

ром, который невозможно разгадать. Я думал о простой тренировке в виде игры, а вышло то, что снова несусь по кругу ада. И, вероятно, я мазохист, если принимаю его с такой радостью. Я не звонил родителям, не звонил бывшему тренеру, держа прискорбные новости внутри. Худшее – разочаровать не кого-то, а самого себя. Именно разочарование сопровождает меня. И особенно сейчас. Я знал, что тренер не принимает нытьё и просьбы вернуться, некоторые уже это сделали и просили шанс. Никто из них так и не вернулся. Это бессмысленно. Я разочаровал себя не тем, что не поступил также. Я разочаровал самого себя тем, что сложил руки и терял время, когда мог пойти в любое другое заведение. Я не пытался, и от этого паршиво.

Последний свисток, который завершает игру. К удивлению, тренер не уходит. Он окидывает пристальным взглядом каждого из нас, но останавливается на мне.

– Картер, ты уже не в команде. Почему я вижу тебя тут?

– Потому что имею право тут кататься. Я учусь тут.

– С членами команды? – парирует он, выгибая бровь.

– Сейчас они – мои друзья, а не товарищи по команде.

Кто-то запрещает играть с друзьями?

Вероятно, не веря тому, что слышит и моей прямолинейности, тренер делает паузу и прищуривает глаза.

– Не запрещает, – соглашается он, после чего разворачивается и направляется к выходу.

На этот раз провожаю его спокойно, без горечи в горле. Я

больше не злюсь на Картера. Отец всегда говорил, что, когда закрывается одна дверь, открывается другая. Видимо, самое время открыть новую.

– Дерьмо, – фыркает Джон. – Мы выложились, он мог принять тебя обратно.

– Плевать, – без раздражения и с неким равнодушием говорю я.

Рэн вскидывает брови.

– Что?

– Я могу играть за другую команду.

– В университете только одна команда.

– Никто не обязывает меня играть именно за неё. Я могу играть за любую, что вне.

– Планируешь пойти в другую? – хмурится Ной.

– Да, – согласно киваю я. – Узнаю, что есть.

– Думаешь, он позволит?

– Он выкинул меня из команды, а я не готов ползать на коленях и проситься обратно. Оставлю этот вариант Картеру.

Парни не спешат оспаривать подобное решение.

Наша четверка продвигается к раздевалке и скидывает пропитанную потом форму. На этот раз нет никакой тишины и напряжения, мы разговариваем между собой. Вероятно, накалённая атмосфера царит только после тренировок. Странное чувство: быть тут и не чувствовать сожаления. Как будто нужно было вернуться именно на этот лёд и что-то понять. Посмотреть правде в глаза и отбросить саморазруше-

ние, которым занимался несколько дней.

– Когда планируешь начать? – интересуется Рэн, когда мы покидаем арену.

Жму плечами и щурюсь из-за яркого солнечного света.

– Сегодня.

– Сегодня ходить по клубам и узнавать? – как будто не понял, переспрашивает Джон.

– Да, я уже потерял три дня.

– Нас только что сравнял с землёй тренер, если они захотят проверить тебя?

– Значит, я сделаю это.

– Я думал, что один выжат, – выдыхает Ной. – Хочу вздёрнуться.

– У меня нет выбора.

– Выбор есть всегда, – хмурится Рэн.

– Я сделал свой. Что успею, пройду сегодня, остальное завтра.

– Ты рехнулся.

Парни не расходятся. Они не торопятся прощаться.

– Я пойду с тобой, – сообщает Рэн.

– Пойдём вместе, – говорит Джон.

– Будете таскаться за мной по клубам? – не скрывая удивления, спрашиваю я.

– Почему нет? – усмехается Ной. – Узнаем слабые и сильные стороны.

– Бессмысленно, вам играть с ними не придётся, – пари-

рую я.

– Какая разница? Я не планирую учиться вечно, чтобы быть в команде. Нужно будет куда-то идти потом.

– Согласен, – кивает Рэн.

Это действительно происходит. Они следуют за мной. Где-то я слышу, что мест нет, где-то вижу высокомерных тренеров, которые всем видом показывают, что прямо сейчас могут собрать команду и показать, что легко завоюют кубок мира, это довольно смешно, если учитывать профессионалов и тех, кто только в них метит. Я не отказываюсь показать то, что могу, но не для того, чтобы получить одобрение и согласие на принятие, а для того, чтобы опустить их с небес на землю. Где-то даже получается зацепить тренировки и прокатиться с членами команды. Не все они такие мощные, как их описывают тренера. Я могу с закрытыми глазами забить в ворота нескольких шайбы, даже если буду играть один против шести. На некоторые отклики, отказываюсь сам, чувствуя, что это не то, где желаю быть.

Так проходит шесть часов, но я не чувствую усталости. Наоборот, заведён и готов продолжить. Парни где-то расходятся во мнении, куда я должен идти, но это не их выбор. Я способен сделать его сам. К сожалению, вижу, что они устали и решаюсь завершить этот день последним клубом. Кроме того, в желудке свистит ветер и перекаати поле.

Стучу в кабинет, но не получаю никакого отклика. На той стороне пусто. Но я слышу другое: звуки с корта, туда и на-

правляюсь.

Мужчина, который, по всей вероятности, является тренером, склоняется на ограждение и пристально следит за тем, что происходит на льду. А там полный коллапс и катастрофа в прямом и переносном смысле.

– Предлагаю даже не пробовать, – говорит Джон.

– Согласен, – тут же кивает Ной. – Они не умеют играть, это даже до детской сборной не дотягивает.

Я же вижу в этом совсем другое: возможность. Возможность выстроить всё с нуля и сделать из них что-то стоящее. Они не такие безнадежные, как кажется на первый взгляд, по крайней мере, для меня.

– Ты шутишь? – хмуро спрашивает Рэн, смотря на меня.

– Почему нет? – интересуюсь я, повторяя вопрос Ноя.

– Ты видел их и себя?

– В этом весь смысл.

– Смысл вступать в дерьмовую команду, которая первый раз взяла в руки клюшку и встала на лёд, если тебя были готовы взять лучшие из сегодняшних вариантов?!

– Смысл в том, что это чистое дерево.

– Вот и вся суть: они деревянные. Зачем тянуть всех на себе?

– Из этого дерева я могу сделать всё, что угодно. Они – чистый лист, который могу написать с нуля. Пластелин. Лепи на здоровье.

– Ты не гребанный всемогущий.

– Но могу попытаться.

– Ты рехнулся, серьёзно.

Видя весь скепсис на лицах парней, не иду против себя, а направляюсь вперёд. Всегда легко приходиться на что-то готовое, но не каждый выбирает вариант, сотканный из сложностей и длительной работы. К сожалению, или радости, я являюсь тем, кто выберет тернистый путь, а не ровную дорогу.

Синий спортивный костюм дополняет кепка, по которой мужчина стучит пальцем у виска и поджимает губы, словно решает математические примеры. Он чем-то напоминает Люка. Темнокожий и сконцентрированный, разве что отличается физической формой, дав фору отцовскому тренеру. Его темно-карие глаза обращаются к нам.

– Чем могу помочь? – спрашивает он.

– В команде есть места? – не растягивая, стреляю вопросом, ради которого пошёл по этому пути.

Мужчина, окидывает меня взглядом, который отнюдь не кажется высокомерным, а совершенно расслабленным и в какой-то степени даже радушным. Возможно, если я не ошибаюсь, мы сработаемся.

– Все? – обращая взгляд за мою спину, он вновь возвращает его ко мне.

– Нет, только я.

В его глазах читаю сомнение, но с намёком на то, не шучу ли я.

– Играл раньше?

– Всю жизнь.

– Можешь присоединиться и показать?

Согласно киваю, и он указывает за спину к одному коридору, который чем дальше, тем менее освещённый.

– Вторая дверь направо раздевалка.

Когда очередной раз киваю, следуя в указанном направлении, но оставляю последний взгляд на парнях. Рэн качает головой и бросает сумку на лавочку, без слов говоря, что я совершаю ошибку. Даже если так, это будет моя ошибка. Есть только два варианта: либо у меня получится, либо не получится, но я хотя бы попробую, не бросаясь на лёгкую добычу.

Раздевалка достаточно просторная, напоминает ту, что на арене и под покровительством университета. С дверей шкафчиком свисает одежда, сообщая о том, что команда на льду. Синие стены, где-то отпала краска, но тут намного приятней, чем во многих других местах, пройденных мной. Это всего лишь мелочь.

Полностью экипированный, выхожу обратно и направляюсь к мужчине. Видя меня, он даёт сигнал и останавливает команду.

– Тренер Уолкер, – представляется он, когда я равняюсь с ним.

– Эйден Картер, – отвечаю взаимностью.

– Вперёд, покажи, что можешь.

Мужчина делает отмашку в сторону команды и следом го-

ворит:

– Диксон, один на один.

После чего, тренер вновь обращается ко мне.

– Попробуй обойти и забить, потом проверим владение, броски, обводки, передачи.

Согласно киваю, и какой-то парень, выкатывается из шенги.

Это было понятно сразу, как только мы увидели всех, кто катался до нашего появления. Я слишком легко обхожу его и забиваю несколько раз подряд. Ни у кого нет ко мне вопросов, и тот парень, что остался позади, хотя вышел в игру один на один, кажется, тоже не искрится яростью. Он с интересом смотрит на меня. Рэн всем видом показывает, что я делаю дерьмовый выбор, но я игнорирую. Ещё никто из нас не может похвастаться правотой. Джон и Ной воздерживаются, лишь периодически хмурятся.

Тренер подзывает меня жестом руки. И когда я подъезжаю, он тоже скептически смотрит на меня.

– Парень, это не твой уровень.

– Не мой, – соглашаюсь я. – Но мы можем помочь друг другу.

– Ты пробовал пробиться в другие клубы?

– Да.

– Они отказали?

– Нет, это сделал я.

Моё признание искажает его лицо, словно я несу какой-то

бред.

– Я могу сделать это с ними.

– Что?

– Научить тому, что умею сам. Дайте мне шанс, я не выбираю лёгкий путь.

– Твоё право, но ты можешь играть за лучших.

– Знаю.

– Добро пожаловать, но помни, что я говорил, – следом он даёт свисток и привлекает внимание к себе: – Эйден – новый член команды. Думаю, мы все можем чему-то научиться друг у друга. Следующая тренировка в среду в четыре. Без опозданий. Особенно это относится к тебе, Рейган.

Мужчина отклоняется в сторону, предварительно сообщив о том, что я должен принести к следующей тренировке. Это тот же стандартный набор документов, который никогда не меняется.

– Я всё ещё считаю это дерьмовой идеей, – первое, что говорит Рэн, как только я подхожу к ним.

– Время покажет.

– Ты даже не попробовал поговорить с тренером, чтобы вернуться.

– Он не даёт второй шанс, а я не тот, кто будет умолять.

Закрылась одна дверь, открылась другая.

– Хреновая дверь.

– Я её отремонтирую. Не суди книгу по обложке.

– Как бы это не вышло тебе боком. Он прав: это не твой

уровень.

– Не тебе решать.

– Да, – вздохнув, улыбается Рэн. – Надеюсь, я ошибаюсь.

Глава 11

Эйден

Наверно, первым плюсом, который я осознал – дополнительный сон в количестве двух часов. Немного, но кардинально меняет самочувствие. Я слышал, как Рэн покидал квартиру ранним утром. И если бы с ним был Картер, то были бы проклятия, но он отстранён так же, как я. Теперь мы оба принимаем все, хоть и малые, но блага нормального сна. Не знаю, проснулся ли он, но мой будильник всё ещё со мной, поэтому я разбудил себя сам. Пришлось приложить все усилия, чтобы снова уснуть, а не мучиться из-за лишних мыслей.

Кружка с кофе дымится рядом. Это уже вторая, хотя не является нужной. Мне ничего не остаётся, как выпить её и покинуть квартиру. Картер всё ещё в комнате, и это только к лучшему. Вряд ли мы возьмёмся за руки и пойдём вместе. Рэн немного сглаживал последние остатки наших каких бы то ни было отношений, но сейчас они полностью скатились на дно. И, честно говоря, я не готов их возвращать. Я не нуждаюсь в дружбе с ним. Мы слишком разные, и это говорит о том, что мы не должны для чего-то терпеть друг друга. Мне хватает университета и совместного проживания.

Как и хотел, ухожу раньше, и когда вижу Рэна, не удивля-

юсь его внешнему виду. Он снова вымотан, таким же был я.

– Знаешь, что меня бесит больше всего? – интересуется он, когда я занимаю соседнее кресло.

– Удиви.

– То, что вы спали, пока я горел в аду.

– Для твоего успокоения, могу соврать.

– Ты проснулся и мучился?

– Немного.

– Я бы тоже хотел мучиться, лёжа в кровати.

– Недавно ты боялся вылететь из команды, а теперь желаешь моей участи.

– Потому что с каждой последующей тренировкой, тренер становится ещё жёстче. Сегодня он превзошёл самого себя. Сезон не начался, а я уже хочу, чтобы он закончился.

– Ты начинаешь ныть.

– Я думаю уйти.

Выгибаю бровь, не понимая желание Рэна.

– Уйти куда? – медленно спрашиваю я.

– Мы могли бы сделать что-то путное из тех парней вместе.

– Не кидайся из крайности в крайность. Это слабость. Он всего лишь старается добиться от каждого хороших показателей, так будет делать любой нормальный тренер.

– Есть другие способы.

– Есть, и это один из. Соберись и не расслабляйся, ты должен стать капитаном.

– Говорил бы ты это, если бы всё ещё был в команде?

– Да.

– Это не логично.

– Я не хочу проигрывать слабому. Какой вкус победы от того, что ты выбрал лёгкий путь, который пройдёшь с закрытыми глазами? Зачем выбирать слабого соперника? Лучше обойти равного, и радоваться победе.

– И поэтому ты выбрал тех? – со скепсисом интересуется Рэн.

– Я выбрал их не потому, что буду выделяться на их фоне, а потому что могу сделать из них что-то лучше, чем есть сейчас. Внести свой вклад.

– Этим должен заниматься их тренер, а не ты.

– Возможно.

– К чему эти жертвы?

– Это не жертвы, это моё решение.

– Идиотское решение.

– Это покажет только время. И ты только что хотел присоединиться к моему идиотскому решению.

Рэн улыбается.

– Минутная слабость, нужно было кому-то высказаться. Спасибо, что выслушал.

Закатываю глаза и смеюсь.

– Если ты думаешь, что должен быть нянькой Картера, а я – твоей, то это исключено.

– Где Картер?

– Понятия не имею.

– Он хотя бы встал?

– Не знаю, я не торопился будить его горячим завтраком в постель. Мне плевать, встал он или нет, это не моя забота.

– Ты негативишь.

– Он портит мне жизнь.

– Он портит тебе всё с Эммой, давай говорить на чистоту.

– Я и без него в нормальных с ней отношениях.

– В нормальных *дружеских* отношениях, но ничего другого.

– Мы не будем друзьями.

– Зато ты подружился с её парнем. Вскоре он будет частым гостем в квартире.

– С чего ты взял?

– С того, что среди всей толпы, он решил попросить тебя. Ни её друзей, ни сам, ни меня или кого-то ещё, а тебя. Что происходит вообще?

Вздыхнув, тру затылок и качаю головой.

– Ничего.

– Охренительное ничего. Кто вообще доверит свою девушку незнакомому человеку? Я никогда не просил кого-то присмотреть и отвезти Лору домой. И тем более не оставил бы в живых того, кто ночевал с ней в одной квартире.

– С чего ты решил, что я ночевал у них?

– А где ты был? Нашёл кого-то по пути домой?

– Вполне мог.

– Ты остался у неё.

– Остался, но ничего не было.

За исключением поцелуя. Второго, будь я проклят. Я прыгнул в эту пропасть дважды, и хочу третий. И не только третий, все последующие. Хуже быть не может. Хотя, если бы Алестер не был геем, а действительно был парнем Эммы, вот тогда было бы хуже.

– Я бы давно свернул тебе шею, будь на его месте.

– Я бы сделал то же, – выдыхаю я.

– Он хотя бы знает?

– Что мы не лучшие подружки? Конечно, знает.

– Если пошёл, то иди до конца. Зачем бегаешь от самого себя?

– Я не хочу быть вторым или третьим между кем-то.

– Иногда лучше так, чем никак. Некоторые отношения лучше разрушить, потому что в них нет ничего для будущего.

– С чего ты решил, что между ними ничего нет?

– Он ни разу не поцеловал её, не заехал тебе или Картеру, спокойно оставляет тебя с ней, ему вообще похрен на неё.

– Поверь, далеко не так. Это называется доверием.

Рэн жмёт плечами, но лишь я знаю правду. Я не могу сказать, что Алестер плевал на Эмму, это лишний раз доказывает наш последний разговор. И будь это действительно так, он мог уехать молча, бросив её в одиночестве. Конечно, Эмма могла добраться до квартиры, но никто не исключает до-

полнительные приключения, которые могут оказаться катастрофой.

– Тогда иди и забери своё, – говорит Рэн.

– Что ты имеешь в виду под *моим*?

– Девушку.

– Она *не* моя девушка.

– Наверно, стоит это поменять. Этого хочешь ты и она, зачем бегать?

– И окончательно заставить Картера залезть мне под кожу.

– Как будто тебя это волнует.

– Твоя правда, – киваю я.

Рэн уже открывает рот, чтобы что-то сказать, как я подлетаю с кресла.

– Эй, ещё даже не было начала!

– Да плевать вообще, – говорю я, но вряд ли он слышит.

Вылетаю из аудитории, как из пылающего здания. За мной слово тянутся языки пламени, настолько сильно я лечу по коридорам сам не понимая, куда. Я только знаю, что должен найти её и вытянуть любым способом. Как только сворачиваю за угол, чуть ли не сбиваю с ног того самого парня, который должен был идти на свидание с Эммой несколько дней назад благодаря её же парню. Что я делаю? Ничего. Наоборот, только усугубляю. Вряд ли это невзначай, но я продолжаю спешку, предварительно пихнув его плечом. Это за дело. Не знаю, за какое, но я готов придумать по пути.

Он не кричит вслед и не торопится меня догнать. Ему же

лучше.

Я бы принял себя за идиота, который страдает картографическим кретинизмом, если бы видел подобное со стороны. Какой-то ненормальный бегаёт и заглядывает в каждую дверь. Самое настоящее чудо, если она вообще на лекции. Но я не унываю. Пройдя пятьдесят процентов университета, удача наконец-то поворачивается ко мне передом. Лекция ещё не началась, но профессор вот-вот заговорит, поэтому я максимально ускоряюсь.

Глаза Эммы готовы выпасть, когда она поворачивается. До этого она улыбалась, разговаривая с кем-то несколькими рядами выше, сейчас её лицо побледнело. Она практически под цвет своего белого платья, что держится на плечах. Короткие рукава открывают руки, и плотно огибая поясом талию, оно имеет свободную форму юбки.

– Пошли, – говорю я, закрывая ноутбук и двигая к ней, чтобы она убрала его в сумку.

– Что? Куда?

Не радуюсь медлительности Эммы, сам протягиваю руку и беру сумку, которая рядом с её бедром, из-за чего у неё открывается рот.

– Эйден, что ты делаешь?!

– Похищаю тебя, ворую, забираю, увожу, – перечисляю я. – Выбирай любой из вариантов.

– Ты сошёл с ума?

– У тебя нет выбора, ты пойдёшь со мной.

На лице девушки только чистый шок и замешательство. Что ж, то же самое на всех лицах, кто наблюдает за нами. Приходится подтолкнуть её. Беру ладонь Эммы и тяну её за собой.

– Объясни, что происходит! – слишком мягко требует она, волочась следом.

Профессор провожает нас взглядом вплоть до того момента, пока мы окончательно не скрываемся за поворотом. Я продолжаю вести Эмму, а она продолжает осыпать меня вопросами, и с каждым последующим, беспокойство в её глазах растёт. Она доходит до того, где переходит к мрачным мыслям.

– Что-то с Алестером? – напряжение и дрожь в её голосе, заставляют меня остановиться и обернуться.

– Нет.

– Что ты делаешь? Что происходит?

– Ты пойдёшь со мной на свидание. Плевать, нравится это кому-то это или нет.

Брови Эммы взлетают.

– О ком ты?

– Обо всех.

– А я? Ты не хотел спросить меня?

Улыбка тянет губы вверх, и я признаюсь честно.

– Нет. Я же сказал, у тебя нет выбора. Ты обречена, Эмма.

И я ещё раз говорю, что соврал.

– Соврал? – хмурится она.

– Он не был первым и последним. Возможно, на счёт только первого была правда. Это третий.

Стараюсь как можно легче дернуть её за руку, чтобы девушка упала в мои объятия. Пальцы тут же теряются в кармельных волосах, когда огибаю её затылок и примыкаю к губам. Эмма выдыхает и обмякает. Обвожу её талию, прижимаю к себе и вновь чувствую то, что хотел. А я хотел именно её. Плевать на совесть, лживые отношения, стереотипы и предрассудки. Она будет моей, нравится ли это Алестеру или Картеру. Им лучше принять и смириться с данным фактом.

Целуя Эмму, ощущая её тепло и аромат тела, чувствуя трепетные касания, понимаю, как легко из-под ног уходит земля, словно планета начинает крутиться быстрее, и сила гравитации больше не способна удержать нас. Оставляю несколько завершающих поцелуев в уголке её губ, но окончательным становится тот, где я целую кончик её носа.

С улыбкой смотрю на неё, потому что не могу иначе.

– Готова?

– Этот вопрос немного пугает, – смущённо улыбается Эмма, продолжая смотреть и отражать мои собственные глаза.

– Ты готова пойти со мной на свидание, Эмма Фишер?

– Откуда ты узнал? – щурится девушка.

– У тебя на столе лежал обходной лист.

– Что ты ещё увидел?

– Что у тебя есть браслет вечной дружбы, – смеюсь, мысленно возвращаясь в её комнату. – Кто-то это покупает?

– Алестер, – улыбаясь, признаётся она.

– И ты была против?

– Нет... – невнятно и смущённо бурчит Эмма. – Я выбирала цвета. Это по-дурацки...

Она уже хочет отвернуться, но я ловлю её подбородок и удерживаю на месте, поглаживая бархатную кожу.

– Это не по-дурацки, – без намёка на шутку, говорю я. – Больше не называй вашу дружбу дуристостью. Она, конечно, со своими тонкостями, но я больше не хочу на это обращать внимание.

– Почему?

– Потому что тебя хочу больше.

Щёки Эммы наливаются румянцем, и я тяну её за собой, хотя она очень милая, когда смущается.

– Куда мы идём?

– У тебя есть аллергия на что-нибудь? – обобщив, интересуюсь я.

– На что?

– На что-нибудь?

– Я многого не делала, откуда мне знать.

– Значит, нет.

– Либо тебе придётся искать для меня противоядие, – улыбчиво сообщает она.

– Найду, – уверенно киваю я.

Продолжаю держать её руку до тех пор, пока не ловлю такси и не пропускаю её вперёд, чтобы занять место в сало-

не. Да, мои поиски средства передвижения затянулись, но то, что я уже посмотрел – не то. Это был хлам, который на фотографии казался кладом. В итоге, должен найти хоть что-то, что способно за максимально короткое время доставлять меня до нужной точки без обшарпанного салона и нудной музыки волынки, как, например, сейчас. Это словно похоронный марш, но с экзотическими мотивами.

Называю адрес и вытягиваю звонящий мобильник из кармана. На экране фотография Мэди, и замечая её, Эмма отводит глаза к окну, словно не увидела и ей это совсем неважно. Что ж, ей придётся смириться с тем, что у меня есть сестра, конечно, о которой она не знает. Удачный выбор фотографии, обрисовывает всю нелепость ситуации. На ней Мэди всего лишь восемнадцать. Её длинные шоколадные волосы распущены, но те, что на височной зоне, повязаны бантиком позади. Голубые глаза светятся весельем и счастьем, а улыбка подгибает колени. Не мои, но многих. Особенно её мужа. Вряд ли бы я мог посмотреть на свою сестру с другого ракурса, но не могу отрицать, что она красива. Она не похожа ни на маму, ни на папу. Она что-то среднее между ними, и ей чудом достался оттенок таких глаз. Мои и Мэйсона принадлежат родителям.

Когда принимаю вызов, слышу только шорох и слова:

– Прекрати ломать лестницу! – рассерженно ворчит Мэди.

– Этим занимался Мэйс, – смеюсь я, вспоминая, как старший брат пытался вырвать металлические линии, из которых

состояли боковые части.

– Это ужасно, – устало выдыхает она. – У меня нет сил.

– А где ваш любимый нянька?

– Вчера он научил их взбираться на шкаф. Теперь они все наказаны.

– И как наказан Мэйс?

– Он не придёт к нам до тех пор, пока они не забудут про этот способ.

– То есть, никогда?

– Ладно, – хнычет Мэди. – Он придёт завтра. Ди будет на работе, я тоже должна уехать. Мама с папой улетели.

– Куда?

– Они назвали это новой жизнью.

– Запакуй и отправь их в Испанию.

– Они прогрызут коробку и выпадут из самолёта.

– Ты такая везучая, – смеюсь я. – Как дела?

– Если я делаю лицензию на оружие, это можно считать, как хорошо или плохо?

– Собираешься выпускать пар на птицах?

– Нет, планирую застрелиться.

– Ты должна быть счастливой мамой трёх сыновей.

– Я была бы рада, если была мамой только одному.

– И кого из них ты бы оставила?

Мэди выдыхает и берёт паузу. Конечно, всех троих, вряд ли она может сделать выбор. Никакой человек в здравом уме не соберёт двух детей и добровольно не отправит их в другую

семью, чтобы растить только одного.

– Ладно, – улыбка в её голосе говорит о том, что я прав. –
Как дела? Как хоккей?

– Всё отлично.

– И всё? – недоверчиво переспрашивает она.

– А что ты хочешь услышать ещё?

– Ты не хочешь рассказать про начало сезона? Команду?
Тренера? Когда игра?

– Пока не могу, – хмурюсь я, ведь сейчас прибегаю ко лжи
или тайнам. Ненавижу это.

– Эйден?

– Да?

– Что происходит?

– Мы можем поговорить об этом потом? Или вообще не
разговаривать?

– Эйден...

– Ты не должна думать обо мне, я сам могу всё решить.

Сделав тяжелый вздох, Мэди принимает моё нежелание.

– Ты можешь поговорить со мной. Я не расскажу Мэйсу
или родителям, или кому-то ещё. Только между нами.

– Хорошо, – слабо улыбаюсь. – Я потом перезвоню.

– Ладно.

– Поцелуй их за меня, и дай подзатыльник Мэйсу.

– С удовольствием, – хихикает она, из-за чего я начинаю
смеяться. Ещё бы она отказалась. Есть только три девушки,
которые могут избить его и ничего не получить в ответ.

Сбрасываю вызов и улыбаюсь, смотря на экран, где исчезает фотография Мэди. Но я тут же осознаю, что делаю, и поворачиваю голову в сторону Эммы, которая продолжает смотреть в окно.

– Не иначе, как ревность? – с улыбкой, начинаю я.

Эмма резко оборачивается и встречается со мной глазами.

– Что? – я почти верю в её искреннее удивление.

– Мне больше нравилось, когда ты была со мной честна.

Эмма на секунду кидает взгляд в сторону мужчины за рулём, но после чего возвращает его ко мне.

– Это неправильно, – тихо говорит она.

– Быть честной или испытывать ревность?

– Второе.

– Ты не должна думать о том, что правильно, а что нет. Это не мы решаем, и никто-то другой. Ты не должна стыдиться своих чувств.

– Возможно, – соглашается Эмма.

Беру её ладонь и поглаживаю запястье большим пальцем.

– Я познакомлю тебя с ней.

– С кем?

– Со своей девушкой из штатов, – вполне серьёзно говорю я, из-за чего она распахивает глаза и открывает рот, а я начинаю смеяться. – С сестрой, Эмма.

– У тебя есть сестра?

– Ну, если быть точным, то у меня старший брат и сестра. Они близнецы. Один, конечно, редкостный придурок, Мэди

понравится тебе больше. Мэйс – это не лучшее лицо нашей семьи. Скорей, как тёмное пятно. Хотя... родители называют их всадниками апокалипсиса.

– То есть, удался только ты? – смеётся Эмма.

– Не могу так судить, иногда я думаю, что они хотят пристрелить нас всех.

– Как мило.

– Ещё бы.

Машина останавливается на парковке, и я быстро сую мужчине несколько купюр. Выползаю первым, Эмма следует моему примеру. Её глаза начинают блестеть, а радостная улыбка поднимает уголки губ. Мне ещё не удавалось видеть её такой сияющей от счастья. Говорю спасибо самому себе за выбор.

– Зоопарк? – восторженно шепчет она.

– Думаю, ты уже откормила всех птиц на набережной, – улыбаюсь я. – Другие тоже голодные.

Я совсем не ожидал её последующую реакцию. Полагал, что Эмма смутится, но она чуть ли не сбивает меня с ног, когда бросается с объятиями и крепко сжимает мою талию. Она что-то воодушевленно лопочет у груди и подпрыгивает на месте. Вместе с ней, радуюсь сам. Чутко ощущаю, как колотится сердце, доселе неизведанное чувство счастья и умиротворения поселяется в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.